



**АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ
ЮЖНОЙ СИБИРИ**

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АРХЕОЛОГИЯ И ЭПИГРАФИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ
Межвузовский сборник

Барнаул 1984

УДК 902.6 : 902.7

Археология и этнография Южной
Сибири : Межвузовский сборник научных статей . -
Барнаул : изд. АГУ, 1984 . - 165 с.

В межвузовский сборник включены статьи, являющиеся
итогом многолетних полевых работ авторов, многие иссле-
дования выполнены совместно с СО АН СССР по комплексной
программе "Социально-экономические и культурные аспекты
развития Сибири и Дальнего Востока". Рассматриваются во-
просы хронологии и культурной принадлежности памятников,
а также проблемы материальной и духовной культуры, осо-
бенности быта некоторых народов Южной Сибири.
Науч. спец. 07.00.06 , 07.00.07.

**Редакционная
коллегия:**

к.и.н. Киришин Ю.Ф. - ответственный редактор;
д.и.н., профессор Кыласов Л.Р. ;
д.и.н. Молодин В.И. ;
д.и.н., профессор Матющенко В.И. ;
Владимиров В.М. - секретарь

Темплан Минвуза РСФСР 1984, п. 288



Алтайский государственный университет, 1984

Д.П.Холошкин, В.А.Холошкина

(Институт истории, филологии и философии СОАН СССР)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КЛАССИФИКАЦИИ
В АРХЕОЛОГИИ КАМЕННОГО ВЕКА

"Задача классификации состоит в том, чтобы свести бесконечное разнообразие явлений к минимуму, удобно охватываемому памятью."

В.А.Городцов /1, с.21/

Проблема классификации в археологии непрерывно возникает перед исследователями с момента зарождения самой науки, поскольку, имея дело с историей культуры, археолог всегда стремился получить исторический источник, отражающий судьбы или определенные черты развития материальной культуры в сплетении ее со всей сложной тканью общественного целого /2/, посредством группировки артефактов в типы, комплексы и археологические культуры. Общие подходы к разработке хронологических и типологических классификаций палеолита были разработаны А.Мортилье, Г.Обермайером и рядом других исследователей в конце XIX - начале XX вв. Однако эти классификации, сыгравшие в свое время выдающуюся роль в развитии археологии палеолита, не были строго научными, поскольку основаны на различных принципах деления единиц классификации. Уже тогда остро стоял вопрос о внедрении логических правил классификации, связанных с унификацией понятий. Внедрение системы этих понятий связано с именем В.А.Городцова, построившего жесткую схему для древовидных классификаций с универсальной иерархией признаков и закрепившего за терминами определенные значения /3/.

Взгляды В.А.Городцова на проблемы классификации мало чем отличаются от современных представлений. Он, как и современные классификаторы, рассматривал классификации как своеобразный фильтр, через который производится преобразование массы громоздкой информации в более пригодную для дальнейших обобщений. Однако и эта схема классификации не стала каноном, поскольку на практике трудно совместить "служебную и исследовательские формы группировок", но тем не менее оказала важное влияние на работы советских и зарубежных исследователей /4, с.54/.

Новый подъем интереса к построению строгих классификаций вы-

эван появлением в начале 1960-х гг. ряда систем описания и классификации археологических объектов. Системы Ф.Горда для мустье и Д.Соннеамль-Борд-Перро для позднего палеолита не столько внесли новое, сколько убедили в необходимости точного комплексного описания фактического материала, завоевав этим сторонников среди советских палеолитоведов, пытавшихся, порой небезуспешно, строить тип-листы по типу Борда для ряда регионов. Другие же, убедившись в громоздкости этой системы, обратились к более плодотворным в этом отношении методам метрического анализа или пытались совместить оба метода.

Нынешний этап развития археологических классификаций характеризуется осознанием определяющей роли классификаций для научных исследований, критиче ким отношением к существующим типологическим классификациям, способам их построения и использования, стремлением к построению языка и элементов общей теории археологии и классифицирования. Во всем этом нельзя, конечно, видеть что-то принципиально новое по сравнению с предыдущим этапом. Новое, пожалуй, лишь в подходе к уровням строгости описания объектов классификации с учетом возможностей вычислительной техники и математики для хранения и обработки данных.

Основные причины этого интереса к теориям, методике классификаций можно видеть в быстром накоплении числа новых эмпирических фактов (известно, что количество археологической информации удваивается каждые 20 лет), в отсутствии эффективных приемов классификации, в возможностях использования современной математики и во все более возрастающих возможностях ЭВМ, достижении сравнительно высокого уровня развития археологической науки, повлекшей в ряде случаев смену теоретических концепций.

Современные представления об основаниях археологических типологических классификаций

Важный познавательный процесс в современной археологии связан с группировкой изучаемых явлений и отношением каждого нового открытого объекта к той или иной группе уже известных объектов либо к выделению новой группы. Такая группировка материала, или "классификация" в обиходном, самом широком смысле слова, на разных этапах работы археолога различна по своему характеру.

На первом, предклассификационном этапе работы, происходит сбор эмпирического материала, учет всех свойств этого материала. На этом этапе отмечаются представления о допустимых и недопусти-

ми приемах классификации (с чего они начинаются, из каких элементов - признаков или их вариантов - состоит и чем заканчиваются). Здесь велика роль интуиции. "Вещи раскладываются по принципу - похоже и не похоже. Сходство определяется или по общему признаку вещи (фрагмента), или по отдельным признакам. При этом выбор признаков как существенных или несущественных для классификации тоже строго не определен" /5, с.15/.

На втором этапе выделенные группы описывают с различной степенью полноты. При этом, как правило, часть материала трудно отнести к определенным группам. Здесь возможно проявление субъективизма. "Там, где один исследователь видит пять типов, другой - видит десять типов, а третий - только два. Такие расхождения обычны в археологии" /5, с.15/. Это в значительной степени относится к типолого-статистическому методу. Это нетрудно показать на элементарном сопоставлении тип-листов, их органическую несоместимость в самих принципах организации их не только в классификационных рубриках, но и в описательных элементах /6, с.286/. Еще со времен В.А.Городцова археологам известны принципы, отличающиеся следующим правилом /7, с.22/: классификация должна производиться по одному признаку, называемому основанием классификации (если таких признаков несколько, то они служат основанием для нескольких последовательных древовидных классификаций); классификация должна быть исчерпывающей; полученные типы или классы должны исключать друг друга. Тип-листы Ф.Борда, Д.Сонневиль-Борд-Перро и их различные модифицированные варианты не всегда и не во всем соответствуют этим правилам, например, типология скребков из тип-листов, составленных Д.Сонневиль-Борд-Перро /8, с.4-5/ и Э.А.Абрамовой /9, с.7-8/ (табл.). Классификация этого класса орудий производится на основе случайно подобранных признаков, считаемых авторами существенными. В одних случаях это дислокация лезвий, их количество, в других случаях - их форма и так далее. Следовательно, в тип-листах невозможно найти органического единства набора существенных признаков, образующих тип и отличающих его от других типов.

Мы считаем, что типология галечных орудий, созданная Э.А.Абрамовой, построена на более строгой и аргументированной основе /10, с.125-141/. То же можно сказать о типологии пластин, резцов и ряда других типов орудий, выделенных Э.А.Абрамовой для палеолита Енисея. В целом же типологический метод в данном виде разоча-

Классификация скребков

Признаки	Тип-лист	
	Сонневиль-Борда	Э.А.Абрамовой
Форма рабочего края скребка	с рыльцем	с выемчатым краем
Расположение лезвия	концевой	концевой, боковой, угловатый
Количество концевых лезвий	двойное	двойное
Площадь, занятая ретушью	-	по периметру; 1/2 периметра
Форма орудия	ногтевидная, стрельчатая, веерообразная	округлая, сегментовидная
Тип заготовки	на отщепе, нуклеидный, на ориньякской пластине и т.д.	концевой на пластине, атипичной пластине, отщепе
Размер заготовки	-	микроскребок, скребок на широких отщепах

ровывает своей рыхлой структурной основой, неспособностью к территориальным и временным изменениям. В основу более удачной классификации галечных орудий Э.А.Абрамовой положены не визуальный подбор типов, а элементы метрического анализа, что, на наш взгляд, представляет собой новую качественную ступень в классификационных построениях. Но такие примеры единичны. Как справедливо подчеркнул Г.С.Лебедев, традиционный "типологический метод не выдерживает перегрузок, которым подвергает его исследователи" в стремлении отразить в своих схемах основные, генеральные линии развития и охватить ими все наличное многообразие материала /II, с.74/.

Данное обстоятельство дало толчок развитию другого направления в методике исследования каменных индустрий, основанного на метрическом анализе или соединении его с частотно-типологическим. Вместе с этим в археологии входит представление о типе как совокупности устойчивых признаков /12; 13/. Этот метод достаточно

полно нашел свое отражение в работах Д.Секкета, Х.Мовкуса и ряда других исследователей. В СССР метрический анализ широко применялся в работах Р.Х.Сулейманова /14/, В.А.Ранова /15/, Г.Н.Матюшина /16/. Однако в большинстве случаев исследователи исходят из принципиальной равноценности признаков типологической классификации, и лишь в работах В.А.Ранова проводится выделение важных признаков, но цели исследований поставлены предельно узко: для ускорения подсчетов или уменьшения громоздкости классификационных построений /17, с.18/. Вес признаков при классификационных построениях других перечисленных исследователей не подвергается вообще никакой количественной оценке. Выделение признаков и поиск типов осуществляется методом перебора параметров и свойств артефактов. Вот тут то и начинаются трудности по выделению типов, связанные с поисками реальных рубежей классификаций, возникновение дилеммы естественных и искусственных классификаций.

По мнению Р.Х.Сулейманова, "типы относительны, потому что они изменяются и перерождаются, во-первых, во времени, во-вторых, структурно. В природе нет чистых типов, и в любой индустрии всегда есть небольшое число промежуточных форм, связывающих морфологию основных типов". При таком подходе "тип существует лишь как статистическое предпочтение той или иной формы в определенный период" /14, с.75/. Ряд исследователей, в частности, Г.П.Григорьев /18/, предлагают наложить на материал искусственную четкую сеть рубежей и очертить ими "условные типы" и затем путем проверки и перепроверки приближать их к некогда реально существовавшим типам. При этом, конечно, остается неясным осуществление этих установок. Недаром К.Валох охарактеризовал сложившееся в палеолитоведении положение как "кризис типологии" /19/. На нынешнем этапе ряд исследователей палеолита Сибири фактически работают без типов в своих археологических интерпретациях, пользуясь более общими категориями классификаций либо переносят всю тяжесть своих корреляционных усний на уровень признаков /20/. На этом пути трудно ожидать каких-либо крупных достижений по нескольким причинам: во-первых, работы проводятся на ограниченном материале при нечетком понятийном аппарате; во-вторых, применяемые методики, в основу которых положены простые статистические гипотезы о сходстве или несходстве, наличии или отсутствии корреляций между парой признаков и так далее, оказываются слишком упрощенными. Не потому ли "сторонникам новых пу-

тей в археологии не удалось пока достаточно убедительно доказать абсолютное преимущество формализованных методов над старыми интуитивными приемами обработки и анализа археологического материала" /15, с.7/. Но этого и следовало ожидать, поскольку эти новейшие попытки помогают в решении лишь частных задач культурной группировки, а не в решении всех волнующих палеолитоведов проблем построения типологических классификаций и способов выделения археологических культур.

Возможные пути в реализации типологических классификационных построений

На наш взгляд, типологические классификации являются рациональным научным средством упорядочения наших представлений, поэтому их можно представить как некоторый набор правил отнесения данных и соответствующим классификационным разрядам. Следовательно, классификация должна быть операционной теорией, в задачи которой бы входила четкая постановка целей классификаций и путей проведения операций по группировке множества, обязательно формализованно описанных, самых разных объектов костяных и каменных "индустрий". При нынешнем уровне подготовки археологов эту теорию можно было бы первоначально использовать как инструмент получения на основе простых маломерных классификаций достаточно удовлетворительных сложных многомерных.

Важным звеном в построении теории археологической классификации является создание ее языка (системы терминов), ориентированного на очень широкий круг специалистов. По способу построения такой язык обязан быть теоретическим, достаточно жестким, исключая двойственность объяснения, и в то же время достаточно богатым, построенным на основе некоторого праязыка, вернее диалектов этого праязыка, которыми пользуются ныне археологи. Такой язык должен быть и в достаточной мере исчерпывающим, чтобы ни один из признаков не остался вне процедур классификационных задач. В качестве диалектов, к которым следует отдать предпочтение при разработке терминологии (языка), можно предложить номенклатуру деталей наглядных моделей, успешно внедряемых якутскими археологами в сибирское палеолитоведение /21/, опыты и разработки В.А.Ранова, В.П.Лябина, Р.Х.Судейманова и ряда других советских и зарубежных ученых. Особое место здесь должна занять "археометрия", как методика более точных способов описания археологических объектов, для чего должна быть прежде обработана и методика

изменений. Это первый этап классификации на уровне элементов, на котором можно проследить поведение признаков во времени и пространстве.

На следующем этапе построения классификационной системы потребуется определение существующих критериев и их упорядочение по степени важности. Итак, возникает вопрос: каким образом определять существенные классификационные признаки и как их затем применять для отнесения артефактов к типам. Определение релевантных признаков является существенной проблемой, поэтому здесь нельзя применять каких-либо правил, за исключением, может быть того, что наиболее важным признакам следует придавать наибольший вес. Эта "проблема оценки веса признаков пока еще далека от теоретического обобщения и тем более от формальной теории" /22, с. II/. Тем не менее, можно указать на некоторые достаточно распространенные способы. Один из них, использованный в работах В.А. Раюва и его соавторов, состоит в минимизации внутригрупповой дисперсии и максимизации межгрупповой. Однако эта методика пригодна лишь для количественных признаков классификации.

Для исследования орнаментации керамики карасукской культуры была сделана попытка оценки значимости признаков на основе венноновского определения информации, исходным понятием которого является энтропия - мера неопределенности состояния системы /23/.

Нами был также применен алгоритм классификации по выделению информативных признаков /24;25/, состоящий из двух частей. В первой части вычислялась матрица парных зависимостей, измеряемая отношением информации к энтропии /26/. Во второй части осуществлялась непосредственная группировка на основании алгоритма "объединение" /27/. Среди применяемых методов классификации можно указать на R-метод анализа /28;29/ (при помощи которого исследуются взаимосвязи между признаками, или переменными) и Q-метод (позволяющий исследовать взаимоотношения между объектами, выделять типы). Мы обращаем на это особое внимание, поскольку понимание взаимосвязей между признаками - одна из основных целей классификационного исследования. Можно сказать, что решение одной этой методической трудности, фактически означающее построение теории взаимосвязей, гораздо более важно, чем конечный продукт - сама классификационная система.

Кроме перечисленных можно также использовать методы подобия, ассоциации и корреляции и так далее. Выбор подходящей меры

в данном случае зависит от характера использования измерений и описаний признака, размера выборки (статистика малых выборок отличается от статистики больших выборок) и от вида распределения (нормальное и анормальное). От вида распределения зависит также применение параметрических и непараметрических критериев.

Следующей стадией классификации является группировка объектов (выделение археологических типов). На этом этапе объекты группируются в типы путем вычисления расстояний между объектами. С этой целью в археологии применяются многокомпонентный/30/ и факторный анализы и другие методы, не требующие евклидова пространства, в частности, кластер-анализ /31;32;33;34;35;36;37/. Одним из возможных методов классификации является дискриминантный анализ /38/. Нам известен лишь один пример применения дискриминантного анализа в археологии /39/. При данном анализе исходят из некоторого набора типов, имеющих известные признаки. Но при политетической классификации (по методу Д.Кларка) /40; 41, с.257/ могут возникнуть затруднения при решении вопроса о принадлежности отдельного артефакта к одному из нескольких возможных типов. На наш взгляд, этот вид анализа можно применить лишь в качестве критерия эффективности той или иной классификации, поскольку основное в его назначении — дать количественные правила отнесения артефактов в предназначенные классы.

На основе сказанного можно выделить несколько аспектов количественного подхода к классификациям:

- Количественный анализ классификационной значимости признаков и анализ их соотношений. Количественный анализ соотношений между типами и классами.

- Трансформация и приведение корреляций к геометрической структуре с их важными свойствами (обычно евклидовой).

- Кластер-анализ (возможен и другой группировочный анализ) артефактов или признаков на основе расстояний в этом трансформированном пространстве /22;42/.

- Выработка правил отнесения артефактов в типы и классы после идентификации.

Почти все из этих аспектов в той или иной степени были опробованы в археологии, но это делалось фрагментарно, в отрыве друг от друга.

На этом не исчерпывается работа с типами, поскольку так варьирует во времени, образуя хронологические варианты/43, с.365/. Поэтому важно проследить процесс его возникновения, расцвета и

деградации. Одна из моделей развития типа была предложена Д.Кларком /41/. Поведение типа описано Г.С.Лебедевым/II, с.85-86/. Наконец, важно установить распространенность типа в пространстве путем картографирования, выяснить возможности и способы его распространения. Это важно потому, что "существование типа обусловлено наличием представлений (информации) о нем. Эта информация могла распространяться и сохраняться только благодаря связям, существовавшим внутри определенного сообщества людей. Такому сообществу могут соответствовать "мастерская", "производственный центр", "археологическая культура" /43, с.355/. Наряду с этим следует установить случаи заимствования, автохтонности и в некоторых случаях использования артефактов из стоянок других эпох (в данном случае имеется в виду установленный Г.И.Мадведевым факт использования обитателями стоянки Мальта орудий более раннего времени).

В заключение следует сделать ряд замечаний по поводу применения предложенных методов. Хорошо известны проблемы, связанные с оценкой общности и устойчивости факторов в условиях выборочной изменчивости при применении факторного анализа. Сложные трудности возникают и при применении кластер-анализа. "Это далеко еще не первоклассное орудие анализа, возможны случайные решения, поскольку велика роль субъективного суждения определенных результатов"/44, с.264/. Подобные недостатки есть и у других методов анализа.

Подводя итоги, следует отметить, что количественные методы требуют более объективного подхода и правильной оценки тем исследователем, который их применяет. От этого во многом зависит, будут ли реализованы огромные возможности количественных приемов типологических классификаций в археологических исследованиях, найдем ли мы им эффективное применение на пути к более глубокому пониманию изучаемых явлений.

Современные представления о проблемах выделения археологических культур.

Методика выявления пространственно-временных связей палеолитических индустрий

Трудности в археологии каменного века при разграничении археологических культур заключается не в том, "где провести линию", разделяющую их, а в том, что мы пока не можем предложить правил.

по которым сделано такое разделение, и обосновать справедливость всех предложенных подразделений раз и навсегда. Критерии, которые мы зачастую предлагаем, охватывают лишь часть познаваемой действительности, но что-то всегда остается в тени /45, 46/. Правильно будет сказать, что мы непрерывно воздвигаем мосты от теоретического конструкта к непосредственным наблюдениям, и каждый раз эти мосты оказываются временными. Благодаря работам В.А.Городцова /3/, А.Л.Монгайта /47/, И.С.Каменецкого /45/, В.П.Дюбина /48/ и ряда других исследователей в археологии каменного века сложилось понятие об археологических культурах как о явлениях территориальном, хронологическом и генетическом.

Такие представления требуют разработки следующих положений:

- Характеристика культурных компонентов, служащих региональными индикаторами, создание концепций ареала культуры или зональных соотрадий.

- Последовательность развития археологических культур в их постоянном взаимодействии с внешней средой.

- Теория культурной традиции, включающей в себя проблему ее устойчивости по степени жесткости стереотипизации опыта /49/, аккумуляцию и передачу ненаследственной информации, адаптацию к непредвиденным культурным традициям, многообразным условиям и ситуациям, которые происходят благодаря актуализации механизма творческих инноваций /50, с.82/.

Каков же подход археологов Сибири к выделению археологических культур в палеолите? Еще в 30-е гг. Г.П.Сосновский, рассматривая особенности стоянок палеолита Северной Азии, писал, что "сибирский палеолит нельзя рассматривать как нечто однородное, без учета его локальных особенностей, отдельных культурных групп, стоянок, значительно отличающихся в северо-азиатском масштабе друг от друга" /51, с.283/. Последующее развитие идеи о существовании особого ареала палеолитических культур мы находим в трудах С.Н.Замятина /62/ и А.П.Окладникова /53, с.44-45/, которые выдвинули гипотезу о существовании сибиро-монгольской палеолитической провинции. В последующие десятилетия значительное внимание в сибирской археологии стало уделяться выделению археологических культур. Но, поскольку в археологическом материале указанного региона много расплывчатых, многообразных и неразделенных по степени важности границ, то и степень обоснованности выделяемых культур подвержена значительным колебаниям. В одних случаях за основу берется какой-либо показатель (вторичная двусторонняя обработка

камня, пластичность индустрии), тогда область распространения археологической культуры захватывает огромную территорию/54/, а другая — для обоснования правомерности выделения культур, существующих на одной сравнительно ограниченной территории, является недостаточной по своим процентным показателям критерия/55/ — тем самым доказывается вероятность их генетического различия. Но, как отмечал А.П.Окладников, "для надежности выделения самостоятельных культур, тем более локальных, нужно иметь в виду всю совокупность элементов каменного инвентаря, взятую в целом" /56/, с.112/. Исходя из этого, А.П.Окладников делает вывод о необоснованности утверждения о генетическом различии кокоревской и афонтовской культур, о наличии параллельных и взаимосвязанных тенденций в развитии обеих групп и об отсутствии различий принципиального порядка в ранних культурах, за исключением мальтинско-бурятской. Трудно сделать выбор между описанными точками зрения на верификацию из-за их трудностей. Первая из них связана со способом определения подходящих проверочных испытаний для каждой из рассмотренных гипотез, а вторая — с разработкой индуктивных правил, с помощью которых можно было бы приписать им некоторую степень подтвержденности, тем более, что здесь в качестве индикатора используются явления разнородные, а теоретически не обосновано, какие из них наиболее существенные.

В предлагаемой методике предусмотрены следующие процессы:

1. Проверка существующих в палеолите Сибири и Средней Азии дефиниций при выделении традиций, фаций и археологических культур с помощью критерия χ^2 , тетраэдрического показателя связи К.Пирсона с поправкой Йейтса и коэффициента связи Q , предложенного Дж.Э.Дюлом и М.Дж.Кэндалом. Это оказалось возможным благодаря тому, что каждый из выдвинутых критериев для обоснования культур представляет в отдельности простую реальную ситуацию, в которой равновозможность исходов представляется разумным предположением. В частности, работающим для палеолита Сибири оказался критерий В.А.Мочанова при выделении культурных общностей первого порядка (археологических культурных общностей или областей, по Н.М.Черессову) /57/, с.25/. Из критериев З.А.Абрамовой работающим оказались два: различия в соотношении нуклеусов I и II групп, а также в пластичности инвентаря /58/.

2. Попытка выработки критериев для выделения однокультурных памятников, исходя из структуры археологических объектов, пространственного распределения артефактов на площади памятника. По-

добную работу с целью выработки количественных критериев проводимы М.И.Гладких /59/ и В.М.Массон, предложивший вслед за Д.Кларком широкий спектр дефиниций археологических терминов. Проведенный анализ комплексов Мальты позволил представить, как вписывается модель в параметры выделенных В.М.Массоном культурных подразделений. Аналогичный анализ с сибирскими палеолитическими памятниками позволил сопоставить представление о сопряженности различных категорий инвентаря палеолитических стоянок Сибири как между собой, так и с однокультурными комплексами Мальты. Методика дает возможность уточнить количественные параметры археологических культурных подразделений. Вычисления расстояния между объектами производились с помощью критерия Робинсона-Брейнерда. Подобные вычисления можно производить с помощью метода главных компонент и обобщенному расстоянию d^2 по Маганобису.

3. Исследование временной динамики культурного процесса на основании группировки памятников по их геологическому и абсолютному возрасту с привлечением данных по климатологии и термофауне. Анализ включает в себя рассмотрение компонентов культуры того или иного района для определенного отрезка времени. В качестве основы берется модель В.Зелинского в форме пропорционального куба, позволяющая анализировать культуру в трех аспектах: составляющие составные части культуры, их особенности и характеристики субкультур /60/.

Далее процедура предусматривает рассмотрение временной траектории типов орудий памятников, относящихся к одному региону (колонные секвенции И.С.Клечна) /61, с.28/, представляющие на графиках полилинейную траекторию, где каждая нить - путь типа во времени. Данная методика позволяет с той или иной степенью полноты ответить на следующие вопросы, представляющие интерес: генетическая преемственность; степень изменений в культуре в зависимости от изменений климата; отношение первобытного населения к традициям и новациям.

Традицию можно изучать в данном случае по степени длительности существования, по степени жесткости, по сферам деятельности, где они фиксируются. Инновации на основании указанной методики можно также изучать в динамике, прослеживая взаимообусловленность традиций и новаций. Мерами, позволяющими выравнять количественно степень восприятия к новациям, могут служить либо коэффициент актуализации, предложенный В.М.Верштейном /62, с.55/, определяемый отношением художественного наследия ко всему объему "ки-

вого", либо кривая устойчивости населения и восприятию новаций может быть аппроксимирована логистическим распределением, выраженным уравнением П.Р.Гулда:

$$P = \frac{u}{1 + e^{(a-bt)}}$$

где P - доля стоянок, воспринявших новацию, u - верхний предел доли стоянок, воспринявших информацию, t - время, a - значение P при $t=0$, b - константа, определяющая скорость возрастания P от t , e - основание (2,718) натуральных логарифмов.

4. Поскольку из указанной методики не всегда понятной являлась природа новаций, их истоки, в процедуру исследования вводятся характеристики культур как региональные индикаторы. Поскольку вероятность распространения новаций связана с расстоянием, дополнительно вводятся почерпнутые из географии и теории информации понятия о контактных полях, средних полях информации и подсчитывается скорость диффузионных волн, если они имели место, на графической модели в трехмерном пространстве в зависимости от времени и расстояния. Данная методика позволяет выделить кристаллизующий центр, периферию и переходную зону археологической культуры.

Интересным и перспективным, на наш взгляд, является системный подход, предложенный в статье Г.С. Лебедева /63/, где рассматриваются достаточно перспективные вопросы направления связей внутри системы археологической культуры, их плотность и состав ее комплекса. На наш взгляд, применение данной методики позволит приблизить исследователей каменного века Сибири к "выявлению причинности сложения технического разнообразия в одних и тех же археологических комплексах, смещения технических уровней или черт у сообществ, живущих бок о бок или разделенных огромными пространствами" /6, с.286/.

ЛИТЕРАТУРА

1. Г о р о д ц о в В.А. Археология. Каменный период. - М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1925, т.1, с.21.
2. Р а в д о н и к а с В.И. За марксистскую историю материальной культуры. - В кн.: Известия ГАИМК, т.УП, вып.34. - Л., 1930, - 82 с.
3. Г о р о д ц о в В.А. Типологический метод в археологии. - Рязань: б.и., 1927, с.3-5.

4. К л а в и И.С. Понятие типа в современной археологии. - В кн.: Типы в культуре. - Л.: Наука, 1979, с.54.
5. К а м е н е ц к и й И.С., М а р ш а к Б.И., Ш е р н А.А. Анализ археологических источников (Возможности формализованного подхода). - М.: Наука, 1975, с.15.
6. Б и б и к о в С.Н. Ленинские идеи в археологической науке. - СА, 1981, № 4, с.286.
7. Т у л ь ч и н с к и й Г.Л., С в е т л о в В.А. Логико-семантические основания классификаций. - В кн.: Типы в культуре. - Л.: Наука, 1979, с.22.
8. Цит. по: Ч е р н ы й А.П. О номенклатуре позднепалеолитических орудий. - КСИА, вып.Ш, 1967, с.4-5.
9. А б р а м о в а З.А. Каменный инвентарь палеолита Енисей. - В кн.: Проблемы терминологии и анализа археологических источников. - Иркутск: Изд-во Иркут.ун-та, 1975, с.7-8.
10. А б р а м о в а З.А. Галечные орудия в палеолите Енисей (Опыт типологии). - МИА, 1972, № 185, с.125-141.
11. Н е б е д е в Г.С. Археологический тип как система признаков. - В кн.: Типы в культуре. - Л.: Наука, 1979, с.74.
12. Spaulding A.S. Statistical techniques for the discovery of artifact types. - American Antiquity, 1953, vol.18, № 3.
13. Statistical description and comparison of artifact assemblages. In the application of quantitative methods in archaeology. Viking Fund Publications in Anthropology. 1960, vol.28, № 4.
14. С у л е й м а н о в Р.Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Тухмат. - Ташкент: Фан, 1972. - 172 с.
15. Г н и з б у р г Э.Х., Г о р е н т е й н Л.М., Р а н о в В.А. Статистико-математическая обработка шести мустьерских памятников Средней Азии. - В кн.: Палеолит Средней и Восточной Азии. - Новосибирск: Наука, 1980, с.7-31.
16. М а т в и ш и н Г.Н. Мезолит Южного Урала. - М.: Наука, 1976. - 473 с.
17. Г н и з б у р г Э.Х., Р а н о в В.А. О комплексном сравнении чопперов и чоппингов. - В кн.: Проблемы терминологии и анализа археологических источников. - Иркутск: Изд-во Иркут.ун-та, 1975, с.17-18.
18. Г р и г о р ь е в Г.П. Культура и тип в археологии: категория анализа или реальность? - В кн.: Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. - М., 1972. с.5-9.

19. V a l s o n K. Gedanken zur Typologie paläolithischer Steinwerkzeuge - *Bechnia*, Jg. 35, N. 1-2.

20. Х о л ь ш и н Ю.П. Проблемы корреляции позднепалеолитических индустрий Сибири и Средней Азии. - Новосибирск: Наука, 1981. - 119 с.

21. М е д в е д е в Г.И. К проблеме формально-типологического анализа каменных изделий палеолитических и мезолитических индустрий (номенклатура деталей наглядных моделей). - В кн.: Проблемы терминологии и анализа археологических источников. - Иркутск: Изд-во Иркут.ун-та, 1975, с.21-38.

22. Ш е р Я.А. Интуиция и логика в археологическом исследовании (к формализации типологического метода археологии). - В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. - М.: Наука, 1970, с.11.

23. П о д о л ь с к и й П.Л. Об оценке классификационной значимости признаков. - В кн.: Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. - М., 1972, с.395-398.

24. Х о л ь ш и н Ю.П., Х о л ь ш и н а В.А. Об оценке классификационной значимости признаков галечных орудий Самаркандской стоянки. - В кн.: Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск: Наука, 1979, с.40-51.

25. Х о л ь ш и н Ю.П., Х о л ь ш и н а В.А. К вопросу о принципах релевантности признаков палеолитических орудий. - В кн.: Отчетная научно-теоретическая конференция. Археология, этнография, источниковедение. - Иркутск: Изд-во Иркут.ун-та, 1979, с.49-50.

26. У с т и н о в В.А., Ф е л ь м г е р А.Ф. Историко-социальные исследования, ЭВМ и математика. - М.: Мысль, 1973. - 327 с.

27. А р х а д ь е в А.Г., Б р а в е р м а н Э.М. Обучение машины классификации объектов. - М.: Наука, 1971. - 300 с.

28. C h r i s t e n s o n I n d r e w L., R e a d F w i g h t R. Numerical Taxonomy, R-mode Factor analysis, and archaeological classification.- *American antiquity*, 1977, vol. 42, N 2.

29. D u m o n d D.R. Some use of R-mode analysis in archaeology.- *American antiquity*, 1974, vol. 39, N 2, pt 1, p.253-270.

30. B e n f e r R.A., B e n f e r A.N. Automatic classification of inoperational categories. Multivariate theories of archaeological Data. - *American Antiquity*, 1981, vol.46, N 2, p.381-396.

31. Clark David L. Cluster analysis, factor analysis and archaeological classification. Manuscript in possession of author, 1967.
32. Diamond D. Science in archaeology. The saints go marching.- American antiquity, 1977, vol.42, N 3, p.330-349.
33. Hodson F.R. Cluster analysis and archaeology: some new developments and applications.- World archaeology, 1970, N 3.
34. Hodson F.R. Quantifying Hallstatt: some initial results.- American antiquity, 1977, vol.42, N 3, p.394-412.
35. Matson R.G., Truett D.L. Site relationships at quebrada tarapaca, Chile: A comparison of clustering and zoning techniques.- American antiquity, 1974, vol.39, N 1, p.51-74.
36. Reed W.D. Some comments on typologies in archaeology on outline of a methodology.- American antiquity, 1974, vol.39, N 2, part 1, p.216-242.
37. Сергеева Н.Ф., Хамзина Е.Н. Бронзовые изделия из Посольска. - В кн.: Древняя история народов Юга Восточной Сибири. - Иркутск: Изд-во Иркут.ун-та, 1975, вып.3, с.175.
38. Kendall M.G. A course in multivariate analysis.- London, 1957, Chap. 9.
39. Bettinger R.L. Multivariate statistical analysis of a regional subsistence - Settlement model for Owens valley.- American antiquity, 1979, vol.44, N 3, p.455-470.
40. Clarke David L. Analytical archaeology.- London, Methuen, 1968.
41. Федоров-Давыдов Г.А. Понятия "археологический тип" и "археологическая культура" в "Аналитической археологии" Дэвида Кларка. - СА, 1970, № 3, с.261.
42. Шер Я.А. Алгоритм распознавания стилистических типов в петроглифах. - В кн.: Палеоэкология древнего человека. - М.: Наука, 1977, с.121-143.
43. Каменецкий И.С. К вопросу о понятии типа в археологии. - В кн.: Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. - М., 1972, с.355-357.
44. Ковалевская В.В. Проблемы классификации в зарубежной археологической литературе. - СА, 1976, № 2, с.264.
45. Каменецкий И.С. Археологическая культура - ее определение и интерпретация. - СА, 1970, № 2, с.18-36.
46. Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры. - СА, 1970, № 2, с.37-51.

47. Монгайт А.Л. Археологические культуры и этнические общности (К вопросу о методике историко-археологических исследований). - Народы Азии и Африки, 1967, № 1, с. 53-69.
48. Лыбин В.П. К вопросу о локальных различиях в нижнем палеолите (по материалам Кавказа). - Каменный век Средней Азии и Казахстана. - Ташкент: Фан, 1972, с. 10-21.
49. Бароевьян И.А. Традиция и коммуникация. - Философские проблемы культуры. - Тбилиси: Мецниереба, 1980. - 125 с.
50. Маркхариан Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции. - СЭ, 1981, № 2, с. 78-96.
51. Сосновский Г.П. Палеолитические стоянки Северной Азии. - В кн.: Труды II Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. - Москва, Ленинград, Новосибирск: б.и., 1934, вып. V, с. 263.
52. Замятин С.Н. О локальных различиях в культуре палеолитического периода. - ТИЭ, Нов. серия, 1951, т. XVI
53. Всемирная история. - М., 1955, т. I, с. 44-45.
54. Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. - Новосибирск: Наука, 1977. - 264 с.
55. Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. - Новосибирск: Наука, 1979. - 197 с.
56. Окладников А.П. Палеолит Монголии. - Новосибирск: Наука, 1981, с. II2.
57. Черосова Н.М. К вопросу об археологической культуре докерамического времени как служебной категории. - В кн.: Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока. - Якутск: б.и., 1982, с. 24-26.
58. Sheluckina leury. Essai de construction Dun modele analogue de la culture archeologique (d'apres les materiaux du paleolithique de la siberie orientale). - X Congreso UISPP, Comision X, Mexico, 1981, p. 173-174.
59. Гладких М.И. Некоторые критерии определения культурной принадлежности поаднепалеолитических памятников. - В кн.: Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. - Л.: Наука, 1977, с. 137-143.
60. Selinsky W. The Cultural geography of the United States, Prentice-Hall, Englewood Cliffs, N.Y. 1973.
61. Клейн Л.С. Археология и этногенез (Новый подход). - В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур: Материалы симпозиума. - Ереван, 1978, с. 25-30.

62. **Белонштейн Б.М.** Выражение этнической специфики в художественной культуре. — В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. — Бремен, 1978, с.55.

63. **Лебедев Г.С.** Системный подход. Перспективы в археологии. — В кн.: Количественные методы в гуманитарных науках. — М.: Изд-во МГУ, 1981, с.

А.Д.Кунгуров

(Институт истории, филологии и философии СОАН СССР)

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ МЕСТОИСКАХОЖДЕНИЙ У С.ОДИНЦОВКА

Палеолитические находки у с.Одинцовка, расположенного на правом берегу Оби, у слияния Бии и Катуня, известны с 30-х гг. нашего века. Эту местность посещали Н.К.Ауэрбах в 1929 г., Г.П.Сосновский в 1936 г., позднее здесь не раз проводили сборы каменных орудий и костей ископаемых животных сотрудники Бийского краеведческого музея В.Х.Качиков, С.М.Сергеев, А.П.Марков, Б.И.Лапшин. В настоящее время накопилось уже достаточно количество материала для локализации четырех палеолитических местонахождений, которые получили наименования Одинцовка I, 2, 3, 4 (рис.1)

Одинцовка I. Местонахождение расположено в 7 км к востоку от с.Одинцовка по трассе, идущей в Бийск. Каменные орудия собраны в осниях заброшенного песчаного карьера, разрушившего 10-метровую террасу, сложенную песчано-галечниковыми отложениями. Материал явно расновременный. Найдено 14 предметов: чоппер из небольшой овальной гальки (рис.3-13), ретушер (рис.3-12), нуклеус из небольшой расколотой гальки с фасетками сколов, снятых в одном направлении (рис.3-11), десяток мелких отщепов и угловой резец на осколке кремнистого сланца (рис.3-10). Чоппер, видимо, древнее остальных предметов, так как он окатан, найден не на песчаной осни берега, а в развале галечника на дне карьера.

Одинцовка 2. Местонахождение расположено на восточной окраине с.Одинцовка, восточнее усадьбы Китаевых. На большом песчаном выдуве собран каменный инвентарь. Здесь же, видимо, подобран в 1930-х гг. кожаной скребок и долотовидное орудие А.П.Мар-

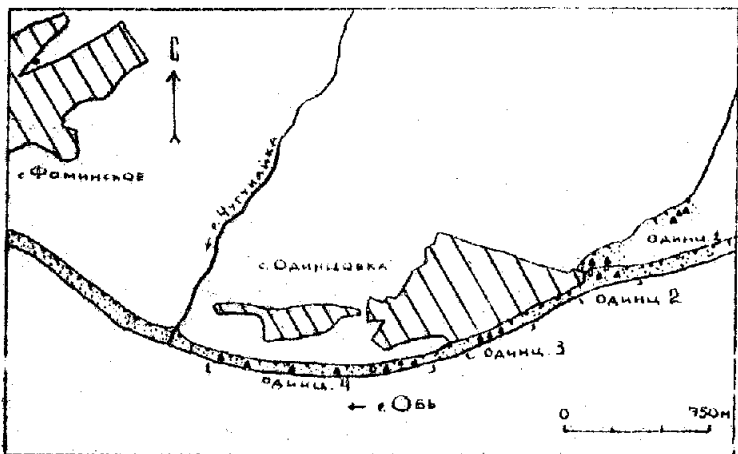


Рис. 1. Расположение местонахождений Одинцовка I, 2, 3, 4

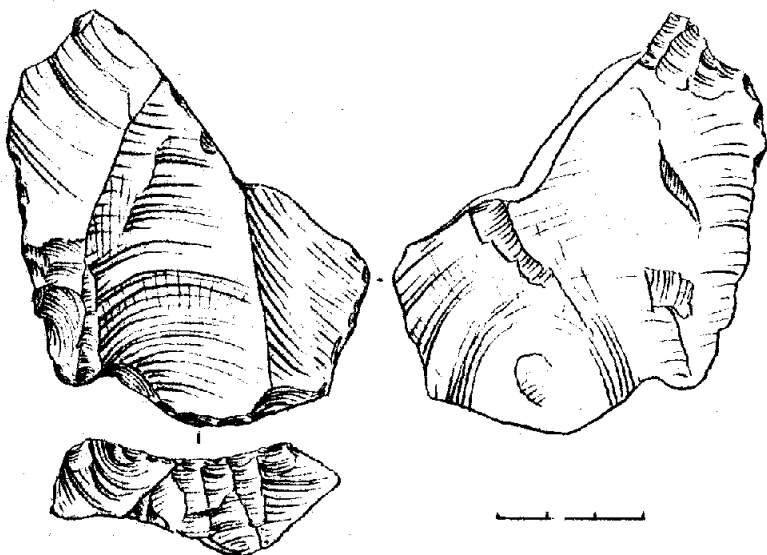


Рис. 2. Леваллуазский скоп из местонахождения Одинцовка 4

ков /1, с.22/. Находки представлены двумя нуклеусами (рис.3-1,2), шестью пластинами (рис.3-4,5,6,8), резцом (рис.3-9), долотовидным орудием (рис.3-3), грубым скребком на отщепе (рис.2-7), пятнадцатью отщепами, среди которых 4 крупных галечных.

О д и н ц о в к а 3. Этот памятник находится в районе центральной части с.Одинцовка. В осипи берега и на галечниковой отмели найдены отщепы, одноплощадочный нуклеус, подобный находкам с Одинцовки 2, и несколько галек с фасетками сколов. Материал не окатан.

О д и н ц о в к а 4. Расположена на западной окраине Одинцовки, единичные орудия встречаются на протяжении 3 км по берегу Оби в сторону с.Фоминское. Материал с местонахождения опубликован Б.И.Лапшиным /2, с.14-23/, который охарактеризовал его как архаичный галечный комплекс. Выразительные, но трудно поддающиеся типологии предметы соседствуют с леваллуазским нуклеусом и леваллуазской пластиной. В 1981 г., во время осмотра автором окрестностей Одинцовки, были найдены еще два леваллуазских окола с яркими признаками этой техники расщепления камня - фасетированной остаточной ударной площадкой в форме "треуголки" и огромным ударным бугорком на винтрале, занимающем большую его часть (рис.2).

Рассмотрим теперь вопрос о датировке перечисленных местонахождений. В районе с.Одинцовка Обь разрушает две надпойменные террасы высотой 5-7 и 10-15 м. Эти террасы, надпойменные боровые, имеют следующее строение:

Первая надпойменная терраса

Мелкий серый донный песок, современные золовые отложения -	0,4 м
Темный почвенный слой	- 0,2
Лёссовидная серая супесь	- 0,4
Слоистый серый мелкозернистый песок	- 1,0
Палево-серый слоистый суглинок	- 0,5
Крупнозернистый песок серого цвета с прослоями мелкого галечника	- 0,5
Галечник	ниже 3-4 м

Вторая надпойменная терраса

Темный почвенный слой, гумус	- 0,2 м
Лёссовидная серая супесь	- 0,6-1
Слоистый серый мелкозернистый песок	- 1,5-2
Серый слоистый суглинок	- 0,5-0,8

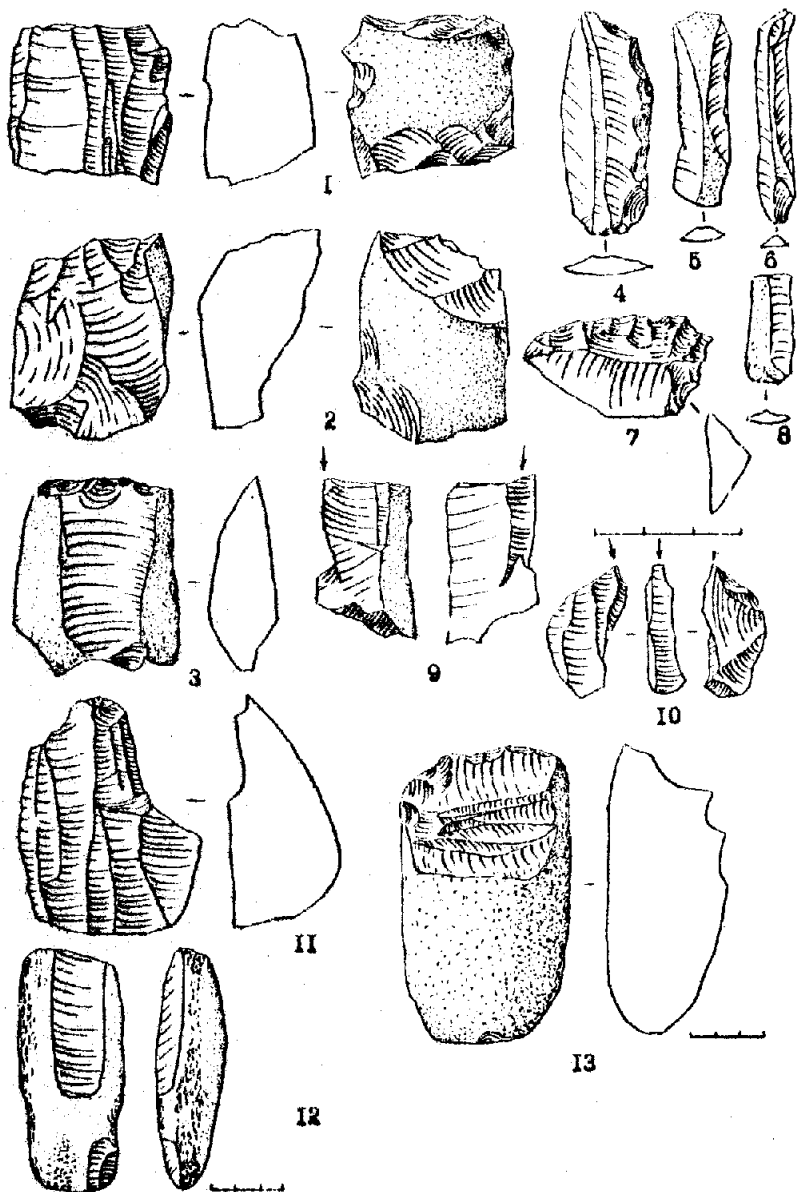


Рис. 3. Каменные орудия с местонахождений Одинцовка I (10-13) и Одинцовка 2 (1-9)

Крупнозернистый серый песок с прослоями мелкого галечника и гравия - 5,5-6,0 м
Галечник с включением крупных валунов ниже 9,5-10.

Это строение хорошо согласуется с разрезами террас, изученными В.А.Панычевым в районе с.Щербаково на Оби и с.Больше-Енисейского на Бии, расположенными, соответственно, на 15-20 км ниже и выше с.Одинцовка /3/. Согласно радиоуглеродным датировкам, данным В.А.Панычевым для этих разрезов, и геологической периодизации надпойменных террас С.М.Цейтлина, первая надпойменная терраса была сформирована в промежутке от 13-II до 8 тыс. лет назад, вторая - от 29-25 до 13-II тыс. лет назад /4/. Находки фаунистических остатков и каменных орудий в районе с.Одинцовка происходит из различных стратиграфических горизонтов отложения, второй надпойменной террасы, на которой расположено село. Эта терраса сменяется первой надпойменной по мере приближения к р.Чугунайка - правому притоку Оби. Далее в районе с.Фоминское первая надпойменная терраса вновь уступает место второй. Каменные предметы найдены не в слое, а собраны в осыпи берега. Кремни на местонахождениях Одинцовка I и 2 подняты с песчаной осыпи, перекрывающей галечниковый горизонт, и могут происходить, по-видимому, из покровных слоев лессовидной супеси, перекрывающей песок. В этом случае их следует датировать временем 13-II тыс. лет назад, т.е. концом сарганского оледенения. Этому не противоречит и облик инвентаря, аналогичный другим позднепалеолитическим памятникам Алтая.

Предметы, собранные в развалах галечника, - орудия, выполненные галечной и леваллуазской техникой, следует датировать периодом начала формирования второй надпойменной террасы, т.е. 29-25 тыс. лет назад. Видимо, каменные орудия были оставлены людьми на галечных отмелях Праоби, ставших базой формирования второй надпойменной террасы. Этим можно объяснить окатанность и рассеянность материала, так как подобные галечные отмели, видимо, не рез заливались паводковыми водами. Принадлежность фауны, собранной на берегу Оби у Одинцовки, данной стоянке, вероятно, установить уже нельзя, несомненно лишь их одновременность, на что указывал и Б.И.Лапшин/2, с.22/. Интересен факт находки вместе с галечными орудиями леваллуазских предметов. Их одновременность в силу уже указанных факторов вполне вероятна. Это несомненное свидетельство существования на Алтае в среднепалеолитическое время и в начале верхнего палеолита двух традиций обработки камня - галечной и леваллуазской. Существование

памятников с этими традициями уже отмечено в Горном Алтае - Тынычты I и Тынычты II /5, с.31-33/. В связи с этим можно ставить вопрос о двухкомпонентности истоков верхнепалеолитических индустрий Алтая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Д а р и ч е в В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. - Новосибирск: Наука, 1972, ч.2, с.22.
2. Д а п ш и н Е.И. Каменные орудия из района слияния Бии и Катунь. - В кн.: Археология Северной Азии. - Новосибирск: Наука, 1962, с.14-23.
3. П а н и ч е в В.А. Радиоуглеродная хронология аллювиальных отложений Предалтайской равнины. - Новосибирск: Наука, 1979, с.53-57.
4. Ц е й т л и н С.М. Геология палеолита Северной Азии. - М.: Наука, 1979. - 285 с.
5. Ш у н ь к о в М.В. К вопросу о мустьерских памятниках Алтая. - В кн.: Палеолит Сибири. - Новосибирск: Наука, 1963, с.31-33.

Д.Ф.Кирюшин, Н.Ю.Кунгурова
(Алтайский государственный университет)

О РЕЗУЛЬТАТАХ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ ПОСЕЛЕНИЯ ПАВЛОВКА I

В ходе разведочных работ Д.Ф.Кирюшина и А.Б.Шамшина летом 1980 г. у сел Павловка и Алексаево Угловского района Алтайского края, граничащего на западе с Семипалатинской областью Казахской ССР, было обнаружено 17 поселений, датируемых от эпохи мезолита до раннего средневековья /1, с.182/. Памятники находятся около левого берега, вытянутого вдоль р.Барнаулки от Оби до самого Казахстана, по берегам пересыхающих старичных озер. Эти озера являются остатками древних русел притоков Оби, образовавшихся в четвертичный период /2/. Наиболее интересным памятником является поселение Павловка I, где встречен материал буквально всех указанных эпох. Поселение разрушено чужьрами большими донями, и лишь

кое-где между ними встречаются участки не до конца разрушенного культурного слоя мощностью 0,3-0,4 м, имеющего темный цвет. С поверхности дон собраны фрагменты керамики эпохи раннего металла, развитой и поздней бронзы, раннего железа и средневековья, а также орудия из камня и бронзы, относящиеся к различным эрмодам.

В своей работе авторы ставят задачу рассмотреть материалы эпохи камня и бронзы с поселения Павловка I. Наиболее массовую часть коллекции составляет каменный инвентарь, которому будет уделено основное внимание.

До сих пор является спорным вопрос о существовании и характере памятников мезолита и неолита на территории Алтайского края. Это объясняется неисследованностью региона.

При изучении каменных изделий с Павловки I ставилась задача: выяснить хронологию и культурную принадлежность памятника, а также посредством стратиграфических определений воссоздать картину хозяйства этой древней группы населения. Решение задач осложнялось тем, что из-за перемешанности материала трудно установить грань между хронологическими этапами. На элементы каменной индустрии составлен тип-лист на основе типологии, предложенной Г.Ф. Коробковой /3/.

Наибольшую часть коллекции (2275) представляют отщепы, в основном мелких (до 3 см) размеров. Все отщепы нуклеидные (рис. 2-31, 32). Нуклеусы (64 экз.) подразделяются на 3 основных вида: торцовые, плоскостные и клиновидные (рис. 2-1-13). Самую многочисленную группу составляют одноплощадочные торцовые-односторонние, их 24 экземпляра (рис. 2-1-5).

Пластинчатый инвентарь является основой индустрии памятника. По размерам и характеру изделий материал можно назвать микролитическим. Из исследованных 736 пластин наибольшая часть (288 экз. или 39%) представлена мелкими пластинами призматической формы, шириной от 0,4 до 0,7 см, длиной от 0,8 до 2,6 см (рис. 2-14-23). Эталонным показателем пластинчатых вкладышей является ширина 0,7 см, независимо от их длины. На графиках (рис. 1) показаны соотношения размеров пластин: на одном количество изделий, измеренных по ширине (1), на другом - по длине (2). На графике 1 выделяется пик $X = 0,7$ см, а на графике 2 - пик $Y = 1,5$ см, но величины длин пластин оказываются растянутыми от 0,8 до 6 см. Не исключено, что такие различия возникают в результате обламывания пластин уже после того, как они теряют свое первоначальное функциональное предназначение или оказываются отбросом. Выходит, что ширина ору-

диза - наиболее устойчивый критерий измерения пластин. Для Павловки I он соответствует 0,6-0,9 см с эталоном 0,7 см.

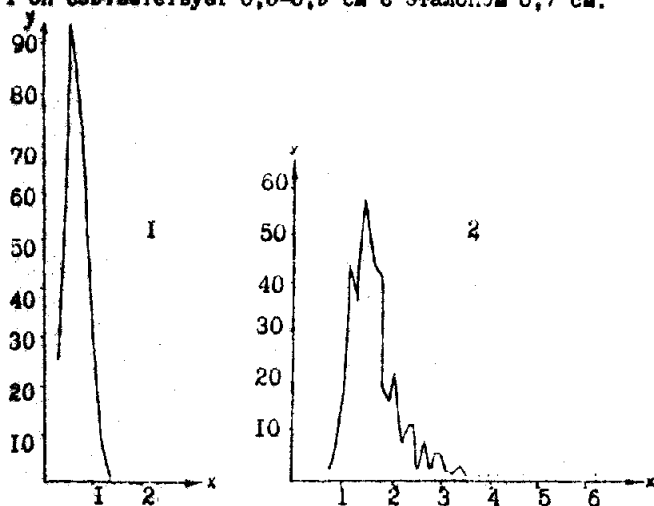


Рис. I. Графики соотношения размеров пластин с поселения Павловка I: x - размеры, y - количество

О микролитическом характере индустрии также свидетельствует большое количество сечений. Под сечениями понимаются обломанные в одного или двух концов пластины, длина которых меньше удвоенной ширины (рис. 3-7-10). Сечений - 203 экземпляра, или 26% всего количества пластин. Из общей массы пластин и сечений обработано 163 (22%). Подработка довольно разнообразная. Наиболее распространенным типом вторичной обработки (57%) является затупливающаяся ретушь (с углом заострения более 60°). Из этой группы выделяются экземпляры с притупленной спинкой (34 экз.) (рис. 3-23-29). Характерна подправка пластин со стороны бруска (55%). Эта черта должна характеризовать памятник при сравнении его с другими материалами. Следующая особенность - это большое количество резцов и резчиков, выполненных на углу пластин (рис. 3-48-60). Резцы в среднем составляют 14% орудий. В более поздних памятниках этого региона, каменный инвентарь которых соответствует по времени керамике позднего неолита и раннего металла (Киприно, стоянки оз. Иткуль, Алексеев-на I), резцы встречены либо в единичных количествах, либо совсем отсутствуют. Формы резцов и резчиков на Павловке разнообразны. Они оформлены либо тонкими резцовыми прямыми, либо клововидными вогну-

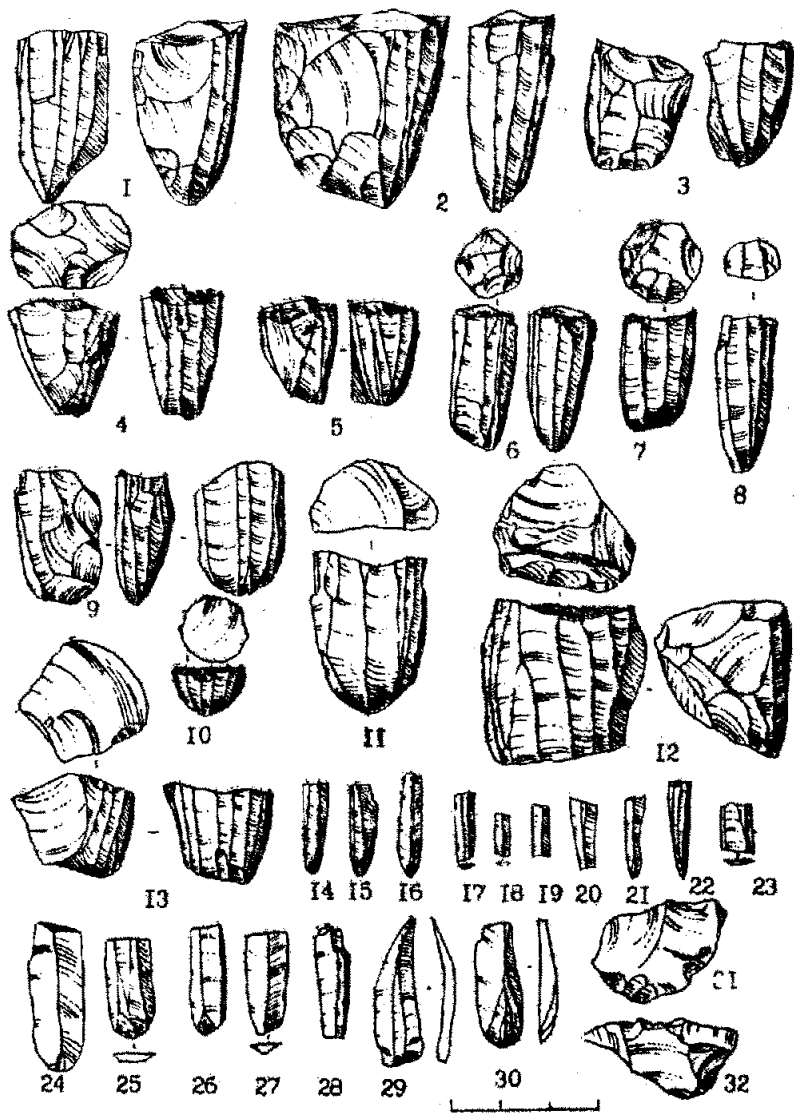


Рис. 2. Каменный инвентарь с поселения Павловка I:
 нуклеусы: I-5 - клиновидно-торцовые; 6-7 -
 подпризматические; 9, II-13 - плоскостные;
 пластины: 14-23 - мелкие; 24-30 - средние;
 отщепы. 31-32

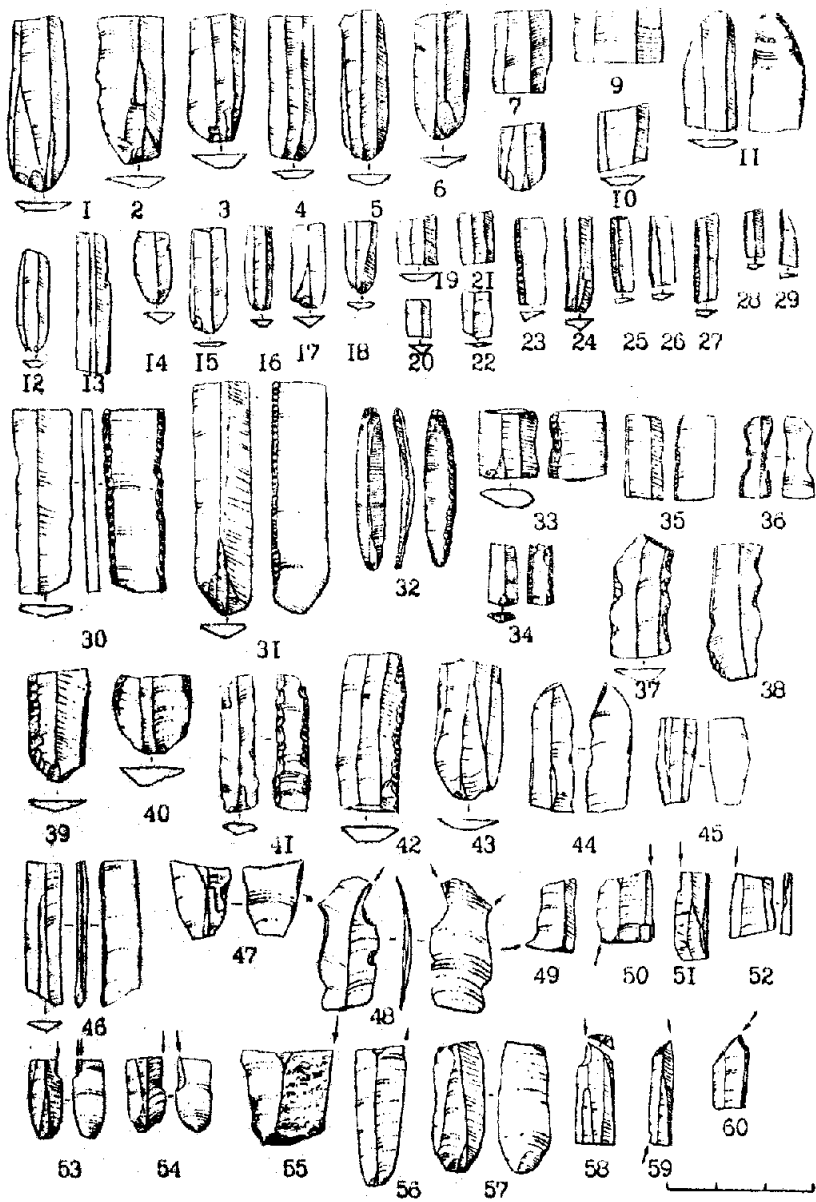


Рис. 3. Каменный инвентарь с поселения Павловка I: I-II - ножи; 12-29 - вкладыши охотничьего оружия; 30-34 - скобелки по кости; 35-43 - скобелки по дереву; 44-45 - резчики на скобелях по дереву; 46-47 - строгальные ножи; 48-60 - резчики

тнии сколами. Некоторые делались на углу между ретулированным концом пластины и резювым сколом (рис.3-58).

Всего обнаружено 40 (11%) пластинок с концевой подработкой. На ряде более поздних памятников они вовсе отсутствуют (рис.4-34, 36-44).

Самой малочисленной группой изделий являются геометрические микролиты. Их найдено всего 4 экземпляра: 2 микротрапеции, одна крупная короткая трапеция с притупленными краями (один со стороны спинки, другой - с брешка) и мелкий параллелограмм (рис.4-48-50,53). Единично встречены скошенные острия с притупленной спинкой, срединные резцы, концевые скребки (рис.4-16,17,19,36-40).

Большая часть орудий на отщепах представлена скребками (306 экз.). Большинство скребков овальной и округлой формы (рис.5-16,20,21,27). Многие из них имеют выемки, выступы (рис.5-15,26; 7-32). В основном все они средних размеров. Небольшую группу составляют мелкие скребки диаметром менее 2, а то и 1 см (рис.5-22-24). Наличие большого количества скребков характерно для памятников лесостепной зоны Алтая, относящихся и к более поздним эпохам (Крестьянка, Киприно). Сырьевым материалом для изготовления инвентаря служили яшмы, халцедон, кварц. Основная масса находок изготовлена из сливных кварцитовидных песчаников /4/. О характере индустрии мезолитических и раннеэолитических памятников данного региона судить трудно в связи с их неисследованностью. Следует отметить, что Павловка I первой подверглась тщательному изучению.

Кроме типологической обработки, исследовались функции группы орудий /5/ (514 экз.). Выявлено 17 функциональных типов. Наиболее многочисленным типом являются вкладыши мясных ножей, составляющие 46% всех орудий (рис.3-I-II). Для их изготовления использовались пластины и сечения средних размеров. Преобладающая ширина заготовок - 0,9-1,1 см. Заготовки не подвергались вторичной подработке за исключением единичных экземпляров, края которых подправлены приостряющей ретушью (рис.3-II). Одна пластина частично обработана притупляющей ретушью, видимо, для крепления в пазу. Следующее место по значению занимает вкладыши охотничьего оружия (17%). Все они изготовлены из правильных мелких пластин, больше половины ретушированы для крепления в пазу и подгонке друг к другу. Типологически выделяется 9 видов вкладышей охотничьего оружия: без обработки с притупленной спинкой (рис.3-23-29), с подработанными мелкой и средней ретушью краями брешка (рис.4-46-47), геометрические микролиты (рис.4-48-50), вкладыши с притупленной спинкой и рогатым

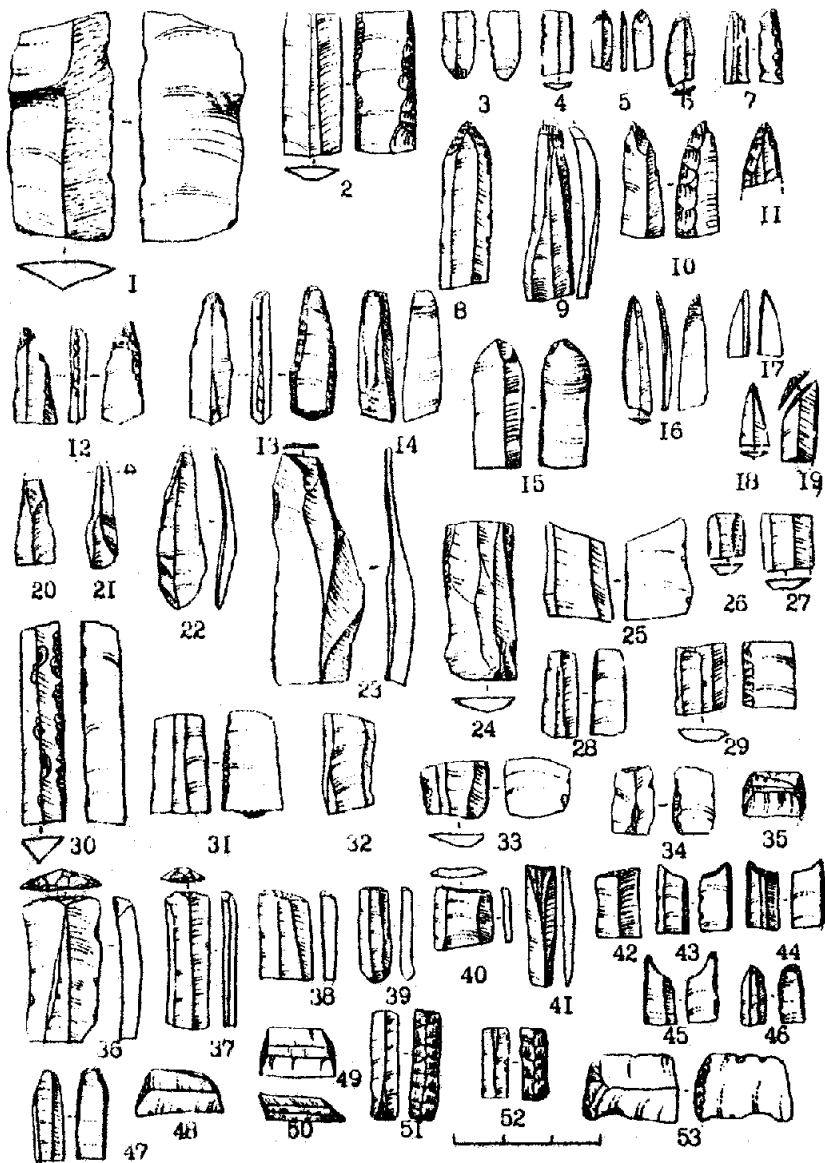


Рис. 4. Каменный инвентарь с поселения Павловка I: 1-2 - пилки по дереву; 3-4 - микропилки по раковине; 5-7 - микроверла по раковине; 8-11 - сверла по дереву; 12-13 - сверла по камню; 14-15 - развертки по дереву; 16-18, 20-22 - проколки; 23 - концевой скребок на строгальной ноже; 24-34 - боковые скребки; 36-40, 53 - концевые скребки; 47-52 - вкладыши оружия

концом (рис. 4-43-45) и наиболее поздние со встречной ретушью (рис. 4-51-52; 6-23-25).

Для жителей стоянки немалое значение имел промысел животных, разделка туш и обработка шкур. С этим связано большое количество скребков. Для их изготовления использовались пластины и отщепы. Наибольшее количество в коллекции занимает боковые скребки на пластинах (4%) (рис. 4-24-34). Они могли употребляться в виде струга или станка. Это орудия более эффективные, чем скребки на отщепах, употребляющиеся без рукоятей. Как показали опыты экспериментально-трассологической экспедиции лаборатории ЛО ИА АН СССР производительность труда при работе стругов и станков с пластинчатыми вкладышами превышает производительность труда при работе скребками на отщепах в 4-5 раз /6/. Уже отмечалось, что среди скребков на отщепах значительное количество составляют скребки с выступами, выемками, микроскребки. Как отмечает Г.Ф. Коробкова, находки "мезолитических микроскребок и боковых скребков свидетельствуют о том, что кожевенное производство сделало новый шаг вперед" /6, с.186/. Вкладыши: орудий для деревообработки составляют 25%. Большая их часть - скобели, ватем резцы и резчики. Встречено 9 отрогальных ножей (рис. 3-46, 47; 4-23), 5 сверл (рис. 4-8-III), 2 развертки (рис. 4-14-15), 4 пилки (рис. 4-1-?). Скобели составляют также основную часть орудий для обработки кости и рога (рис. 3-30-34). Найдено также 8 сверл. Все изделия предназначены для мелкой ювелирной работы. Об этом свидетельствуют выемчатые скобели, по кромке которых можно установить форму обрабатываемых предметов (рис. 3-36-38). Из группы резцов и резчиков по кости и рогу количество последних является преобладающим (рис. 3-48, 50, 57). Судя по количественному соотношению орудий для обработки кости, рога и дерева, а также по абрисам кромок лезвий, основы орудий изготовлялись преимущественно из дерева. С помощью резцов и резчиков прорезались пазы для вкладышей и велось последующее граверное оформление поверхности. Это естественно в условиях расположения поселения рядом с лесом, дававшим жителям необходимое сырье. К деревообрабатывающим инструментам, предназначенным для более крупных работ относятся орудия на отщепах: скобели, долотовидные орудия (рис. 5-1-4), крупные грубые рубящие изделия и шлифованные тесла, относящиеся, видимо, ко времени раннего металла (рис. 6-26-29). Еще одну функциональную группу орудий представляют вкладыши для изготовления украшений из камня и раковин. Найдено 2 сверла (рис. 4-12-13). Они малы по диаметру, имеют сильную затертость и зашлифованность, на

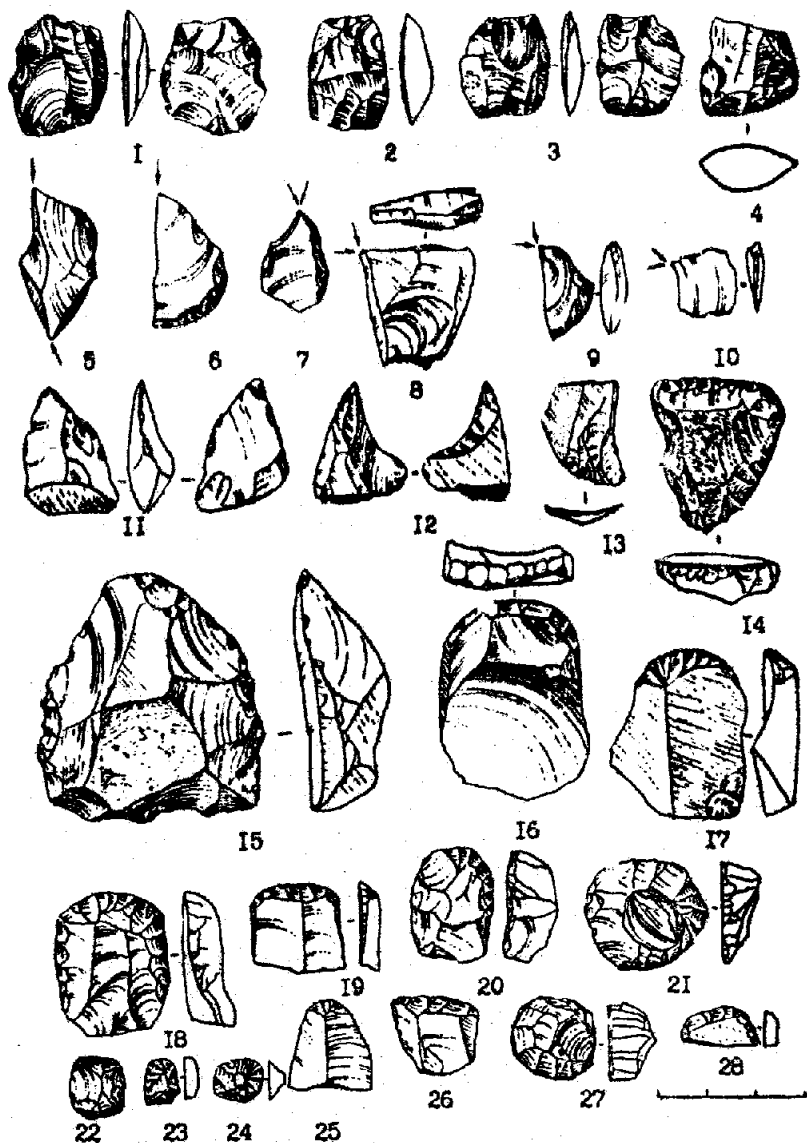


Рис. 5. Орудия на отщепях: 1-4 - долотовидные; 5-7, 9 - резцы на скребках; 8, 10 - резцы; 11-12 - сверла по дереву; 13 - строгальный нож; 14 - скребль по кости; 15 - скребло; 16-28 - скребки

рабочей поверхности видны концентрические лунные следы. Для обработки раковин использовались 3 мелких сверла и 2 пилки с мелкозубчатым краем (рис.4-3-7). Раковины - обычное сырье для украшений на прибрежных памятниках.

Вторая по количеству часть коллекций материала с поселения Павловка I относится к эпохе раннего металла и развитой бронзы. К эпохе раннего металла, видимо, следует отнести шлифованные и подшлифованные предметы (рис.6-25,26,30-31), некоторые двусторонние обработанные орудия, в том числе вкладыши и наконечники стрел (рис.6-1-25,27). Для всех их свойственным одинаковым приемам обработки поверхности посредством плоской истречной ретуши. Для раннего металла специфичны и формы наконечников стрел: листовидные, ромбовидные, подтреугольные с овальными краями и волнистым насадом /7, с.39-40/. Некоторые наконечники имеют зубчатые края, один - с чуть выделенным черешком (рис.6-21). Подобная техника развита в андроновское время (рис.6-1*,13,17,21)

Вместе с этими каменными изделиями встречены фрагменты сосудов, украшенные оттисками крупнозубого печатного и отступающего штампа (рис.7). Некоторые фрагменты имеют валики (рис.7-4-5), что позволяет датировать их временем существования кротовской культуры /7, с.48-67/. Судя по находкам керамики и синхронной ей каменной индустрии, территория поселения Павловка I заселялась в течение ряда эпох: рубка мезолита-неолита, раннего металла и последующих эпох (рис.7-9-10).

Типологическая обработка дает возможность датировать основную часть каменного инвентаря Павловки I финальным мезолитом - ранним неолитом. Для этого памятника свойственна высоко развитая техника расщепления камня, совершенные для данного времени типы орудий. Словом, мы имеем в лице павловской индустрии расцвет пластичной техники, характерный для позднемезолитического периода. Особенности памятника: отсутствие наконечников стрел на пластинах, единичность геометрических микролитов, наличие группы вкладышей с притупленным краем, торцовых и плоскостных нуклеусов, большое количество резцов и резчилов и так далее. Вся индустрия микролитическая. Установить степень сходства или различия инвентаря с материалами сопредельных территорий Казахстана и Южного Зауралья не представляется возможным в связи с недостаточной информативностью опубликованных тип-листов, поэтому при сравнении приобретаем только и наиболее явные особенности.

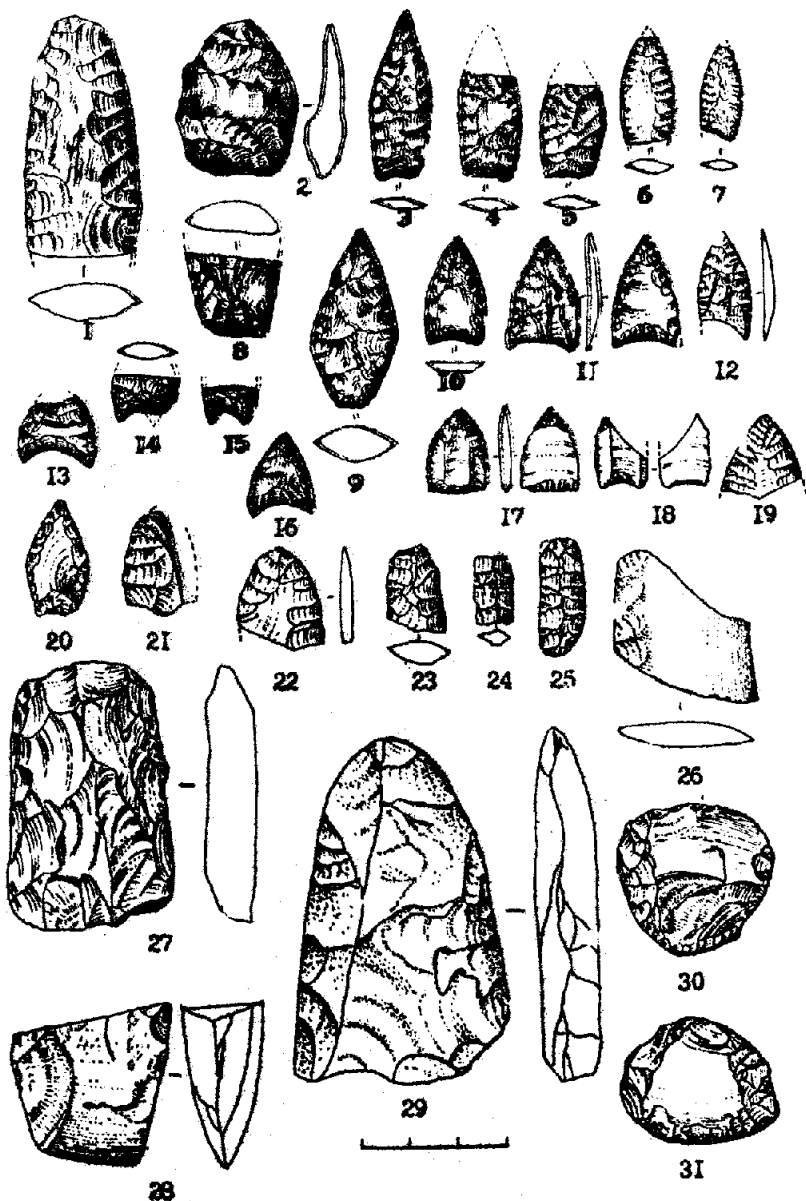


Рис. 6. Каменный инвентарь с поселения Павловка I:
 1-2 - наконечники дротинов; 3-22 - наконечники
 стрел; 23-25 - вкладыши оружия; 28, 30 - шлифован-
 ные орудия (28 - тесло, 30 - серп); 27, 29 -
 топоры

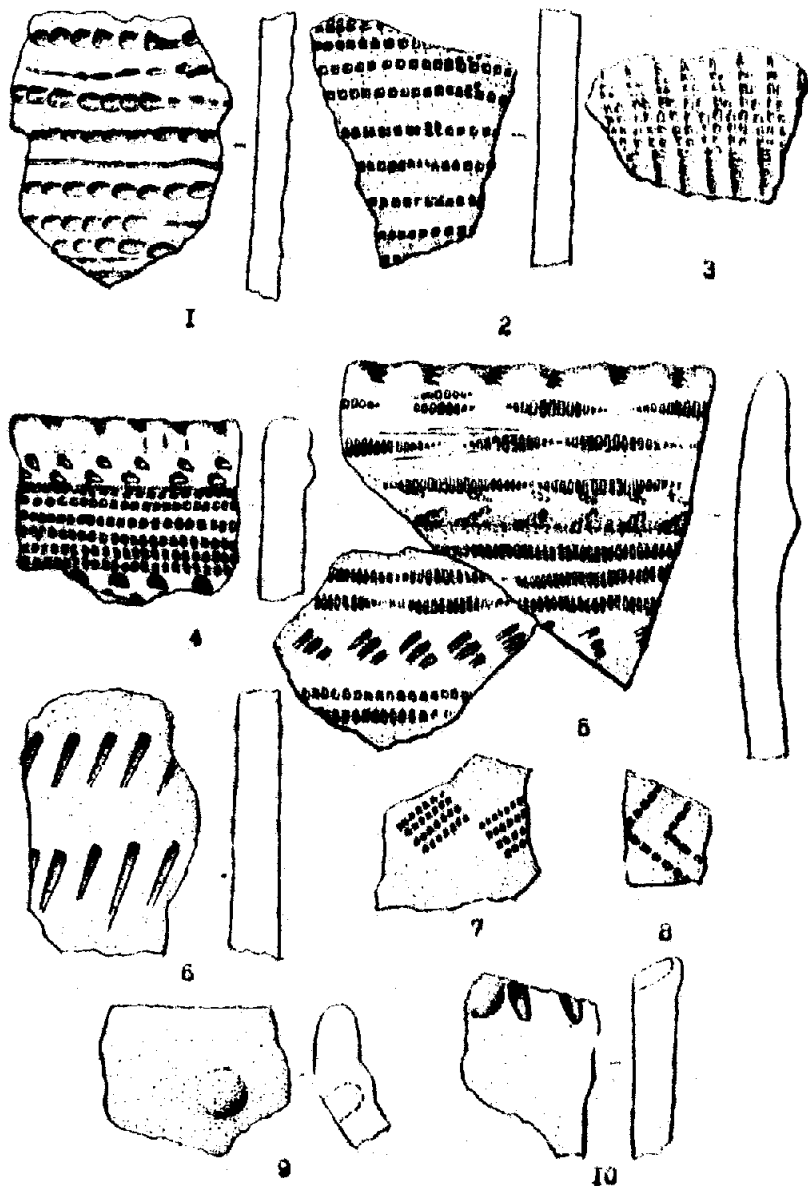


Рис. 7. Керамика с поселения Павловка I

Титул-лист составных элементов
индустрии поселения Павловка I

I. Техника расщепления (типы заготовок)	№ п/п	Типы заготовок , ретуши	Количество изделий-пайров	%	Соотношение признаков	
	Краявая обработка					
II Техника вторичной обработки (типы ретуши)	Ретушь затупляющая					
	1	по одному краю со стороны бреша	48	13	Характерные	
	2	по одному краю со стороны спинки	18	4,7	Малозначимые	
	3	крутая	34	9	Второстепенные	
	4	по двум краям со стороны бреша	39	10	Характерные	
	5	те же со стороны спинки	18	4,7	Малозначимые	
	6	те с двух сторон	8	2	Малозначимые	
		Ретушь приостряющая				
	7	по одному краю со стороны бреша	63	17	Характерные	
	8	по одному краю со стороны спинки	33	9	Второстепенные	
	9	по двум краям со стороны бреша	47	12	Характерные	
	10	со стороны спинки	4	1	Случайные	
11	с двух сторон	6	1,6	Малозначимые		
12	Ретушь встречная	4	1	Случайные		

	I3	Ретушь зубчатая	5	I,3	Малозначимые
	Концевая обработка				
	I4	Затупливающая по одному концу	34	9	Второстепенные
	I6	Затупливающая по двум концам	3		Случайные
В Изделия на плав. янгах	I	Геометрические микролиты	4	I	Случайные
	2	Скребки концевые на пластинах	6	2	Малозначимые
	3	Пластины с притупленным краем	27	7	Второстепенные
	4	Острия	21	6	Второстепенные
		на них скошенные	2		
		с притупленным краем	2		
	5	Изделия с концевой обработкой:			
		со скошенным концом	8		
		с волнистым	8		
		с рогатым	3	II	Характерные
		с прямым	5		
		с выпуклым	10		
		с подтеской	6	Всего:	
	6	Пластины с обработкой на углу	20	6	Второстепенные
	7	Пластины с обработкой по периметру	13	3	Малозначимые
	8	Резцы	54	14	Характерные
	9	Пластины с выемками	26	7	Второстепенные
	10	Пластины с односторонней ретушью на одном боковом крае	166	30	Основные
	11	с двухсторонней ретушью	7	2	Малозначимые
	12	с двухсторонней ретушью на двух краях	20	6	Второстепенные
	13	с односторонней ретушью на двух краях	109	29	Основные
10 Изделия на отщеплах	1	Скребки	306	79,3	Основные
	2	Резцы	10	2,6	Малозначимые
	3	Изделия с подшлифовкой	10	2,6	
	4	Наконечники стрел и дротиков	26	6,7	Второстепенные
	5	Долотовидные орудия	6	1,6	
	6	шлифованные	3		

Всего 736 пластин, из них с подработкой 361 экз. (100 %)

Всего отщепов 2275, из них с подработкой 366 экз. (100 %)

Павловка I принадлежит к группе памятников, распространенных в лесостепной полосе Северного Казахстана и восточных районах Средней Азии. Эти памятники имеют много общих черт. А.В.Виноградов, ссылаясь на мезолитические материалы Северного Казахстана (Ялаленка II, Виноградовка II, Тельманка УП, УП), подчеркивает их единую культурно-технологическую традицию. Они характеризуются микролитической, в основном пластинчатой индустрией с большим количеством вкладывшей, рывков. Часто встречаются такие изделия, как микролезвия, пластинки с притупленным краем, со скошенным концом и другие. Вместе с тем, как и в мезолите восточных областей Средней Азии, геометризованные изделия здесь крайне редки и представлены единичными находками удлинённых симметричных траншей и параллелограммов /8/. Результаты трассологического анализа с полной уверенностью позволяют говорить об экономике племен эпохи мезолита - неолита, оставивших индустрию Павловки I, как о производившей на базе охоты и рыболовства. В связи с тем, что орудий, связанных с рыбе ловством, выделить не удалось, о нем приходится только догадываться, так как, живя в окружении протон и озер, человек не мог заниматься только охотой.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Киршин Д.Ф., Масленникова Г.В., Шамшин А.В. Работа Алтайской экспедиции. - АО 1980; М., 1981 с.181-182.
2. Малолетко А.М. Палеогеография предальтайской части Западной Сибири в мезовое и кайнозойе. - Томск: Изд-во ТГУ, 1972, с.30-31.
3. Коробкова Г.Ф. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии. - СА, 1975, № 3, с.12-20.
4. Киршин Д.Ф., Малолетко А.М. Географическое распространение глиняных кварцитовидных песчаников - сырья для изготовления орудий в эпохи неолита и бронзы. - В кн.: Древние горняки и Металлурги Сибири. - Барнаул: изд. АГУ, 1983, с.4-6.
5. Трассологический анализ проводился под руководством доктора исторических наук, зав. сектором первобытной технологии ЛОИА Г.Ф.Коробковой. Пользуясь случаем, авторы выражают ей глубокую благодарность.
6. Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технологии древнейших производств. - И.: Наука, 1983, с.186-187.

7. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. - Новосибирск: Наука, 1977, - 171 с.

8. Виноградов В.А. Древние охотники и рыболовы Среднеазматского междуречья. - М.; Наука, 1981, с.58.

В.И.Молодин, М.А.Чемякина

(Институт истории, филологии и философии СОАН СССР)

ПОСЕЛЕНИЕ НОВОЧЕКИНО-3 - ПАМЯТНИК ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА СЕВЕРЕ БАРАЕИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Поселение Новочекино-3 расположено на второй террасе правого берега р.Тары, в 2 км к северо-востоку от одноименного села в Кыштовском районе Новосибирской области. Хорошим ориентиром является проселочная дорога, которая проходит недалеко от края террасы и ведет из деревни Новочекино на поля, а также озеру к югу от дороги. Поселение имеет рельефные признаки в виде 4 западно-южных.

Нами был выполнен раскоп общей площадью 494 кв.м (рис.1). Грунт снимался слоями в 10 см, оставлялись контрольные бровки для фиксации стратиграфии. Раскопом вскрыто два жилища эпохи поздней бронзы и значительная часть межжилищного пространства. Фиксация находок велась по квадратам.

На исследованной площади были обнаружены материалы трех культурно-исторических периодов. Так, сразу под дерном, в северо-восточной части раскопа прослежен у истока прокаленной почвы и скопления керамики эпохи раннего железа. К этому же времени относятся обломок бронзового ножа и зеркало с петлячатой рукоятью /1/. Вторым комплексом керамики, представленным несколькими фрагментами сосудов, прекрасно, однако, выделяемым типологически, является материал периода раннего металла (рис.2). Эти материалы имеют абсолютные аналоги с керамикой поселенческого комплекса Кыштовки-1, наиболее близкого и охарактеризованному территориально /2/, а также и в целом с памятниками этого круга из более южных районов Барабы /3/.

Третий, основной комплекс памятника, относится к эпохе поздней бронзы, которой принадлежат и два исследованных нами жилища. Анализу именно этой части комплекса и посвящена настоящая работа.

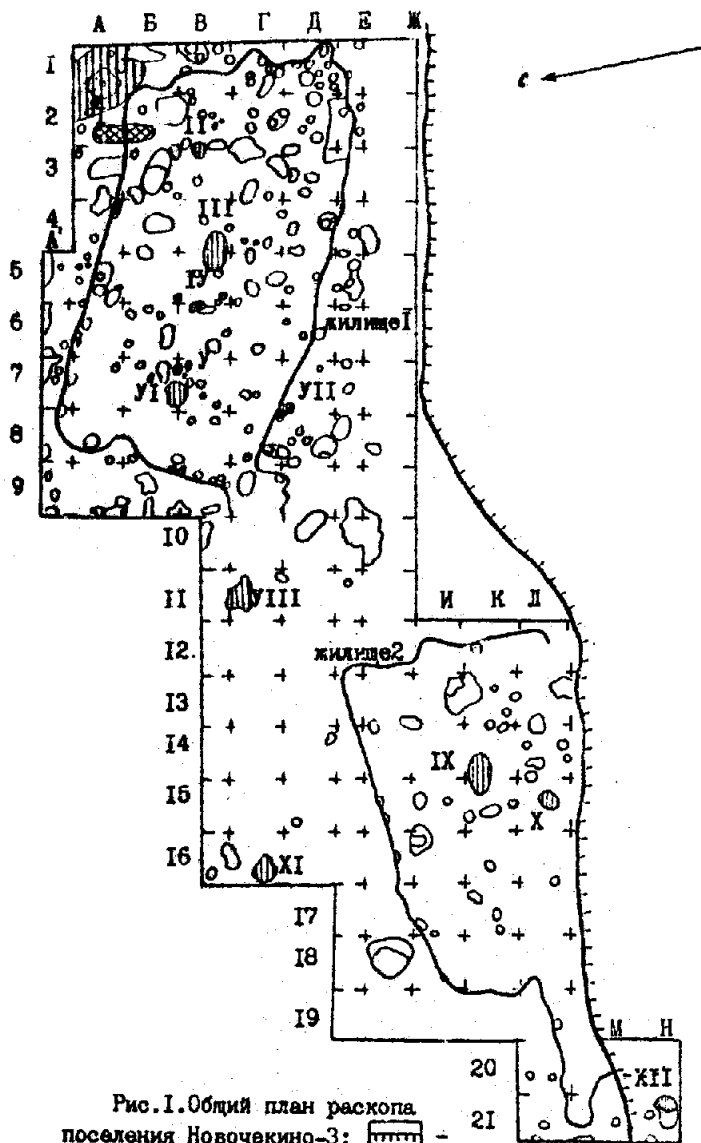







Рис. 1. Общий план раскопа поселения Новочекино-3:  - край террасы;  - граница жилища;  - провал;  - яма;  - погребение

Ж и л и щ е I. В плане подпрямоугольной формы площадь около 130 кв.м с выходом в западной угловой части. Границы жилища прослеживались довольно четко по всему периметру. Котлован углублен в материк от 10 до 30 см. Судя по сечению ям от столбов, кровля жилища располагалась на каркасе из опорных столбов, поставленных перпендикулярно поверхности земли. В жилище и за его пределами обнаружена система ям, часть которых имела хозяйственное назначение, а часть служила для опорных столбов. Причем столбовые ямки расположены не только по внутреннему контуру жилища, но и с внешней его стороны. Естественно, что датирование ям на конструктивные и хозяйственные иногда условно, так как порой трудно бывает определить истинное назначение некоторых из них. В жилище I отмечен ряд участков прокаленной почвы, небольшой диаметр и мощность которых позволяет интерпретировать их как очаги кратковременного использования.

Прокал-II - очаг. Находится в квадратах В2, В3. Овальной формы, средний диаметр - 55 см. Расположен на полу жилища, мощностью 5 см, линзовидной формы в сечении.

Прокал-III - очаг. Зафиксирован в центре жилища, в квадратах В4, В5. Овальной формы, размеры 143 x 67 см. Расположен на полу жилища, мощность 10 см, линзовидной формы в сечении.

Прокал IV. Прослежен в квадратах В5, В6 на дне хозяйственной ямы 104. Очевидно это очаг. Прокал подтреугольной формы, мощность 8 см, в сечении линзовидный.

Прокал V - находится в квадратах В7, В7. Овальной формы, размером 53 x 32 см. Расположен на полу жилища, мощность 3 см. В сечении линзовидной формы.

Прокал VI - очаг. Расположен в квадратах Б7, В7. Аморфной формы, размеры 95 x 70 см, находится на полу жилища, мощность 7 см, линзовидной формы в сечении.

Ж и л и щ е 2, судя по сохранившейся его части, было подпрямоугольной формы, рельефных признаков до раскопок не прослежено. Площадь его, судя по сохранившейся части, приближается к площади жилища I. Южная граница жилища обрывается краем террасы. По конструкции жилище 2 сходно с жилищем I. Его котлован углублен в материк на глубину от 20 до 30 см. В жилище и за его пределами обнаружена система ям, часть из которых является хозяйственными, а часть служила для опорных столбов. Почти во всех ямках, выделенных нами как хозяйственные, обнаружены фрагменты керамики и кости животных. Все ямы конструктивного назначения, данного жилища, в сечении вертикальные.

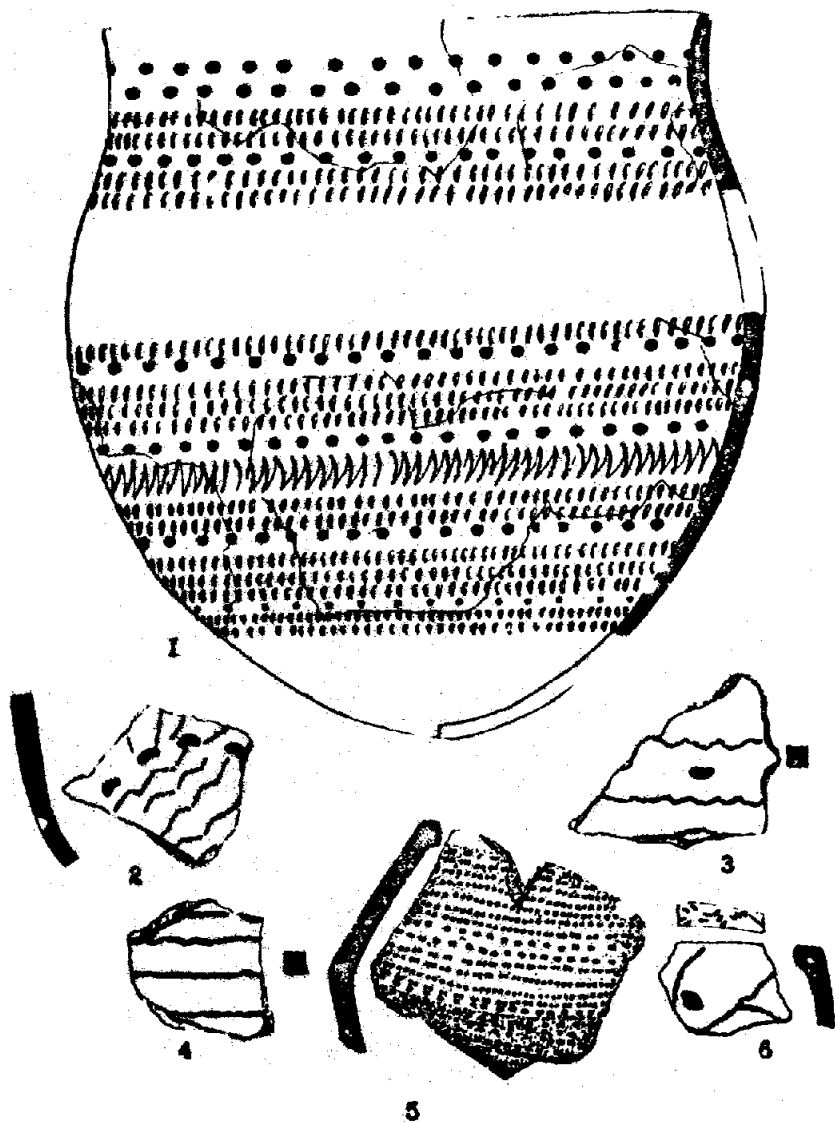


Рис.2. Сосуд и фрагменты керамики эпохи раннего металла.

В жилище 2 также отмечено несколько участков проваленной почвы, которые следует интерпретировать как очаги.

Прокал IX - очаг. Расположен в центре жилища, в квадратах KI4, KI5. Овальной формы, размеры 165 x 70 см. Находится на материке, мощностью 2 см, в разрезе линзовидной формы.

Прокал X - очаг. Круглой формы, средним диаметром 68 см, расположен на полу жилища, мощность 10 см. В сечении линзовидной формы.

Несколько прокалов были прослежены при раскопках межжилищного пространства.

Прокал VII. Прослежен за пределами жилища I, у южной стенки. Овальной формы, размером 68 x 41 см, залегает на материке, мощность 2 см, в сечении линзовидной формы.

Прокал VIII. Находится в межжилищном пространстве в квадрате ГII, размером 98 x 145 см, находится на материке, мощностью 4 см. В сечении линзовидной формы.

Прокал XI. Находится за пределами жилища 2 в квадрате ГI6. Аморфной формы, средним диаметром 68 см. Расположен на материке, мощность 20 см, в сечении линзовидной формы.

Прокал XII. Расположен за пределами жилища 2, на дне хозяйственной ямы 237. Прокал округлой формы, мощность 5 см, средний диаметр - 60 см, в сечении линзовидной формы.

Раскопанные сооружения находят аналогии по величине жилищ, их планировке и другим конструктивным особенностям с жилищами ирменской культуры памятников Ирмень-I/4/, Бистровка-IV /5,6,7/ и Милованово-III /8,9/.

Наибольшую часть находок составляет керамика (4918 фрагментов). Керамический комплекс эпохи поздней бронзы - основной, составляет 81,2% (рис.4-II) от общего количества фрагментов. Меньшим количеством представлена керамика эпохи раннего железа (18,2%), которая локализуется в основном в северо-восточной части раскопа, на остальной вскрытой площади керамика данного времени представлена единичными фрагментами.

Единично представлена также и керамика эпохи ранней бронзы (0,6%) (рис.2).

Керамика эпохи раннего металла представляет собой обломки круглодонных сосудов, украшенных сочетанием рядов ямочных палочек с рядами гребенчатого штампа и волн, выполненных техникой отступающей палочки. Эти материалы, встречающиеся эпизодически, свидетельствуют о наличии остатков культурного слоя эпохи ранней бронзы.

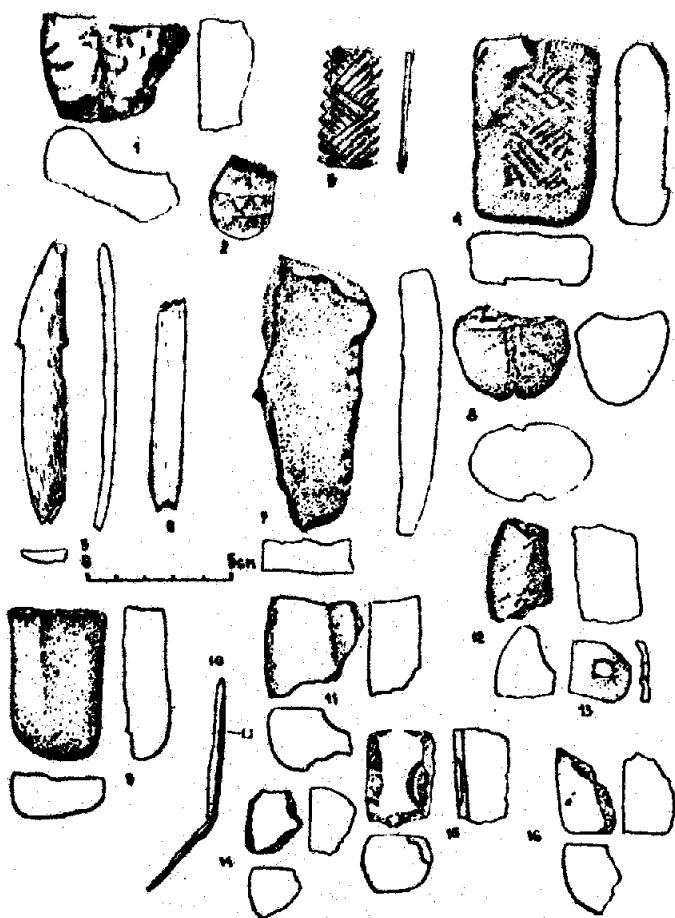


Рис.3. Обломки керамических форм и тиглей с поселения Новочекино-3

Комплекс керамики эпохи раннего железа представлен фрагментами керамики, украшенной гребенчатым штампом. Этот комплекс типологически прекрасно отделяется от всего остального.

И в д а л и я и в г л и н ы. В раскопе обнаружено 508 обломков формованной глины со слабым обжигом. Интересно отметить, что подобные предметы в очень большом количестве встречаются на памятниках эпохи поздней бронзы в лесостепной Барабе. Реконструкция свидетельствует о том, что первоначально они представляли собой довольно массивные глиняные шары. Бряд ли эти предметы могли использоваться в качестве грузил для рыболовных сетей, прежде всего по причине слабого обжига предметов, что привело бы к их неперенному разрушению в воде. Скорее всего данные предметы использовались для изготовления грузил для так называемых перевозов, применимых для ловли водоплавающих птиц /10/. А.Н.Бормовов отмечает, что "при удачных загонах в районе оз.Чаны артель охотников вылавливала разом до 3-8 тыс. уток, а таких загонив за день делали иногда два-три. Эти цифры относятся к началу 30-х гг. текущего столетия; не трудно представить сколько уток и гусей было в озерной лесостепи" /11/. Очевидно, что подобный способ ловли дичи мог быть популярен у аборигенного населения Барабинской лесостепи в эпоху бронзы.

О б л о м о к г р у з и л а (рис.3-8). Первоначально представлял собой изделие в виде округло-удвоенного предмета с двумя взаимопересекающимися желобками хорошего обжига. Этот тип изделий характерен для памятников эпохи поздней бронзы Барабы, а также, как отмечает М.Ф.Косарев /12/, в пределах андроновидного массива, включающего памятники пернакульской, сузунской и еловской культур /13, рис.4; 14, табл.2-7/.

Обломок глиняного изделия (рис.3-2). Сохранившаяся часть имеет ложечковидную форму, внутренняя поверхность которой украшена орнаментом в виде штрихованных равнобедренных треугольников. В силу того, что до нас дошел лишь фрагмент изделия, трудно сказать, связан ли предмет с посудой или это было некое-то антропоморфное изображение. Во всяком случае мы можем констатировать, что антропоморфные изображения как на посуде, так и в виде отдельных предметов из глины - явление довольно характерное для таежной и, в меньшей степени, для лесостепной части Западной Сибири с эпохи неолита /16, с.26-39/ до средневековья включительно /16:17/.



Рис. 4. Керамика эпохи поздней бронзы (I группа)

Предметы, связанные с бронзолитейным производством (обломки тиглей, литейные формы). Обнаружено 2 обломка глиняных тиглей с сильно ошлакованной внутренней поверхностью (рис.3-1,12). По всей видимости, тигли представляли собой небольшие призматические насти с невысокими краями. К предметам бронзолитейного производства, несомненно, относятся обломки от 5 литейных форм (рис.3-4,11,14,15,16), выполненных из глины, прекрасно обожжены, и, несомненно, предназначались для отливки крупных предметов из бронзы. Целой до нас дошла только одна литейная форма для отливки украшения (рис.3-4). Форма одностворчатая, в виде небольшого кирпичика, на одной из сторон которого отриснуто изделие, к которому подходит воронкообразное отверстие для заливки металла. Изготовленная нами отливка изделия (рис.3-3) представляет собой четырехугольную бляшку, край которой оформлен в виде зубчиков, а сама площадка бляшки украшена орнаментом в виде взаимопроникающих треугольников. Точных аналогий изделий подобного вида нам неизвестно. В какой-то степени обнаруженный нами предмет сопоставим с оригинальными подвесками из могильника Черноозерье-1, площадка которых была также орнаментирована рельефным узором в виде взаимопроникающих треугольников /18/.

На поселении обнаружены и три бронзовых изделия. Это четырехгранное в сечении шило и игла. Круг аналогий этим предметам чрезвычайно широк, как в пространственном, так и во временном отношении. Во всяком случае, для памятника периода поздней бронзы, каким является Новочекино-3, они не представляют ничего необычного. Бронзовая же бляшка листовидной формы, с круглым отверстием — уникальная (рис.3-13).

Изделия из кости представлены двумя предметами. Это, прежде всего, концевая накладка на лук (рис.3-5). Она имеет форму плоской изогнутой остроконечной пластины с двумя выемками на конце. Аналогичные изделия обнаружены на ирменских и вдовских памятниках Верхнего Приобья /9, с.61,62/. Как отмечает В.И.Матрощенко, эти предметы ближе всего второму типу концевых накладок из Уоть-Полуя /20, табл.Ш). Второй предмет представлен обломком костяной шлифованной пластины (рис.3-6), определить принадлежность которой не представляется возможным.

Изделия из камня представлены 2 камнями со следами пришлифовки (рис.3-7,9). Несомненно, они использовались в качестве абразивов.

В результате раскопок получен богатый остеологический мате-

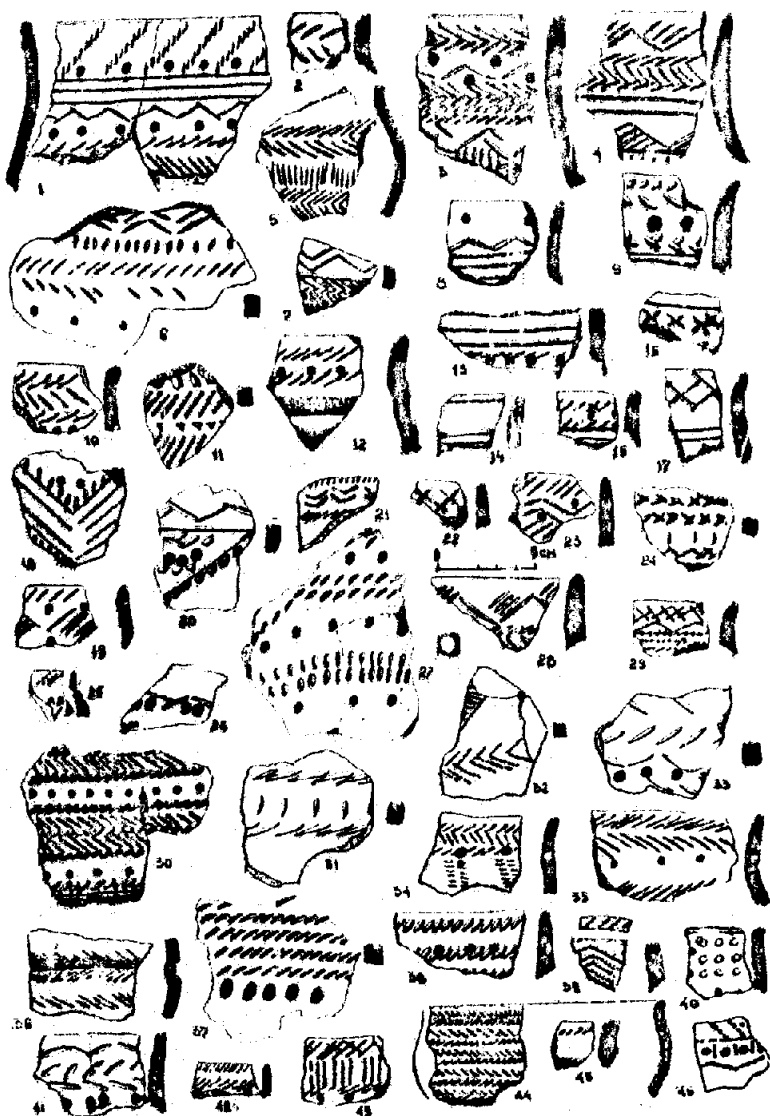


Рис.Б. Керамика эпохи поздней бронзы (I группа)

риал. По предварительному определению, сделанному к.б.н. Н.Д.Оводовым, на поселении найдены кости домашних и диких животных: лошади, крупного рогатого скота, козла, овны, собаки, лисцы, зайца, медведя, лося, бобра, барсука и водоплавающей птицы. Встречено 3 обломка кости мамонта, которые, очевидно, использовались в качестве материала для изготовления изделий.

Остановимся подробно на анализе керамики эпохи поздней бронзы (рис.4-II). Всего на раскопанной части поселения найдены обломки посуды эпохи поздней бронзы приблизительно от 400 сосудов. Толщина стенок от 4 до 8-9 мм. Средний диаметр по венчику 20-30, диаметр дниц - 9-15 см.

Хотя целых экземпляров найдено не было, но по реконструированным сосудам и венчикам можно утверждать, что вся посуда представлена плоскодонными сосудами горшковидной и баночной формы. Орнаментация керамики довольно разнообразна. Орнамент наносился зачастую по всей внешней поверхности сосуда, включая и днице. Из наиболее распространенных элементов орнамента можно выделить следующие: ряды насечек, ямок, жемчужины, прочерченные горизонтальные линии, ряды отступающей и пагающей гребенки, ромбы и треугольники, выполненные резной или гребенчатой техникой, меандровидные узоры, отпечатки штампа в виде галочки и другие. Сосуды горшковидной формы, часто вороничковые.

Условия залегания керамики вместе в ямах и на полу жилищ говорят о хронологическом единстве данного комплекса. Следовательно, проведенное нами типологическое расчленение керамики эпохи поздней бронзы не является хронологическим. Порою трудно бывает с достаточной точностью отнести данный фрагмент к той или иной группе.

В данном комплексе можно условно выделить 3 группы керамики: с преобладанием лесных местных черт, с преобладанием ирменских черт, с наличием андроновских мотивов орнамента. Однако, необходимо еще раз подчеркнуть, что керамика выделенных нами типов имеет много общего как в форме сосудов, так и в их орнаментации, а на ряде фрагментов мы находим сочетание этих типов орнаментации.

Первая группа керамики (с господством лесных черт) (рис.4-7). К этой группе относятся сосуды горшковидной и баночной формы с плоским дном. Большая часть боковой поверхности сосудов покрыта орнаментом. Наиболее распространенные мотивы орнамента - горизонтальные ряды наклонных отпечатков гребенчатого штампа, часто образующие елочные узоры, сочетающиеся с горизонтальными рядами

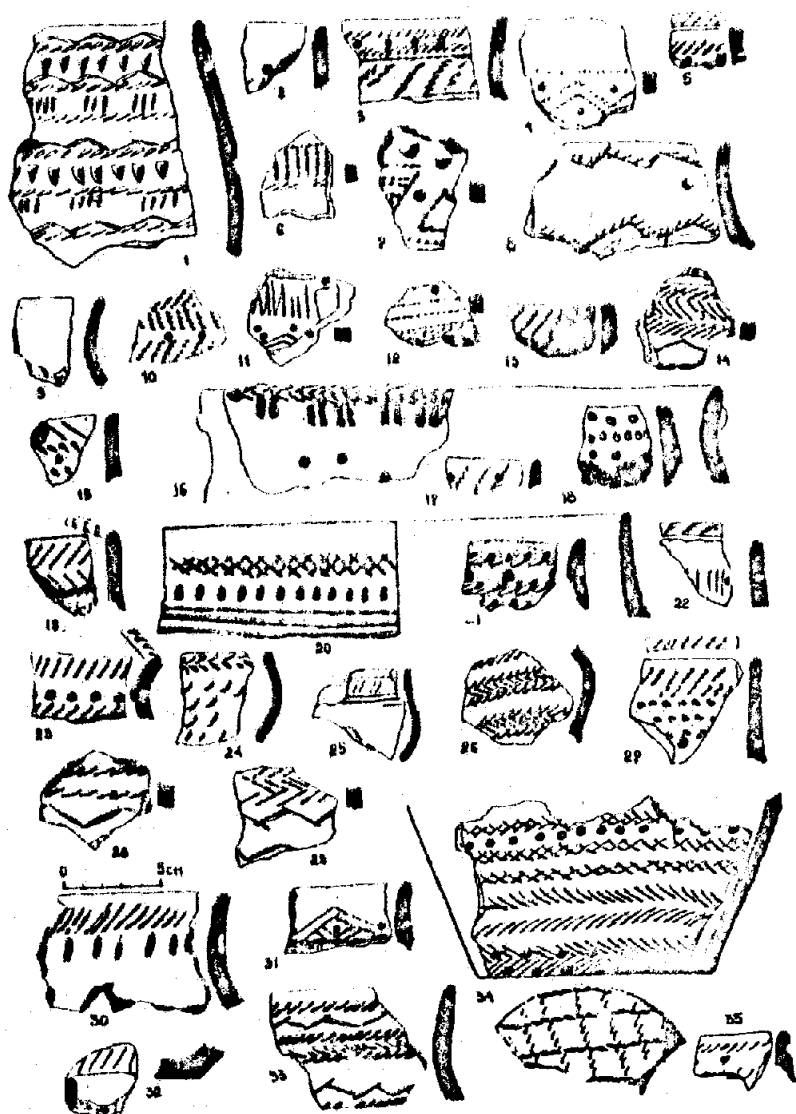


Рис. 6. Керамика эпохи поздней бронзы (I группа)

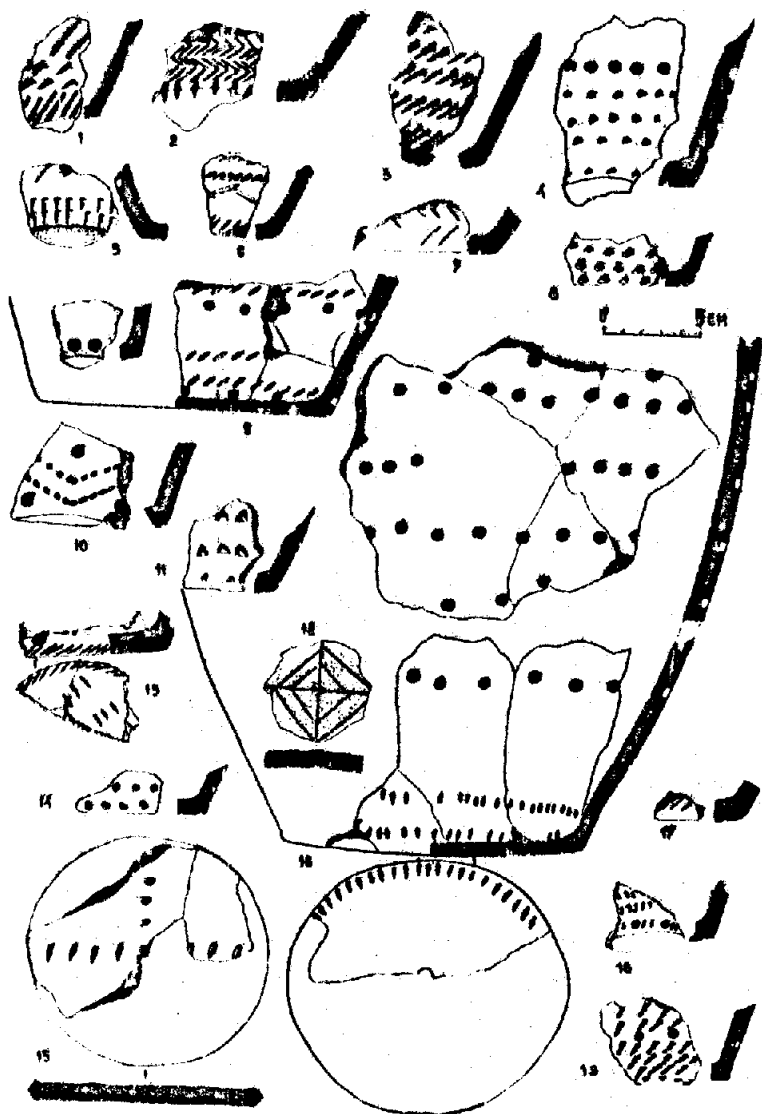


Рис. 7. Керамика эпохи поздней бронзы (I группа)

круглых ямочных вдавлений. Значительное место в ориентации посуды этого типа занимают горизонтальные ряды наклонных насечек в сочетании с рядами ямок. Ряды насечек часто воспроизводят различные елочный узоры. Реже встречаются горизонтальные ряды прямо поставленных насечек, гребенчатого штампа, прямых отпечатков гладкого ребра дощечки или лопаточки, гребенчатая качалка, каннелюры, зац.плн.

Особо следует отметить геометризмы в ориентации посуды, выполненные насечками треугольные фигуры, горизонтальный зигзаг из отпечатков гребенчатого штампа или насечек, ромбовидные фигуры из отпечатков косо поставленной гребенки. Эти моменты наиболее сближают данную керамику с посудой второй группы.

Разделительными зонами служат горизонтальные ряды ямочных вдавлений или реже — горизонтальные прямые линии, выполненные техникой процерчивания или гребенчатым штампом. Иногда боковая поверхность сосуда украшена почти исключительно рядами ямок.

Присутствует орнамент и на днах сосудов. Из всех фрагментов дна, обнаруженных на поселении, орнаментом украшено 9%. Преобладает солидная символика, выполненная насечками или наколами. На сохранившейся части одного сосуда дно украшено солидным узором с внутренней стороны. Реже встречается украшение дна гребенчатым штампом. В орнаментации придонной части используется те же принципы, что и при украшении верхней боковой поверхности сосуда.

Вторая группа керамики (с преобладанием ирменских черт) (рис. 8-10). К данной группе относятся сосуды в основном горшковидной формы. Большинство из них воротничковые.

В орнаменте преобладают геометрические мотивы: заштрихованные треугольники, ромбы, диагональные полосы, зигзаги, причем встречается смешанная и резная техника исполнения, гребенчатый штамп, насечки. Зона воротничка украшена разнообразно. Встречаются различные сочетания горизонтальных рядов наклонных и прямых отпечатков гребенчатого штампа, ребра дощечки или лопаточки и насечек, часто образующих различные узоры и сетку, заштрихованных ромбов, треугольников, диагональных полос. Характерным элементом украшения воротничка и плечиков сосудов данной группы является зигзаг, наносимый как насечками и гребенчатым штампом, так и специальным штампом ("чаечным"). Чаще оттиски этого штампа наносились двумя горизонтальными рядами.

Прямые горизонтальные линии, выполненные гребенчатым штампом и процерчиванием, используются не только для украшения воротничка,

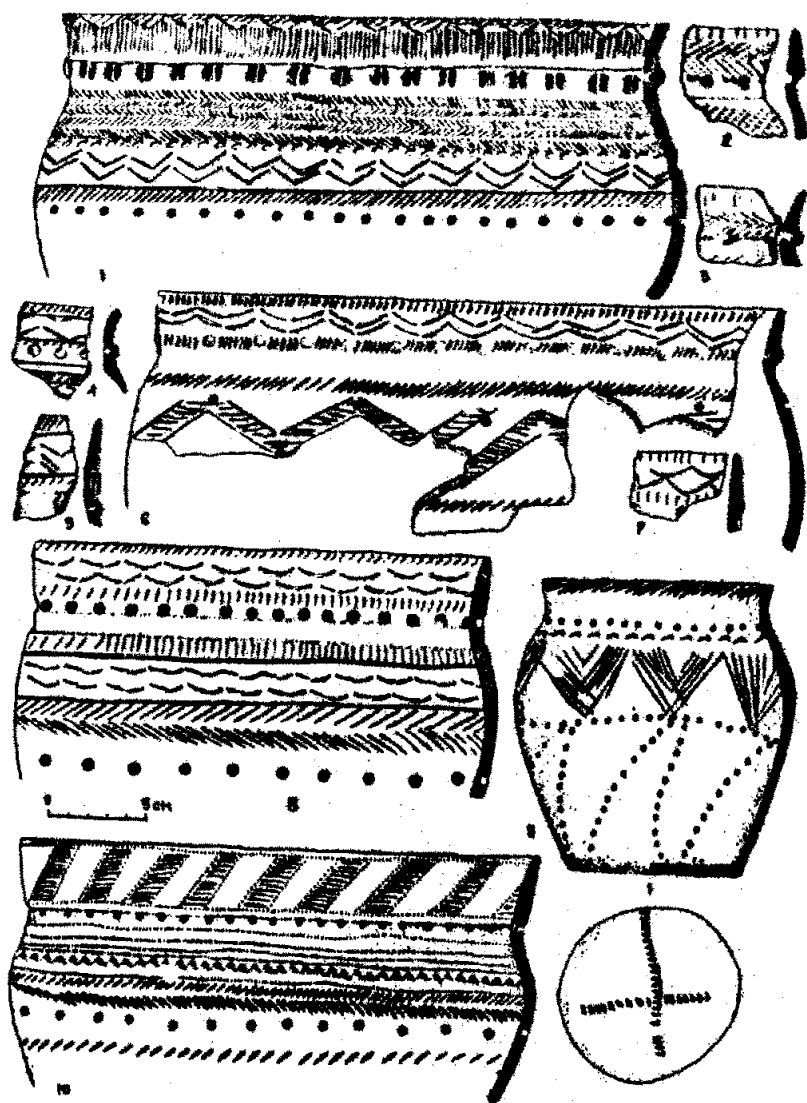


Рис. 8. Керамика эпохи поздней бронзы (II группа)

но и остальной боковой поверхности сосудов. Реже на воротничках встречается орнамент в виде горизонтальных рядов ямочных вдавлений и жемчужин. Обычен поясок ямок, жемчужин или выпуклов, который находился непосредственно под воротничком на шейке сосуда. Изредка шейка украшалась валиком.

В орнаментации плечиков и тулова сосуда использовались те же элементы, что и при орнаментации воротничка. Но в этих зонах чаще используются горизонтальные ряды ямочных вдавлений. В отдельных случаях встречается украшение плечиков заштрихованными прочерченными треугольниками и лентами в форме зигзага. В единичных случаях зафиксировано заполнение тулова сосуда фестонами из ямочных вдавлений и украшение дна солярными узорами.

Третья группа керамики (с андронидными мотивами) (рис. 11). Сюда относятся сосуды горшковидной формы, в орнаментации которых преобладают андронидные, но не андроновские мотивы, так как узоры изготовлены грубым гребенчатым штампом, есть существенные отличия в технике нанесения орнамента и в заполнении им боковой поверхности сосуда.

Венчик сосуда обычно орнаментирован косыми заштрихованными треугольниками, но встречаются и равнобедренные заштрихованные треугольники, Г-образные фигуры.

По шейке сосуда располагались каннелюры или поясок сетки, выполненной гребенчатым штампом. По плечикам и тулову нанесены заштрихованные ленты, образующие меандровидные узоры, ряды заштрихованных диагональных полос, ряды косо- и прямо поставленного гребенчатого штампа и насечек, гребенчатая качалка, горизонтальные ряды оттисков уголка палочки, горизонтальные линии, выполненные гребенчатым штампом, которые часто служат для отделения одной зоны орнамента от другой.

С первой группой данную керамику связывает наличие горизонтальных рядов насечек, образующих ямочные узоры, монотонное заполнение наклонными и прямыми рядами гребенчатого штампа.

Таким образом, из всего сказанного ясно, что выделяемые группы керамики, несмотря на достаточно существенные отличия, имеют много общих черт. Их роднит форма, общие принципы орнаментации, прежде всего ряды ямочных намолов по тулову сосуда, обилие орнамента в виде ямочки, орнаментация дна солярными узорами и так далее.

Точных аналогий новочечкинской керамике нет, но, несмотря на это, мы уже сейчас вправе выделить круг памятников, к которому

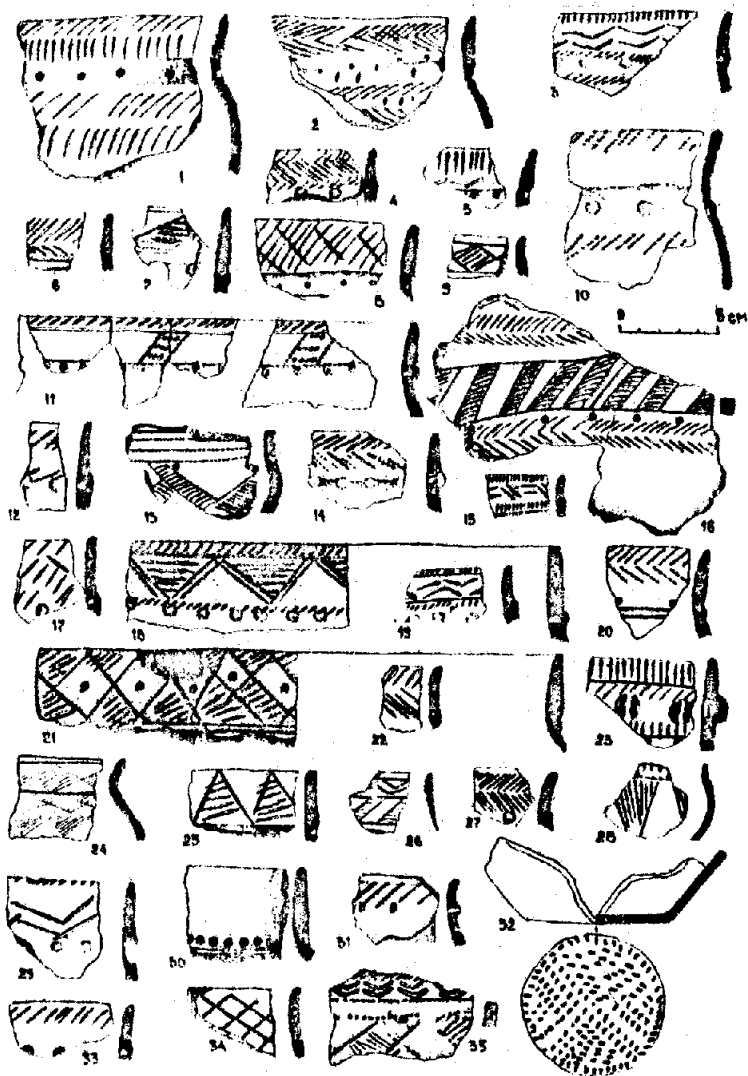


Рис. 9. Керамика эпохи поздней бронзы (II группа)

данный материал наиболее тяготеет. Наиболее близким памятником, несомненно, является жертвенное место Сузун I, исследованное В.Н.Чернецовым и В.И.Мошинской /21;22/.

С этими материалами сопоставима форма керамики (плоскодонные крупные горшки), а также, что особенно важно, аналогичное сочетание таежных принципов орнаментации, а именно - ряды ямок по тулову сосуда, гребенчатый штамп в сочетании с андронидной орнаментацией, а также и ирменские принципы орнаментации сосудов.

Вообще следует сказать, что анализируемый комплекс наиболее сопоставим с памятниками эпохи поздней бронзы к северо-западу от Зарубинской лесостепи. Так, чрезвычайно близка нашей керамике посуда эпохи бронзы с городища Кучум-Гора, охарактеризованная Р.Д.Годдиной /23/. Аналогии можно проводить с первой и второй группами керамики памятника Новочекино-3. На посуде Кучум-Горы так же, как и в Новочекино-3, в форме и орнаментации, несомненно, присутствует ирменский компонент, здесь же мы находим керамику, сходную с керамикой первой группы по нашей классификации, орнаментированную рядами гребенчатого штампа, насечками, елочным узором, каннелюрами и защипами по шейке и, что, пожалуй, самое главное, рядами ямочных наков по тулову сосуда. Отличием в орнаментации керамики с Кучум-Горы от новочекинской является отсутствие андронидного геометризма.

Новочекинский комплекс керамики несомненно близок материалам поселения Прорва, расположенного в низовьях р.Тара /24/. Выделены В.В.Евдокимовым и В.М.Стефановым три группы керамики единовременны /24, с.47/. Важно отметить, что все эти группы сопоставимы с группами Новочекинской посуды с той лишь разницей, что ирменский компонент на новочекинской посуде представлен наиболее ярко.

В общих построениях В.В.Евдокимова и В.М.Стефанова может вызывать сомнение наличие, как они полагают, карасукских черт в керамике Прорвы. Авторы объясняют это проникновением карасукских (или карасукоидных) элементов в лесостепное Обь-Иртышье /24, с.49/. Непонятно, о каких карасукских проникновениях может идти речь, если территорию лесостепного Обь-Иртышья и далее на восток к Минусинской котловине в период поздней бронзы населяли племена ирменской культуры, сведения о которой достаточно хорошо известны в литературе. Поэтому авторы, конечно, справедливо выделяют позднебронзовый пласт в керамическом комплексе поселения Прорва, однако, его следует связывать не с карасукской, а с ирменской культурой, племена которой проникают в предкавказную зону, активно контактируя с местным населением.

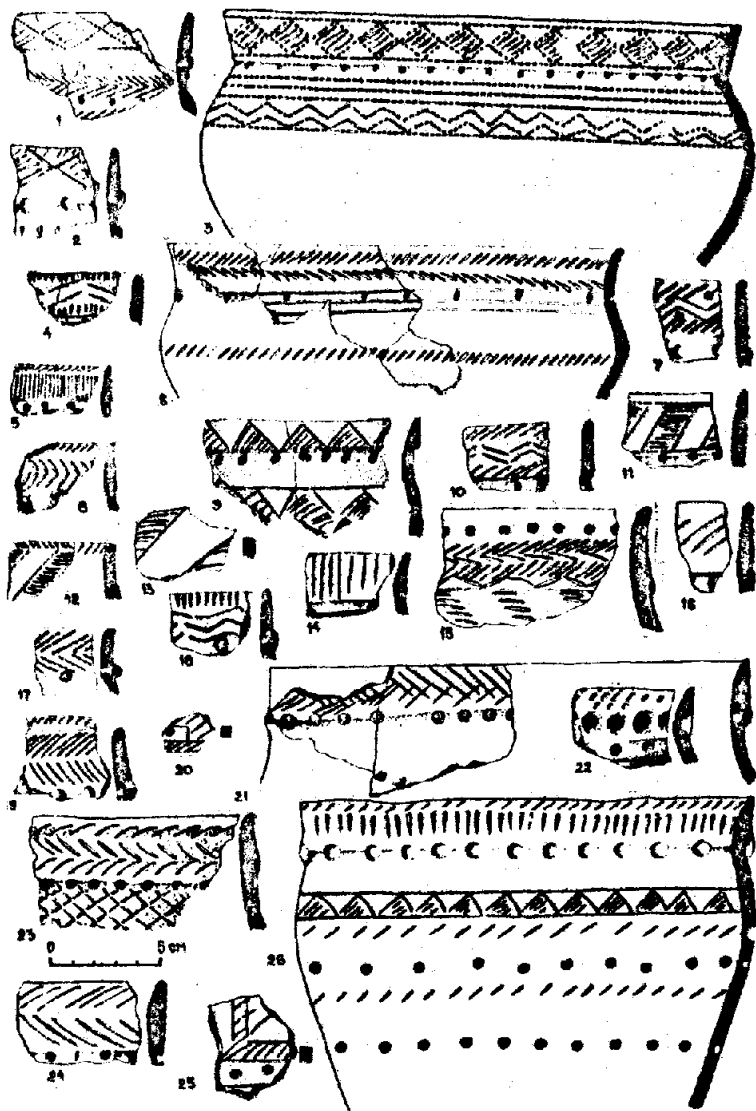


Рис. 10. Керамика эпохи поздней бронзы (II группа)

Очевидно, что присутствие о п и с и н и х элементов орнамента наиболее характерно для таежных культур эпохи поздней бронзы. Об этом ярко свидетельствует Сузунский комплекс, о котором мы уже говорили, а также шестая группа позднебронзовой керамики Васюганья (поселение Тух-Эмтор I), выделенная Д.И.Кирошным /26, с.94-96/.

Важно отметить, что на керамике шестой группы (по Д.Ф.Карошину, А.И.Малолетко) мы наблюдаем сочетание андроновидных и ирменских черт в форме и орнаментации керамики, а также в местных гребен ато-ямочных традиций.

Необходимо отметить и то, что вторая группа выделенной нами керамики, несомненно, находит аналогии как с собственно ирменскими комплексами лесостепной Барабы, так и в целом с ирменскими памятниками всей территории распространения этой культуры. Особенно следует подчеркнуть эту связь с памятниками западных районов ирменской культуры (нижний слой городища Большой лог /26/ Розановского поселения, Черноозерье УШ /27/). Этот момент в конечном итоге и определяет хронологию всего рассматриваемого комплекса (поскольку связь всех трех выделенных групп керамики, представленной нами, обоснована выше).

Чем же можно объяснить наличие археологически столь своеобразных групп керамики на одном памятнике? Тем более это важно, что, как мы уже видели из приведенных аналогий с материалами Сузун II, Кучум-Горы и Прорвы, данное явление не представляется чем-то оригинальным на памятнике Новоцекино-3, а скорее закономерным для пограничной зоны между лесостепью и тайгой. На наш взгляд, его можно объяснить тем, что рассматриваемая территория, несомненно, являлась контактной между культурами эпохи поздней бронзы, занимавшими таежную часть Западной Сибири, носителями гребенчато-ямочной культурной традиции и андроновидных мотивов орнамента с ирменской культурой с того же времени, представители которой населяли Барабинскую лесостепь. Мы можем констатировать также, что контакты данных групп населения были достаточно дружелюбными, что нашло свое отражение в орнаментации и форме посуды, где мы наблюдаем синтез таежной и лесостепной орнаментальных традиций.

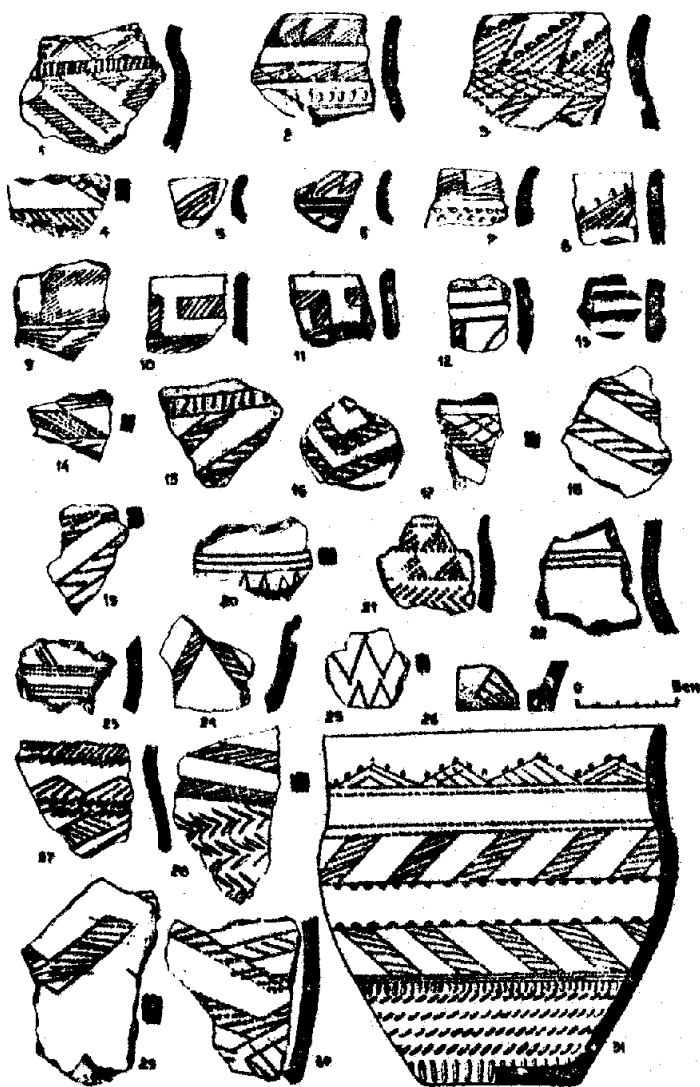


Рис. II. Керамика эпохи поздней бронзы (III группа)

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Полодьмак Н.В. Северная Барба в скифское время. - В кн.: Тезисы докладов всесоюзной археологической конференции "Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства". - Кемерово: Изд.Ком.ун-та, 1979, с.106-108.
2. Молодин В.И., Мильникова Л.Н. Исследования памятника Кыштовка-I. - В кн.: Источники по археологии Северной Азии (1936-1976). - Новосибирск: Наука, 1980, табл. I, П, с.172-198.
3. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. - Новосибирск: Наука, 1977, с.43-49, табл. XXXIII-XIUI.
4. Грязнов М.П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. - ИСИАИ, 1966, № 64, с.27-42.
5. Матвеев А.В., Колесни А.Н., Соболев В.И., Зах В.А. Работы Новосибирской экспедиции. - В кн.: АО 1976. - М.: Наука, 1977, с.222.
6. Матвеев А.В. Исследования Бистровского поселения. - В кн.: АО 1977 г. - М.: Наука, 1978, с.256-257.
7. Матвеев А.В., Клишкова Т.Н., Колесникова Л.Н. Исследования Красноярского и Искитимского отрядов Новосибирской экспедиции. - В кн.: АО 1978 г. - М.: Наука, 1979, с.250-251.
8. Сидоров Е.А. Раскопки у с. Милованова. - В кн.: АО 1978 г. - М.: Наука, 1979, с.271.
9. Сидоров Е.А. Исследование Милованского поселения. - В кн.: АО 1979 г. - М.: Наука, 1980, с.231.
10. Руденко С. Перевал. - В кн.: Материалы по этнографии, т.4, вып.2. - Л., 16.м., 1929, с.215.
11. Формозов А.Н. Равнинность Западной Сибири и связанные с ней особенности животного мира. - В кн.: Развитие и преобразование географической среды. - М.: Наука, 1964, с.215.
12. Косарев М.Ф. Древнейшие грузила Нижнего Приобья. - В кн.: История, археология и этнография Сибири. - Томск: Изд-во ТГУ, 1979, с.23.
13. Старков В.Ф. Кошарово-I - многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье. - СА, 1970, № I, рис.4, с.97-108.
14. Баранас А.П., Косарев М.Ф., Славнин В.Д. Еловский археологический комплекс. - В кн.: Ученые записки ТГУ, № 60. - Томск: Изд-во ТГУ, 1966, с.58-70.

15. Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. - М.: Наука, 1976, с.26-39.
16. Мошинская В.И. Об одной группе глиняных антропоморфных изображений на Западной Сибири. - В кн.: КСИИМК, № 76. - М.: Изд-во АН СССР, 1969, с.180-184.
17. Федерова И.В. Новые находки мелкой антропоморфной пластики на поселениях конца I тыс. н.э. в среднем Приобье. - В кн.: Вопросы археологии Приобья. - Томск: Изд-во Том.ун-та, 1979, с.146-151.
18. Генинг В.Ф., Ещенко И.М. Издания эпохи поздней бронзы Черномосерье I. - В кн.: Из истории Сибири, вып.6. - Томск: Изд-во ТГУ, 1973, с.58, рис.3-23.
19. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура. - В кн.: Из истории Сибири, вып.17. - Томск: Изд-во ТГУ, 1974. - 192 с.
20. Мошинская В.И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя. - МИА, № 35, 1953, с.98-120.
21. Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья. - МИА, № 35, 1953, с.46-51.
22. Мошинская В.И. Сузун II - памятник эпохи бронзы лесной зоны Западной Сибири. - МИА, № 58, 1957, с.114-135.
23. Голдман Р.Д. Городище Кучум-гора. - ВАУ, вып.8, 1969, с.147-152.
24. Евдокимов В.В., Стефанов В.И. Поселение Прорва. - В кн.: Археология Прииртышья. - Томск: Изд-во ТГУ, 1980, с.41-51.
25. Киршин В.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. - Томск: Изд-во ТГУ, 1979. - 181 с.
26. Чернецов В.Н., Мошинская В.И. Городище Большой Лог. - КСИИМК, 1951, № XXXII, с.151.
27. Генинг В.Ф., Гусеницова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья. - В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. - Томск: Изд-во ТГУ, 1970, с.36-44.

В.И.Митищенко

(Омский государственный университет)

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ У ДЕРЕВНИ МИТАН НА ОМЬ

В окрестностях д. Митан Кривошеинского района Томской области на левом берегу речки Мингер, в урочище Марино расположен могильник средневековой эпохи, открытый в 1976 г. Г.В.Трухляком /1/. В 1976-1978 гг. автор производил раскопки этого памятника /2/. В ходе работ было установлено, что в этом месте имеются могильники трех хронологических эпох: позднего неолита, поздней бронзы и средневековья. В настоящей публикации будут рассмотрены только находки эпохи поздней бронзы, обнаруженные под курганами I, 2, 6, II.

Под курганом I, высотой не более 60 см, было вскрыто пять могил интересующего нас времени. Массив кургана, вытянутая с севера на юг, находилась на ровном месте; через нее проходила дорога, уплотнившая грунт. Размеры массива 20 x 15 см. Стратиграфия массива непримечательна. Под гумусом мощностью в 15-20 см открылся материковый суглинок грязно-желтого цвета. В толще гумуса и в верхнем горизонте суглинка обнаружены многочисленные фрагменты керамики ирменского облика.

М о г и л а I размером 65 x 160 см находилась в центральной части кургана на материке. Ориентирована на северо-северо-запад - юго-юго-восток.

Захороненная женщина, в возрасте около 35 лет (тач брахи-крайний с монголоидной примесью /3/), была положена на правый бок спиной, головой на юг. В заполненной могиле собраны два фрагмента керамики ирменского облика и небольшой окатанный камень.

М о г и л а 2 размером 60 x 120 см находилась в юго-западной половине кургана в материке на глубине 10-12 см. Ориентирована на северо-северо-запад - юго-юго-восток. В могиле сохранились незначительные и неопределенные кусочки костей человека и лезвие развала сосуда горшковидной формы, украшенный по венчику двумя рядами противоположных вырезанных треугольников, между которыми - дырки на треугольных лунках. По придонной части сосуда нанесены вертикальные длинные насечки. Кроме того, в могиле найден сильно деформированный и плохо сохранившийся бронзовый предмет и бронзовая бусина

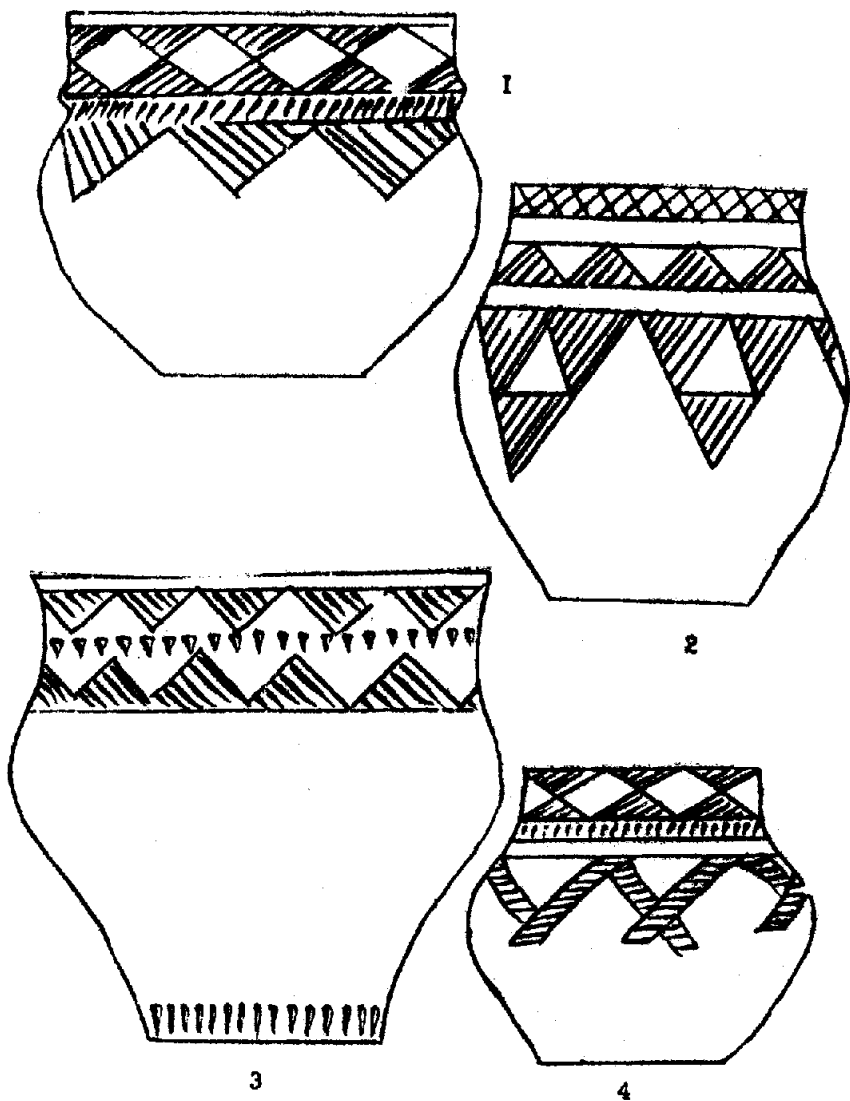


Рис. I. Керамика Иштанского могильника

М о г и л а 3 размером 45 x 95 см находилась в юго-восточной части кургана на материке. Ориентирована на север-юг. В могиле сохранились остатки костяка ребенка, положенного на правый бок скорченно, головой на юг. В головах стоял горшок (рис. I-1), украшенный по венчику противоположными штрихованными треугольниками, образующими гладкие ромбы. По плечикам сосуде штрихованные треугольники, обращенные вершинами вниз.

М о г и л а 4 размером 65 x 130 см находилась в северо-западной половине кургана в материке, на глубине 15 см. Ориентирована на север-юг. Умерший был уложен на правый бок скорченно, головой на юг. В могиле найдены фрагменты сосуда с геометрическим орнаментом и толстостенного гладкого сосуда.

М о г и л а 5 размером 75 x 155 см находилась рядом с предыдущей на материке. Ориентирована на север-юг. Умерший был уложен на правый бок скорченно, головой на юг. В головах лежал развал сосуда горшковидной формы, аналогичный тому, что найден в могиле 4.

Под курганом 2 было вскрыто две могилы эпохи бронзы и одна средневековая. Высота насыпи кургана не превышала 50 см. Стратиграфия насыпи аналогична зафиксированной в кургане 1.

В насыпи кургана были собраны обломки костей животных, небольшое скопление человеческих зубов, малоколичественные разрозненные фрагменты керамики, а также целый сосуд горшковидной формы (рис. I-4), украшенный по венчику противоположными штрихованными треугольниками, образующими гладкие ромбы, по шейке или горизонтальные резные линии в сочетании с линией из ямочек, а по плечикам - штрихованные ленты.

М о г и л а I размером 80 x 180 см находилась на материке. Ориентирована на север-юг. В могиле лежали останки подростка 13-14 лет, на левом боку скорченно, головой на юг. Инвентарь состоял из нескольких кусочков охры у ног, развал сосуда в головах (рис. I-2) и две бронзовых пронизки у черепа (рис. 2-II, I2).

М о г и л а 2 размером 140 x 200 см располагалась на материке. Ориентирована на северо-восток - юго-запад. В могиле обнаружено парное захоронение. Восточный костяк, принадлежащий мужчине в возрасте 25 лет, лежал на правом боку, головой на юг. Западный, принадлежащий женщине (?) в возрасте около 35 лет, вытянут головой на юг. Правое бедро перекрыто челюстью лошади.

В кургане 6 открыто 19 могил, 2 из которых относились ко времени бронзы, а остальные - средневековые.

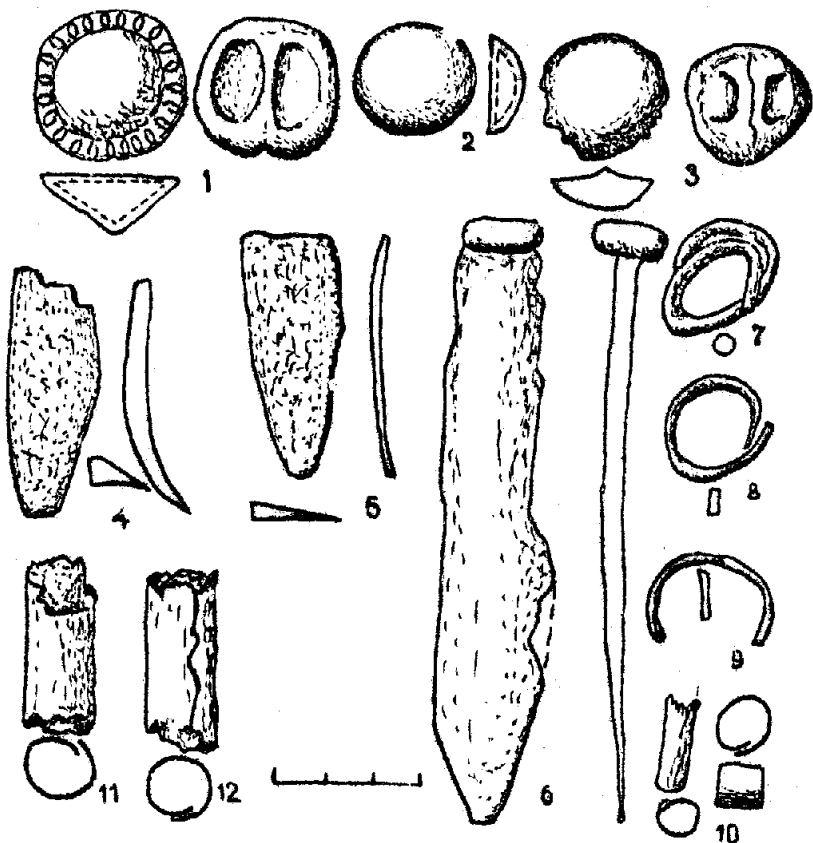


Рис. 2. Бронзовый инвентарь Иштанского могильника

М о г и л а 9 размером 85 x 100 см находилась на 20 см выше материка, в толще насыпи. Частично сохранились кости ног и некоторые кости таза. Умерший, видимо, лежал на правом боку головой на юг. Ноги его были согнуты в коленях. Находок нет.

М о г и л а 18 размером 70 x 120 см находилась на материке. Сохранилась частично: только тазовые кости, кости обеих ног и поясничный отдел позвоночника. Умерший, видимо, лежал на правом боку скорченно, головой на юг. Находок нет.

В к у р г а н е II открыто 6 могил, из которых все, видимо, относится ко времени бронзового века.

М о г и л а 2 размером 70 x 90 см располагалась в толще насыпи на 40 см выше материка. В могиле лежали останки трупосожжения мужчины в возрасте около 40 лет. В заполнении собраны три фрагмента, украшенные по венчику жемчужником.

М о г и л а 3 размером 85 x 120 см встречена в насыпи на 45 см выше материка. В могиле, потревоженной муравейником, лежали остатки черепа мужчины в возрасте 50-60 лет и обломки трубчатых и других костей. Найден один фрагмент крымского сосуда.

М о г и л а 4 размером 70 x 85 см находилась выше материка на 35 см в толще насыпи. Умерший лежал скорченно, на правом боку, головой на восток. Находок нет.

М о г и л а 5 размером 180 x 330 см найдена в толще насыпи на 55 см выше материка. Ориентирована на восток - запад. В могиле лежали костяки четырех умерших, парами, на правом боку, скорченно, головами на юг. Все умершие - мужчины, возраст 25-30, 25, около 50 и около 25 лет. В юго-восточном углу найдено скопление костей травоядного животного, у черепа восточного костяка - обломок бронзового ножа (рис.2-4), у соседнего черепа - бронзовое кольцо в 1,5 оборота (рис.2-7), между вторым и третьим черепами - бронзовый нож (рис.2-6), у третьего черепа - бронзовые пуговицы (рис.2-2,3), бронзовое кольцо (рис.2-8), между третьим и четвертым черепами - обломок бронзового ножа (рис.2-5), у четвертого черепа - бронзовые пронизки (рис.2-10) и кольцо (рис.2-9).

М о г и л а 6 размером 70 x 110 см встречена в насыпи на 60 см выше материка. Ориентирована на север-юг. В могиле лежал костяк умершего мужчины в возрасте 45-50 лет, на правом боку, сильно скорчен, головой на юг. На лобной кости черепа найдена бронзовая пуговица со следами волокон и кожи (рис.3-1).

М о г и л а 7 размером 110 x 220 см находилась в толще насыпи, на 10 см выше материка. Могила очень потревожена. Устаню-

вить ориентацию и другие особенности могилы нельзя. Умерший — мужчина в возрасте 45–50 лет.

Всего вскрыто 16 могил, происходящих из разных мест могильника, но всегда находившихся в насыпях или под насыпями курганов. Имеющийся материал дает возможность рассмотреть основные черты погребального обряда могильника. Погребения совершались, как правило, выше материка, следовательно, на поверхности земли или чуть углубленными с последующим присыпанием землей сверху. К сожалению, мы не имеем никаких следов деревянной обкладки или перекрытия, что заставляет нас только предполагать эти детали могильных сооружений. Умерших обычно укладывали на правом боку, скорченно, головой на юг. Эта черта в могильнике очень устойчива. Погребальный инвентарь сравнительно беден. Другие черты погребального обряда фиксируются единичными случаями: наличие коллективных захоронений и захоронение праха умершего, сожженного на стороне.

Эти черты погребального обряда вполне сопоставляются с Еловским могильником II ирменским /4, с.120–125/. На этом основании мы можем сблизить могильник у д.Иштан с ирменскими памятниками.

Не противоречит этому и инвентарь могильника. Так, керамика имеет наибольшие аналогии в могильниках Кырманово, в Еловском II ирменском /4, рис.85–3/, в Титовском могильнике /5, рис.2–17/. То же следует сказать о бронзовых ножах и пуговицах. Эти изделия полностью аналогичны тем, что обнаружены во многих памятниках ирменского типа в Приобье.

Значение находок в деревне Иштан представляется нам очень важным при решении вопросов о распространении памятников еловско-ирменской культуры в Приобье. В свое время мы уже выделяли девять локальных районов еловско-ирменской культуры /4, с.80–89/. Имеющийся материал Иштанского могильника не дает достаточных оснований для отнесения его к одному из этих районов. Не исключено, что он будет составной частью нижнетомского археологического района. Вместе с тем, следует обратить внимание на то обстоятельство, что Иштанский могильник является пока что самым северным из ирменских погребальных комплексов.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Т р у х и н Г.В. Археологическая разведка по р.Шатарке и Чае. Архив музея АЭС ТГУ.

2. Материалы раскопок 1975 г. хранятся в музее АЭС ТГУ, 1976 г. — в музее АЭ Ом'У.

3. Определения произведены В.А.Дремовым.

4. М а т в е е н к о В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Часть 4. - В кн.: Из истории Сибири, вып.12. - Томск; Изд-во ТГУ, 1974. - 192 с.

5. С а в и н о в Д.Г., В о б р о в В.В. Титовский могильник. - В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск: Наука, 1978, рис.2-17.

Н.А.Савельев, В.С.Худяков

(Иркутский университет, Новосибирский университет)

ПОГРЕБЕНИЕ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ НА Р.КАН

В 1972 г. в ходе работ Канского отряда "АЭ ИГУ в долине р.Кан, в местности Волково, в 3 км от деревни Анжевка Красноярского края, в 20 км вверх по течению от г.Канска, в обнажении -6 метровой террасы правого берега р.Кан было обнаружено погребение со своеобразным сопроводительным инвентарем /1/ (рис.1).

Погребение подверглось частичному разрушению вследствие эрозийных процессов террасы и действия растительности. Судя по сохранившимся местонахождению костей верхней части скелета, захоронение было совершено по обряду труположения, в грунтовой яме глубиной 0,3, шириной 0,8 м. Скелет лежал на правом боку, головой на северо-восток, со слегка согнутыми в локтях руками, и черепом, смещенным лицевой частью на северо-запад (рис.2).

При зачистке погребения был обнаружен следующий инвентарь: между I и 2 ребрами находился костяной предмет с пазом и двумя отверстиями, длиной 5,5 см (рис.3-3). У лобной и затылочной части черепа находилось 9 костяных наконечников стрел, плохой сохранности. Возможно, они входили в состав колчанного набора. Наконечники ромбические в сечении, асимметрично-ромбической формы. Лучше сохранился экземпляр с расщепленным насадом, длиной 6,5, шириной 1,3 см (рис.3-1).

Поперек правой плечевой кости, у локтевого сустава, находилась костяная латная пластина трапециевидной формы с округлыми концами, одним большим отверстием для крепления в расширенной и двумя малыми отверстиями для крепления в зауженной ее части. Дли-

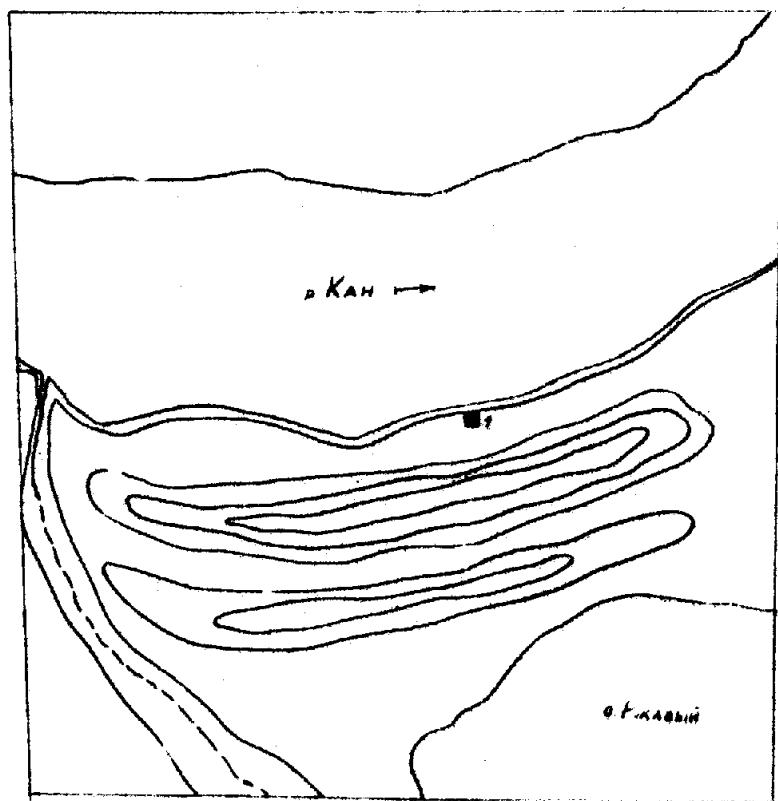


Рис. I. Местонахождение погребения

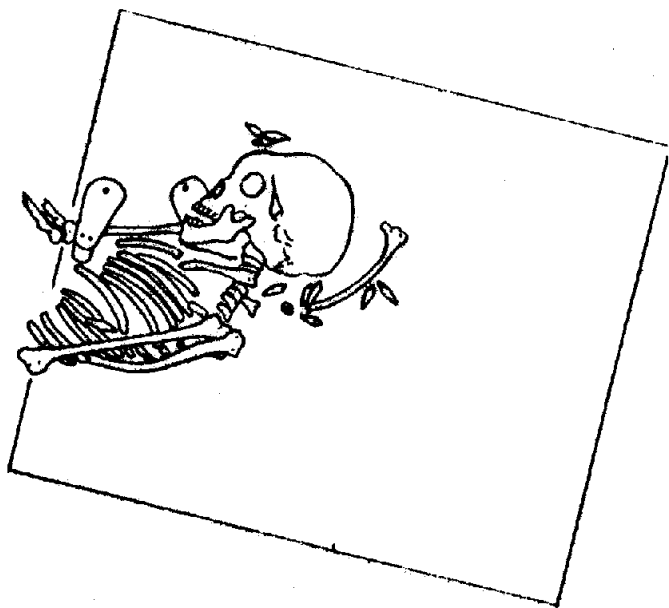
на пластины 13,5, ширина 5,5 - 6,5 см (рис.4).

Под нижней челюстью найдена вторая латная пластина, аналогичная по форме первой, с двумя парами малых отверстий по краям. Длина пластины - 14,5, ширина 4 - 7,5 см. В 5 см к югу от затылочной части черепа находились костяная пластина, округлой формы, диаметром 2,3 см (рис.4), и костяное орудие изогнутой формы с просверленным отверстием, диаметром 1,5 см (рис.4). При зачистке могильной ямы обнаружены игольник из трубчатой кости длиной 7,5 см (рис.4-4) и обработанный рог оленя, обломок орудия из кости (рис.4-7) /1, с.18/.

Ряд находок из погребения имеет аналогии в памятниках раннего железного века и гуннского времени в Южной Сибири и Монголии. Прямоугольные костяные пластины с округлыми отверстиями по краям, найденные в могильнике Улангом, определяют как латные пластины /2/ или костяные пряжки /3/. Они располагались перед лицевой частью скелета /3, с.106/. Встречены подобные пластины и в гуннском могильнике в Черемуховой пади, в Забайкалье, где они были обнаружены вместе с костями "плеча и предплечья", но почему-то в женском погребении /4, с.103/. Автор раскопок считает их пряжками /4, с.183/.

По нашему мнению, при определении назначения подобных костяных пластин необходимо учитывать их местоположение на костях скелета погребенного. Во всех известных случаях они сопутствуют плечам либо лицевой части черепа и ни разу не обнаружены на поясе. Вероятно, они служили для дополнительной защиты в ближнем бою плеч, предплечья. Судя по тому, что на тыльной стороне пластин встречены остатки кожи /2, с.225/, можно предполагать их соответствие кожаному доспаку, с укреплявшимися в местах, требующих усиленной защиты, костяными латными пластинами.

Наконечники стрел из кости с ромбическим и треугольным сечением пара асимметрично-ромбической формы бытуют в течение продолжительного времени. Однако их сочетание с расщепленным насадом характерно преимущественно для гуннского времени. Подобные наконечники найдены в гуннских памятниках Ильмовая падь и Иволгинское городище /4, с.177/, в Улангомском могильнике в Монголии /5, с.III/, в тагарском могильнике Каменка III в Микулинской котловине /6, с.38/ в тагарском могильнике Ягуна в Ачинско-Мариинской котловине /7, табл.36/. Все эти памятники, за исключением Улангома, датируются II-I вв. до н.э.



0 60 см

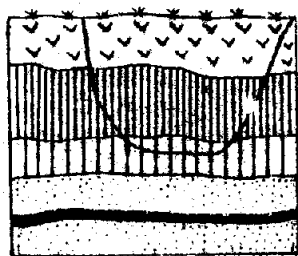


Рис. 2. План (А) и разрез (В) погребения

Выпуклые костяные пластинки округлой формы, с отверстием в центре, встречаются в гуннских могильниках Ильмовая и Черемуховая пады и на Иволгинском городище /4, с.182/, в тесинском могильнике Ник-Хая-Пурун в Минусинской котловине. Исследователи склонны считать, что по назначению это ворворки /8, с.49/ или кольца для натягивания тетивы лука /9, с.291/. В исследуемом погребении данный предмет находился среди костяных наконечников стрел, близ затылочной части черепа погребенного. Никаких следов сбруи и седла в погребении не обнаружено, поэтому следует признать более приемлемой возможность употребления данного предмета как кольца для натягивания тетивы.

Костяные иглы из полированных трубчатых костей известны в памятниках различных эпох. Встречаются они и в погребениях тесинского этапа тагарской культуры на территории соседней Минусинской котловины /10, рис.3-2/, относящихся к II-I вв. до н.э.

Костяные, овальные в сечении стержни с полушаровидной шляпкой известны в памятниках батеневского этапа таштыкской культуры в Минусинской котловине, датируемого I-II вв. н.э. /11, рис.3-5/. Служили шпильками и заколками.

Костяные предметы, напоминающие поворотные гарпуны со шпорой, в памятниках на сопредельных территориях не известны. Нет уверенности, что данная вещь использовалась аналогично гарпуну, поскольку отверстия для продевания лия расположены близ острия, ослабляя эффект ударного действия. Среди возможных вариантов использования подобной вещи можно указать на ее употребление как чолнока для вязания сетей.

Костяной кинжал из рога оленя не находит себе прямых аналогий в памятниках из сопредельных районов. Кинжалы из кости, но с иной формой клинка и рукояти, известны из раскопок В.П.Левашовой на Вознесенском городище XIV в. н.э. в Прииртыше /12, с.89/.

Костяной предмет из ребра оленя с округлым отверстием близких аналогий не имеет. На Вознесенском городище встречено ребро оленя с отверстиями на обоих концах. По мнению автора раскопок, оно принадлежало упряжи /12, с.90/. В погребении данная вещь обнаружена среди костяного кольца и наконечников стрел подле затылочной части черепа захороненного. Трудно сказать, для чего она могла служить. Поскольку для колчанного набора такие предметы не характерны, вероятно, его использовали в качестве рукояти нагайки.

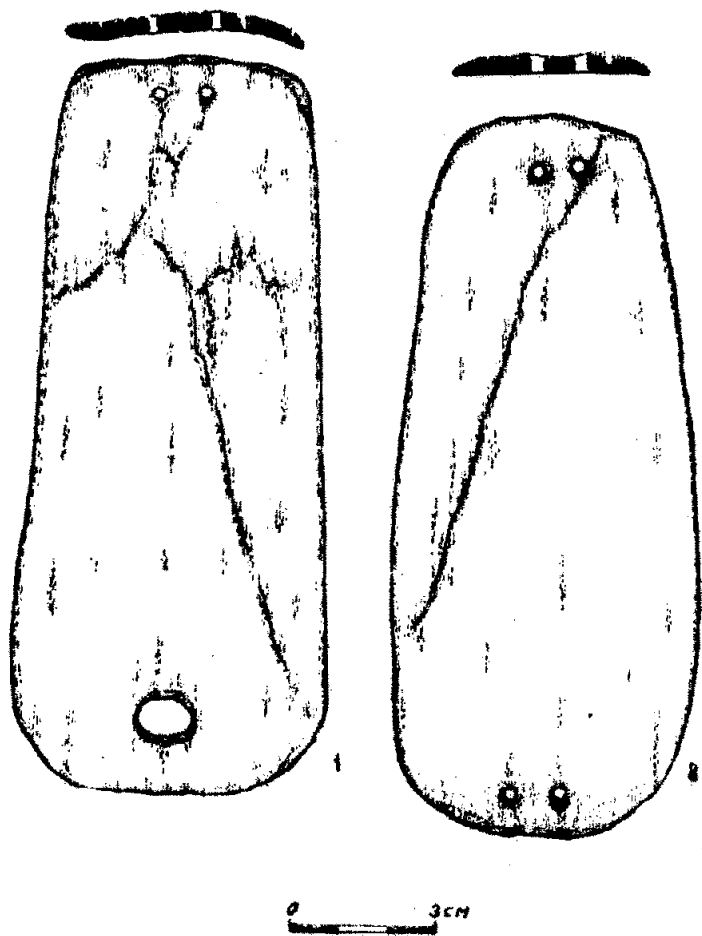


Рис.3. Инвентарь погребения; 1,2 - латные пластины

В целом набор сопроводительного инвентаря погребенного, включающий предметы вооружения и бытовые инструменты, находит себе широкие аналоги в памятниках сопредельных территорий, большинство из которых соответствует последним векам до нашей эры — началу нашей эры.

Если наша датировка верна, то погребение Волково можно считать первым памятником гуннского времени на восточной периферии Минусинской котловины. В это время территория Южной Сибири переживала нашествие гуннов, под натиском которых рушились сложившиеся военно-политические союзы, сменялись этнические границы, изменялись традиционные устои жизни, сменявшимся образом на исторических судьбах тагарской культуры /13, с.162-163/. В Минусинскую котловину отмечается интенсивный приток монголоидного населения. Не стояли в стороне от бурных политических событий и племена лесостепной и таежной периферии Минусинской котловины. Не исключено, что какая-то часть приняла участие в этнических процессах, послуживших началом сложения новой общности, оставившей последующую по времени, таштыкскую культуру. Судя по отдельным предметам из погребения Волково (латные пластины, наконечники стрел с расщепленным насадом, кольцо для натягивания тетивы, игольник и костяная шпилька), влияние гуннской культуры распространилось и на окрестные лесные племена.

Вызывает удивление полное отсутствие в составе инвентаря погребения Волково металлических предметов. Хотя широкое использование кости для изготовления предметов вооружения и бытовых инструментов — характерный признак лесных и лесостепных культур эпохи раннего железа и средневековья, присутствие металлических предметов в памятниках этого времени — обычное явление. Особенности погребения Волково в этом отношении могут объясняться по-разному: неполной сохранностью захоронения, отсутствием собственного железодельного производства и высокой ценностью металлических предметов, канонами погребальной обрядности. Во всяком случае, набор инвентаря рассматриваемого погребения не дает оснований предполагать отсутствие знакомства носителей данного типа памятников с металлом, поскольку большинство костяных изделий изготовлено с помощью металлических инструментов.

Набор предметов, при отсутствии предметов из металла, достаточно обычен для воина-охотника, включая круг необходимых вещей для военных и походно-бытовых нужд. Вероятно, один из таких

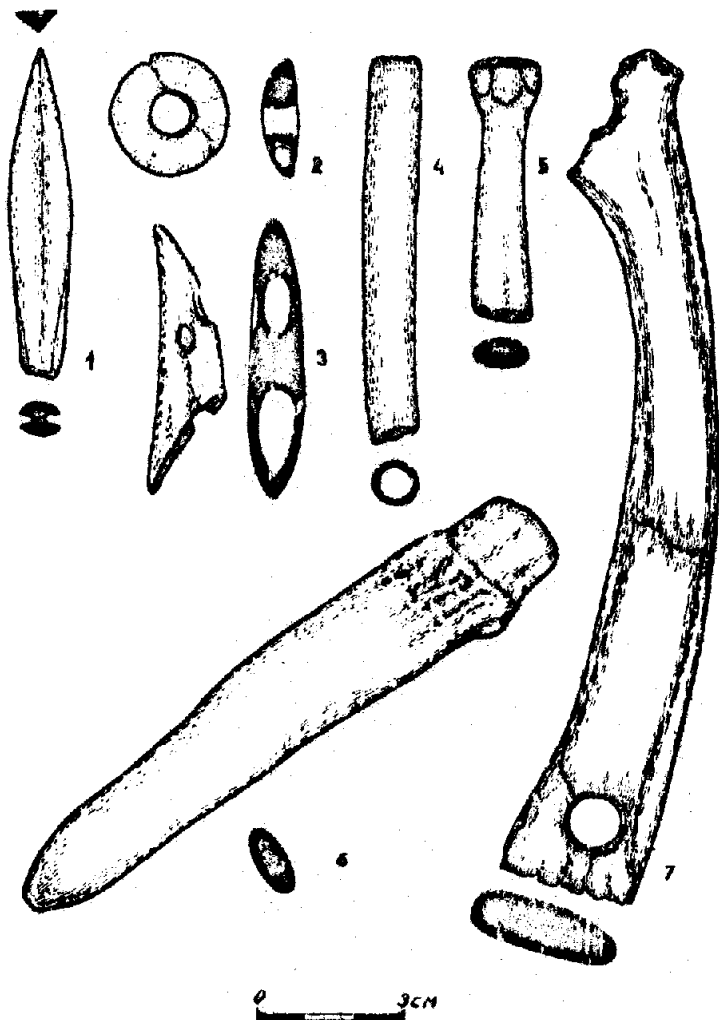


Рис. 4. Инвентарь погребения: 1 - наконечник стрелы; 2 - кольцо для натягивания тетивы лука; 3 - "чалнок"; 4 - игольник; 5 - шпилька; 6 - кинжал; 7 - рукоять плети

походов окончился для воина из Волково роковым образом, поскольку он был захоронен в одиночной могиле на берегу судоходной реки, в стороне от кладбища соплеменников.

В составе инвентаря, за исключением предполагаемой рукоятки плети, отсутствуют необходимые для всадника предметы сбруи, что позволяет высказать предположение, что основным средством передвижения для воина из Волково служил не конь, а, видимо, лодка в летнюю пору и лыжи — зимой. Сюжеты таптыкского изобразительного искусства содержат немало примеров, иллюстрирующих сражения воинов, стреляющих в противника из луков с быстроходной лодки-пироги /14, с.100/ либо стоя на лыжах. Вероятн, воспользовавшись ослаблением вследствие гуннского завоевания степного населения, окрестные племена усилили в этот период грабительски набег на Минусинскую котловину.

Длительное время отсутствие материалов из раскопов на периферийных, по отношению к долине Среднего Енисея, районах не позволяло соотнести сюжеты изобразительного искусства и сведения об изменении состава населения Минусы с соседними территориями. Благодаря исследованию погребения на р.Кан, один из пунктов на пути контактов степного населения с соседями в конце I тыс. до н.э. — начале I тыс.н.э. в настоящее время может быть намечен. Дальнейшие исследования позволят проверить обоснованность предлагаемой культурно-исторической интерпретации данного памятника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савельев Н.А. Археологические исследования в долине реки Кан. — Иркутск: Изд-во Иркут.ун-та, 1973, с.17-18.
2. Новгородова Э.А. К вопросу о древнем центральноазиатском защитном вооружении (середина I тыс. до н.э.). — В кн. Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. — Новосибирск: Наука, 1975, с.223-228.
3. Волюев В.В. Улангоонский могильник. — В кн.: Археология и этнография Монголии. — Новосибирск: Наука, 1978, с.104-106.
4. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. — Улан-Удэ, 1967, с.103-103.
5. Цэвэндорж Д. Чандманьская культура. — В кн.: Археология и этнография Монголии. — Новосибирск: Наука, 1978, с.111.

6. Кулемаи А.М. Тагарские костяные наконечники стрел. ИИАИ, вып.УП. - Кемерово: Изд-во Кемер.ун-та, 1978, с.30-42.
7. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. - Новосибирск: Наука, 1979. - 207 с.
8. Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулунские курганы. - М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1962. - 206 с.
9. Давыдова А.В. Иволгинское городище. - СА, 1958, XXV, с.291.
10. Пшеницына М.Н. Третий тип памятников тесинского этапа. - В кн.: Первобытная археология Сибири, - Л.: Наука, 1975, с.150-162.
11. Барнова Л.Л. Таштынский могильник Барсучиха П. - В кн.: Первобытная археология Сибири. - Л.: Наука, 1975, с.165-173.
12. Левашова В.П. Вознесенское городище. - В кн.: Государственный Западно-Сибирский музей, - Омск: б.и., 1928, с.89-90.
13. Кыласов А.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. - М.: Изд-во МГУ, 1960. - 198 с.
14. Грязнов М.П. Миниатюры таштыкской культуры, - АСГЗ, 1971, вып.13, с.94-106.

А.Р.Кыласов

(Московский государственный университет)

ДРЕВНЕХАКАССКИЕ КУРГАНЫ С ОСТАТКАМИ СООРУЖЕНИЙ НА СТОЛБАХ

Среди памятников таштыкской культуры, занимавшей некогда значительные районы Сибири и Центральной Азии от Среднего Прииртышья на западе до низовьев р.Саленги на востоке, от устья р.Ангара на севере до северного Семиречья и Великой стены на юге /1, с.54-59/, имеется еще одна специфическая категория памятников, которая осталась неопищенной.

Речь идет о курганах, под насыпями которых обнаруживаются остатки деревянных столбов, вкопанных в ямки или вбитых в материк. Мне уже приходилось отмечать эти памятники /2, с.41/. Нам-

большее количество таких курганов исследовано на территории Тувинской АССР.

Первые два кургана с остатками деревянных столбов были раскопаны А.В.Адриановым в 1916 г. в долинах рек Пий-Хема и Элегеста /3, рис.4,6/. К сожалению, этот исследователь не фиксировал деталей устройства курганов. Чертежей нет, но сохранились дневниковые записи /4/.

П и й-Х е м, к у р г а н 31 находился на левом берегу между Нижним и Верхним шивиликами. Это хорошо сохранившееся круглое юртообразное сооружение, с тщательно выложенной из плит отвесной стенкой высотой 1,06 м. Диаметр ограды 7,6 м. Верх был забросан камнями и имел впадину диаметром 2,8 м,ходящую почти до уровня земли. После разборки выявлено, что ширина внешней стенки ограды составляла 0,7 м. В центре была вкопана плита высотой 2 м, которая затем повалилась. Вокруг нее первоначально "поставлен круг из плит и больших камней, ограничивавших площадь круга 2,8 диаметром" /4/. На глубине 0,27 м ниже каменной лежал крестец и первый позвонок двухгодовалого быка, а кругом - осколки нижней челюсти и зубы лошади, позвонок и обломок лопатки овцы. При ба-чистке обнаружена ямка диаметром 0,9 м, обставленная по стенкам плитками, а на дне заложены камни. Вокруг нее на материке стояли по шестигольнику шесть деревянных столбов диаметром 0,7 0,9 м (в плане это напоминает каркас шестигранной деревянной юрты - Л.К.).

При расчистке центральной ямки, на глубине 0,72 м, выявлен лежавший на боку череп человека без нижней челюсти и два ребра "сильно издряхлевших" (вероятно, это подхоронение одного черепа и двух ребер, так как полный скелет в такой ямке уместиться не мог - Л.К.) Автор раскопок добавляет, что в верхнем слое насыпи в южном поле он обнаружил фалангу стопы человека.

Ч и н г е, к у р г а н 18 - круглый каменный курган, возле которого стояла стела с выбитой на ней енисейским письмом эпитафией (Элегест - № 10) /5, с.25-28/. Насыпь диаметром около 10 м и высотой 0,95 м, была аккуратно сложена из плит. Бока ее имели наклон около 45° , а верхушка плоская, со впадиной диаметром 2,92 м. При расчистке вокруг насыпи выявилась кладка из плиток в виде отвесной стенки 0,82 м высотой. Эта стенка создавала первоначально круглую ограду юртообразного кургана, заложённую камнем изнутри. С северо-западной стороны, вплотную к этой стенке внешней стороны, прилегал четырехгранный столб, вытесанный из

серого песчаника, с округлой верхушкой. Высота его 0,76 м сечением 0,31 x 0,2 м. В 7,8 м к восток-юго-востоку стояла высокая каменная стела с эпитафией (памятник Элегест I - № 10)/3, рис. 4/.

При раскопке кургана колодцем 2 x 2 м замечено, что на горизонте с западной стороны в линию сошли три отвесно вкопанных плитки (вероятно, от внутренней оградки подобно наблюдавшимся в курганах Ир-Холя - Д.К.) Затем расчистили остатки семи деревянных столбиков (диаметром 10-12 см), стоявших, очевидно, по квадрату, в три линии с севера на юг в 0,3-0,36 м друг от друга. Судя по довольно путаному описанию в дневнике, в кургане, видимо, находились два захоронения. От дополнительного погребения на горизонте обнаружены отдельные кости полумстлеванного скелета и "съеденные коренные зубы", ожерелье из шести круглых красных бусин и, вероятно, обломанный конец точильного бруска из серого камня, а также кости овцы и лошади. Очевидно, это остатки женского погребения.

Основное погребение было совершено по обряду трупосожжения. Оно залегало на горизонте и в старом дерновом слое, вместе с пережженной землей и углями. К нему относятся необожженные кости коровы (ребра, позвонки, крестец), овцы (позвонки) и лошади (крестец). К IX-X вв. относятся остатки лаковой танской чаши, части поясного набора из полукруглых бляшек и фигурных выпукло-вогнутых наконечников с растительным узором, а также железная обойма /3, рис. 6-1-3/. Кроме того, сохранились оплавленные куски таких же бляшек, бронзовые пластинки и их обломки, железные валяпочные гвоздики и серебряные слитки.

В дополнение к сведениям, приведенным А.В. Адриановым, могу добавить, что мне удалось в 1960 г., 45 лет спустя, разыскать и осмотреть место раскопок кургана 18. Оно находится на высоком плато по левому берегу р. Элегест, примерно в 15 км вверх от пос. Усть-Элегест и в 3 км от берега реки. К западу от него в 5 км на правом берегу реки находится большая гора Курже, а в 1 км к северу - крутая сопка Чурек-Кожгар в отрогах горы Чинге. Курган 18 был сложен из плитняка и раскопан Адриановым колодцем. В воронке раскопа до сих пор сохранились мелкие пережженные косточки трупосожжения, бывшего под насылью. В 6 м к востоку от насыли находится усыпанная плитняком яма от стоявшего здесь и вывезенного Адриановым в Минусинский музей памятника (№ 10) с надписью. В 50 м к востоку стоял каменный четырехгранный, ныне сложенный и упавший менгир без каких-либо знаков. С северо-западной

стор. на насыпи стоит четырехгранный каменный столбик высотой 60, в поперечнике – 40 x 20 см. Полю кургана ос. адись недокопаннлм метра по три с каждой стороны, т.е. памятник наполовину не изучен. К юго-западу от кургана 18 находятся еще три исследованных В.А.Адриановым кургана.

Экспедиция Московского университета раскопала два подобных кургана в 1955 г. в долине Туве, в могильнике возле пос. Сарыг-Булуун, где исследовалось и поминальное сооружение древнетюркской знати (рис.1) /7, с.33-35; 8, с.129-131, рис.91/

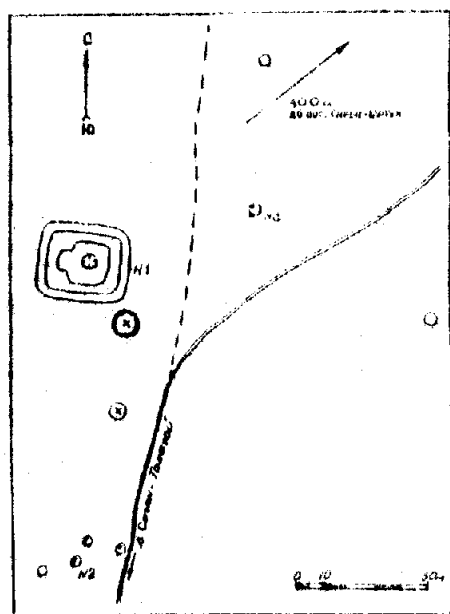


Рис.1. План могильника в Сарыг-Булууне: (X) - разграбленные курганы; (⊖) - курганы с вертикально стоящими плитами с северо-западной стороны

С а р ы г - Б у л у у н, к у р г а н 2 размером 4,15 (север-юг) x 4,9 м и высотой 0,15 м. Насыпь состоит из обломков серого гранита, речных валунов и земли, по краям – более крупные плиты, часто врытые на ребро. В северо-западной части кургана стоял камень высотой 0,6 м. При зачистке материкового слоя под насыпью (глубина 0,45-0,6 м) обнаружены четыре вертикально врытых дере-

вянных столбика диаметром 10-20 см. В плане они стояли почти по углам квадрата, ориентированного сторонами на север-северо-запад, восток-северо-восток, юг-юго-восток, запад-юго-запад (рис. 2-1).

Основания столбов находились на глубине 0,8-0,9 м. В центре ямка глубиной 0,4 м, возможно, от пятого столба.

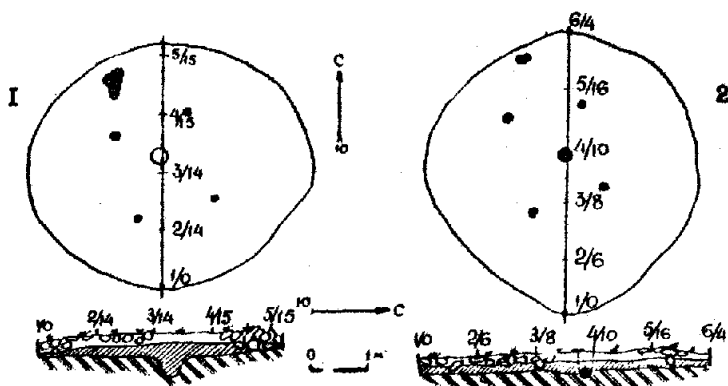


Рис. 2. План и разрез курганов 2 (1) и 3 (2) могильника Сарыг-Будун

Сарыг-Будун, курган 3 имел округлую форму диаметром 5 м и был совершенно плоским. Сложен из обломков серого гранита. У северо-западного края врыт камень высотой 0,4 м. Около него лежат более крупные камни. При зачистке материкового слоя под насыпью, в центре, найдены мелкие обломки костей животных плохой сохранности, а также остатки пяти вертикально вкопанных столбов диаметром 18-25 см. Таким образом, в плане столбы составляли прямоугольную фигуру (1,5 x 1,2 м с пятым столбом в центре (рис. 2-2).

Столбы были врыты на глубину от 0,3 до 0,5 м и только центральный на 8 см.

Нам видим, ориентация прямоугольников из слоббов в обоих раскопанных курганах одинакова и связана с вертикальными камнями, вкопанными в северо-западных полях (рис.2). В том же могильнике остались нераскопанными аналогичные курганы (рис.1).

Два других кургана исследованы нами в 1959 г. в урочище К е з е к - Х у р з е, которое находится между двумя протоками р.Межегей правого притока Элегеста. Это место расположено в 1 км к северо-западу от окраины поселка совхоза "Межегей", расположенного в урочище Алаак. Здесь в 300 м к западу от конюшни совхоза находился каменный курган с хосо врытым старым оленним камнем, покрытым с двух сторон енисейской надписью.

К е з е к - Х у р з е, к у р г а н I - округлый, сложен из речных валунов и обломков скалы, слегка задернован (рис.3). Диаметр насыпи 7,5 м и высота 0,25 м. В северо-западном секторе, наклонно на восток-юго-восток, стоял использованный также в сред-

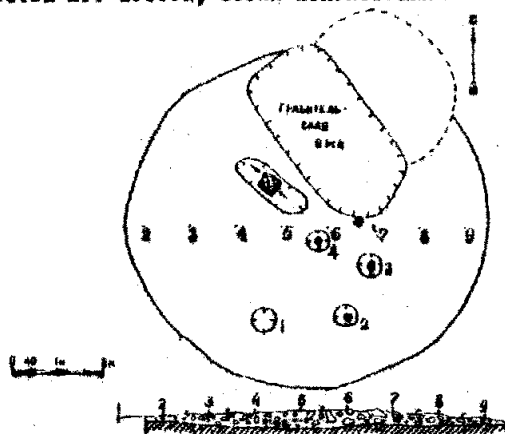


Рис.3. План и разрез кургана I в Кезек-Хурзе:

- - деревянные столбы; ▨ - каменный столб;
- - граница выброса; ○ - камни; ▨ - материк; ← - расположение надписей

невековье олений камень длиной 2,12 м (общая длина в выкопанном состоянии 3,17 м), шириной 0,3 м, наибольшей толщиной 0,2 м. Камень высечен из серого песчаника, рунические надписи находились на север-северо-западной и восток-юго-восточной его сторонах/3, рис.10-1/. Они были высечены неглубоко (длина надписей с обеих,

сторон 1,15 м, высота букв 5-6 см) и потому, к сожалению, полу-стерлись от времени. Стела стояла в овальной яме (1,8 х 0,6 м и глубиной 1 м), вытянутой с запада-северо-запада на восток-юго-восток и заложенной большими камнями. После снятия южной половины насыпи обнаружены четыре округлые ямы: 1 - диаметр 0,52 м и глубина 0,5 м - пустая; 2 - диаметр 0,52 м и глубина 0,5 м; в ней стоял деревянный столб диаметром 18 см; 3 - диаметр 0,52 м и глубина 0,7 м (в ней находился столб диаметром 16 см); 4 - диаметр 0,48 м и глубина 0,75 м-имела столб диаметром 18 см. Все столбы сохранились в полуистлевшем состоянии на всю глубину. Четвертый столб был вбит в землю к северу от ям (рис.3). Его диаметр 0,2 м; вбит на глубину 0,25 м. В северной поле расчищена грабительская яма, вытянутая с северо-запада на юго-восток (4,1 х 2,06 м), заполненная землей с большими обломками скалы на глубину 0,75 м. К северо-востоку от нее обнаружен выброс (рис.4). Очевидно, что курган не погребальный. Стела с надписью была вывезена нами и сдана на хранение в краеведческий музей Кызыла (№ 3505).

К е в е к-Х у р э з, к у р г а н 2. Для того, чтобы прояснить назначение сооружения в кургане 1, хотя бы косвенно, был раскопан еще один, ближайший курган, находившийся в 100 м к северо-северо-западу от кургана 1. Он имел плоскую, совершенно сходную с ним округлую (6,2 х 5,6 м) насыпь высотой 8 см из слегка задрюканных обломков скалы (рис.4). После снятия насыпи на го-

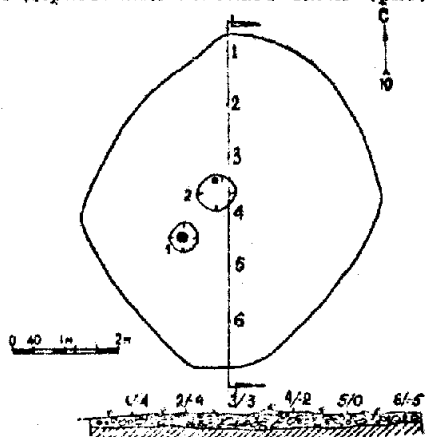


Рис.4. План и разрез кургана 2 в Кевек-Хурээ: ● деревянные столбы; ▨ материк; ⊙ камни

ризонте выявлены две ямки. Ямка 1 диаметром 0,56 и глубиной 0,6 м, была засыпана мягкой землей. В ней оказался остаток деревянного столбика диаметром 20 см. Ямка 2 - диаметром 0,75 м и глубиной 0,9 м. В ней находился столбик диаметром 0,16 м (рис.4). Таким образом, курган 2 имел сходное назначение с курганом 1. Несмотря на отсутствие датирующих материалов, очевидно, что курганы с деревянными столбиками и вертикальными плитами с северо-западной

стороны насыпей являются древнехакасскими тохтятскими курганами IX-X вв. Это подтверждают не только стелы с древнехакасскими енисейскими надписями у курганов Чинге I8 и Казак-Хурээ I, но и раскопанние М.Х.Маннай-оолом "пустые" насыпи: к у р г а н I в С а р г а л-А к с ы (со стелой с енисейской надписью, стоявшей у западного края насыпи), а также к у р г а н 2 в у р о ч и щ е К е з е к-Т ы т (со стелой с енисейской надписью, стоящей с северной стороны насыпи) /9, с.2 и 6-249/.

М.Х.Маннай-оолом в урочище К у с к у н н у г на правом берегу Каа-Хема раскопал округлые каменные к у р г а н ы I и 2. В кургане I обнаружены четыре столба (диаметром 15-20 см), стоявших в ямках по четырехугольнику. Ближе них, с северной стороны, на горизонте лежали два железных ножа IX-X вв., а под юго-западной полой - зуб и обломок бедра лошади. В центре кургана 2 в ямке расчищены остатки одного деревянного столба /10/.

Кроме того, в 1975 г. М.Х.Маннай-оолом же раскопан каменный к у р г а н I в у р о ч и щ е О о р з а к-А к с ы на р.Уюк (диаметр 8 м). Поверх его насыпи лежали поваленные пахарями три стелы с высеченными на них енисейскими руноподобными надписями, из которых две оказались древнехакасскими. Под центром насыпи выявлено трупосожжение в ямке, а вокруг в отдельных ямках обнаружены основания сами столбов.

Восемь курганов со столбами, но без погребений, раскопала в могильнике Морен (в Эраинском районе на юге Тувы) В.П.Дьячкова в 1961 г. Насыпи их плоские, округлые, сооружены из обломков скалы и земли. Диаметр курганчиков II, 23, 29, 41, 43, 45, 46, 62 от 2,6 до 6 м. У трех из них сохранились вертикально стоящие камни: с юго-восточной (23), южной (29) или северо-западной (II) сторон насыпей. Под насыпями обнаружены основания деревянных столбов. В центре двух курганов (43 и 45) выявлено по одному столбу, у кургана 46 - два столба, в другом случае три столба составляли угол (62). Под четырьмя насыпями (II, 23, 29, 41) оказалось по пять столбов: четыре стояли по углам квадрата, а пятый посередине.

Низ столбов иногда заострен, вероятно, они были вбиты в землю. Диаметры столбов 0,2-0,4 м. Под насыпью кургана II на горизонте обнаружены угли и бараний позвонок, в 29 кургане - кость барана, в 41 - в трех местах расчищены угли, ребро и трубчатая кость барана, в 62 - угли и суставная часть лошади. Под другими насыпями кроме оснований столбов ничего не обнаружено /11/.

Таким образом, в настоящей статье собраны данные о девятнадцати курганах, сохранивших остатки столбовых сооружений, распоранных разными исследователями в отдаленных друг от друга пунктах Тувы.

Из-за малочисленности полученных материалов назначение таких курганов не вполне ясно. Бесспорно, однако, что они связаны с погребальным культом, частью которого является обряд поминок. В двух курганах (Чинге 18, Оорзак-Аксы I) обнаружены древнехакасские трупосожжения, причем в кургане Чинге 18 они сопровождались вещами тухтятской культуры IX-X вв. В обоих случаях у курганов оказались стелы с эпитафиями на енисейской письменности, с нанесенными на них древнехакасскими тамгами IX-X вв.

В ямке кургана Пий-Хем 31 находилось захоронение одного черепа человека и двух ребер. Такой обряд, насколько известно, для древнехакасских погребений не характерен, за исключением погребений детей по обряду труположения, а также, изредка, жен или наложниц — инородок (дополнительное погребение в кургане Чинге 18).

Кроме погребальных курганов стелы с древнехакасскими эпитафиями обнаружены в "пустых" курганах со столбами, которые следует, очевидно, отнести к кенотафам. Это курганы Кезек-Хурээ I, Саргал-Аксы I, Кезек-Тыт 2. На дату сооружения подобных курганов (IX-X вв.) указывают и два железных ножа, обнаруженных под насыпью кургана Кускуннуг I. Эти ножи, а также кости лошадей, коров, овец, угли от костров, которые обнаружены в некоторых курганах, являются, вероятно, остатками от поминальных пиршеств.

Какими же первоначально были эти сооружения на столбах? До получения большого количества материалов заключения о семантике этих памятников останутся гипотетичными. Вряд ли мы имеем дело с остатками помостов для средневековых воздушных погребений, подобных этнографически известным погребальным помостам тувинцев, алтайцев и хакасов /12, с.225-230/. Вед под сооружавшимися после истлевания помостов каменными курганами, очевидно, сохранились бы какие-то остатки костей человека. Следует также принять в расчет, что основным погребальным обрядом носителей тухтятской культуры IX-X вв. был обряд полных трупосожжений взрослых мужчин и женщин. Трупосожжения, сколько известно, не хоронились на помостах на одним народом Сибири.

Более вероятно, что столбы, имевшие в среднем диаметр в 20-40 см (от 10-12 до 70-80 см), были включены в состав каких-то

прочных конструкций. Может быть, во многих случаях (когда количество столбов составляло от четырех до семи) на этих местах сооружались крытые нарисные постройки (квадратные или шестигранные), в которых совершался какой-то обряд, предшествующий погребению останков умершего в могилу, приготовленную в другом месте.

Известной параллелью может служить открытый нами поминальный храм в виде каркасной восьмигранной крыты (из тринадцати столбов), раскопанный мною в том же могильнике Сариг-Булун (курган I древнетюркский поминальный комплекс УП-УШ вв.) /6/.

Не исключено, однако, что тухтитские нарисные сооружения могут быть связаны с обрядами манихейской религии, воспринятой средневековыми хакасами в IX-X вв.

В этнографических материалах о народах Саяно-Алтайского нагорья есть данные, которые также могут пролить свет на описанные средневековые курганы. Например, шорцы, перед камланием Ульгеню вкапывают у священной березы четыре столба, к которым подвешивают жертвенную лошадь "головой вниз и душат так, чтобы не пролилось ни одной капли крови". После поедания мяса животного они тщательно собирают все кости и складывают в маленький шалашик, который строят под березой. Может быть, высокие камни, стоящие по-одному возле курганов со столбами, предназначались для привязывания жертвенных животных перед их закланием.

Дальнейшие раскопки курганов с каменными столбами несомненно позволят реконструировать тот обряд, с которым связано сооружение этих специфических памятников.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Кызласов Л.Р. Тухтитская культура древних хакасов (IX-X вв.). - В кн.: Археология СССР. - М.: Наука, 1981, с.64-69.

2. Кызласов Л.Р. О датировке памятников енисейской письменности. - СА, 1965, № 3, с.41.

3. Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности. - СА, 1960, № 3, с.93-120.

4. Адрианов А.В. Дневник раскопок, произведенных Адриановым А.В. в Урянхайском крае (рукопись). Архив музея историко-материальной культуры Томского гос.университета, № 78.

5. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. - М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1962, с.25-28.

6. Кызласов Л.Р. Тува в период тюркского каганата (VI-VIII вв.). - ВМУ, серия IX, историч.науки, 1960, № I, с.51-76.
7. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. - М.: Изд-во МГУ, 1969. - 212 с.
8. Кызласов Л.Р. Древняя Тува. - М.: Изд-во МГУ, 1979. - 205 с.
9. Манна й-о о л М.Х. Итоги археологических исследований ТНИИЭЛИ в 1967 г. - В кн.: Уч.зап.ТНИИЭЛИ, вып.Х. - Кызыл, 1963, с.245-249.
10. Манна й-о о л М.Х. Отчет о работе археологической экспедиции ТНИИЭЛИ в 1967 г. Архив ИА АН СССР, № 3612.
11. Дьяконова В.П. Отчет о полевых археологических работах 1961 г. П отряда ТКАЭЭ. Архив ИА АН СССР, Р I, № 2374.
12. Кызласов Л.Р. Рецензия на Труды ТКАЭЭ ИЭ АН СССР, т. I - СЭ, 1961, № 4, с.225-230.

Ю.С.Худяков

(Новосибирский государственный университет)

КЫРГЫЗСКИЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ ИРКУТСКОГО МУЗЕЯ

В конце XIX-начале XX вв. в фонды Иркутского музея поступило известное количество железных предметов из Минусинской котловины. Согласно сохранившимся записям в старых инвентарных книгах, большинство вещей происходит из частных коллекций. Некоторые находки попали в музей в результате сборов известных исследователей-сибиреведов.

Долгое время эти находки не привлекали к себе должного внимания. По мере инвентаризаций, замены шифров, утраты старых описей они постепенно выпадают из поля зрения самих музейных работников. Между тем, эти материалы представляют несомненный интерес как для расширения источниковедческой базы по кыргызскому вооружению, так и для истории изучения средневековых памятников, поскольку их поступление в музей связано с именами таких известных для своего времени исследователей-сибиреведов, как И.С.Боголюбский, Г.Н.Потанин, А.М.Тальгрэн.

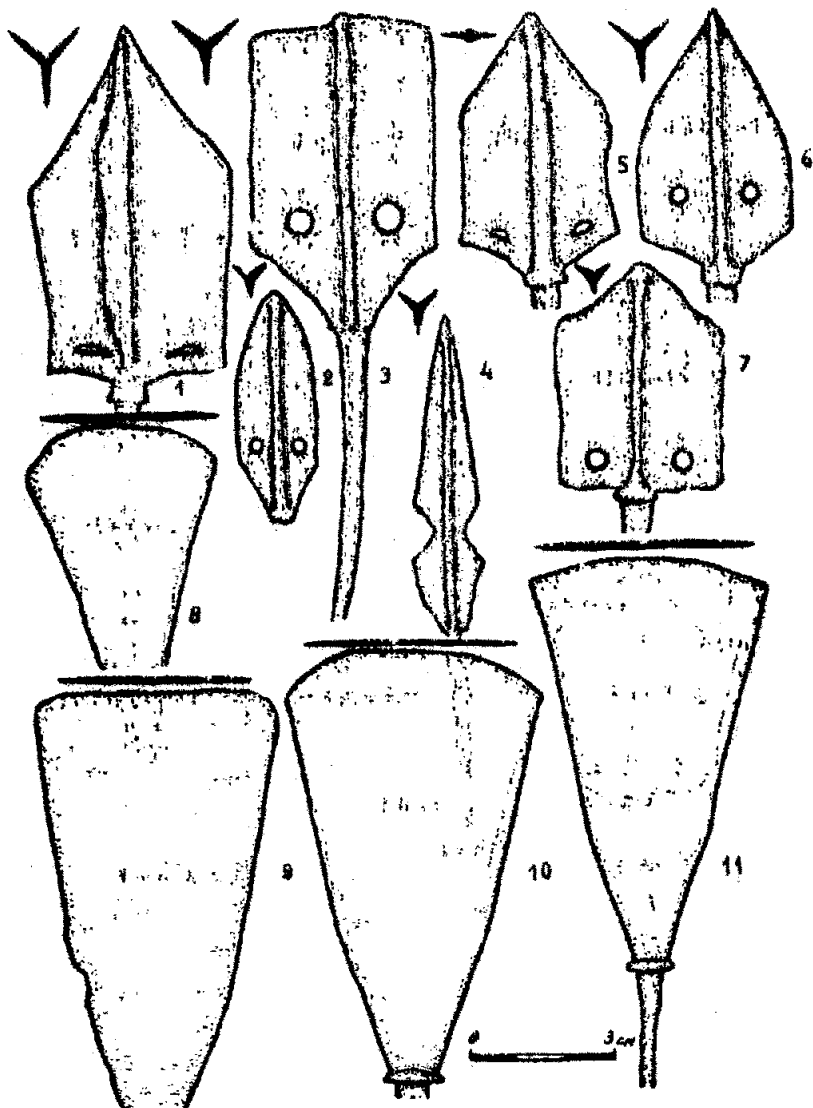


Рис. I. Наконечники стрел: 1, 2, 3, 4, 6, 7 - первая группа; 5, 8, 10, 11 - вторая группа; 9 - третья группа.

После просмотра многих десятков единиц хранения в фондах Иркутского областного музея краеведения и сверки со старыми инвентарными книгами нам удалось обнаружить среди многочисленных железных предметов из Прибайкалья и Забайкалья 23 наконечника стрелы и три стремени из Минусинской котловины /1/.

Все минусинские наконечники стрел из Иркутского музея принадлежат к одному классу - железные, к одному отделу - черешковые /2, с.311/. Шесть экземпляров по сечению пера можно отнести к группе трехлопастных. По форме пера среди них выделяются 4 типа.

К п е р в о м у типу - вытянуто-пятиугольные - относятся 2 экземпляра (№№ 7486-8, 1304-1Б). Длина пера - 4,5-7, ширина - 3,2-4, длина черешка - 6-6 см. Наконечники с остроугольным острием, массивным пером с прямыми плечиками, снабженными округлыми или полулунными отверстиями. Перо при подходе к черешку завершается упором. Наконечники данного типа имели широкое распространение у киргизов и на сопредельных территориях в IX-X вв. н.э. /2, с.312/ (рис.1,1,7).

В т о р о й тип - удлиненно-шестиугольные - включает также 2 экземпляра (№№ 7486-10, 1304-1). Длина пера - 4,7-5,5, ширина - 1,7-3,2, длина черешка - 6,7 см. Наконечники с остроугольным острием, покатыми плечиками, округлыми отверстиями в лопастях и выделенным упором при подходе к черешку. Этот тип наконечников стрел был характерен для киргизов и их соседей во второй половине I тысячелетия нашей эры /2, с.312/ (рис.1,2,6).

К т р е т ь е м у типу - тсмары - относится 1 экземпляр (№ 7486-7). Длина пера - 6,5, ширина - 3,8, длина черешка - 7,2 см. Наконечник с тупым острием, массивным пером, округлыми отверстиями в лопастях и покатыми плечиками. Подобные наконечники сравнительно редко встречаются в средневековых памятниках конца I тыс.н.э. на Среднем Енисее /3, рис.5-18/ (рис.1,3).

Ч е т в е р т ы й тип - ярусные - включает 1 экземпляр (№ 1351-9). Длина пера - 6,7, ширина - 1,5, длина черешка - 4 см. Наконечник с остроугольным острием, узким пером с уступом в лопастях и покатыми плечиками. Аналогичные наконечники известны в Минусинской котловине с таштыкского времени /4, рис.22/ и продолжают бытовать у киргизов в VI-VII вв. н.э./5, с.88/ (рис.1,4).

Группа двухлопастных наконечников стрел представлена одним типом - удлиненно-шестиугольные - содержит 1 экземпляр (№ 7486). Длина пера - 5,5, ширина - 3,2, длина черешка - 6,2 см. Наконеч-

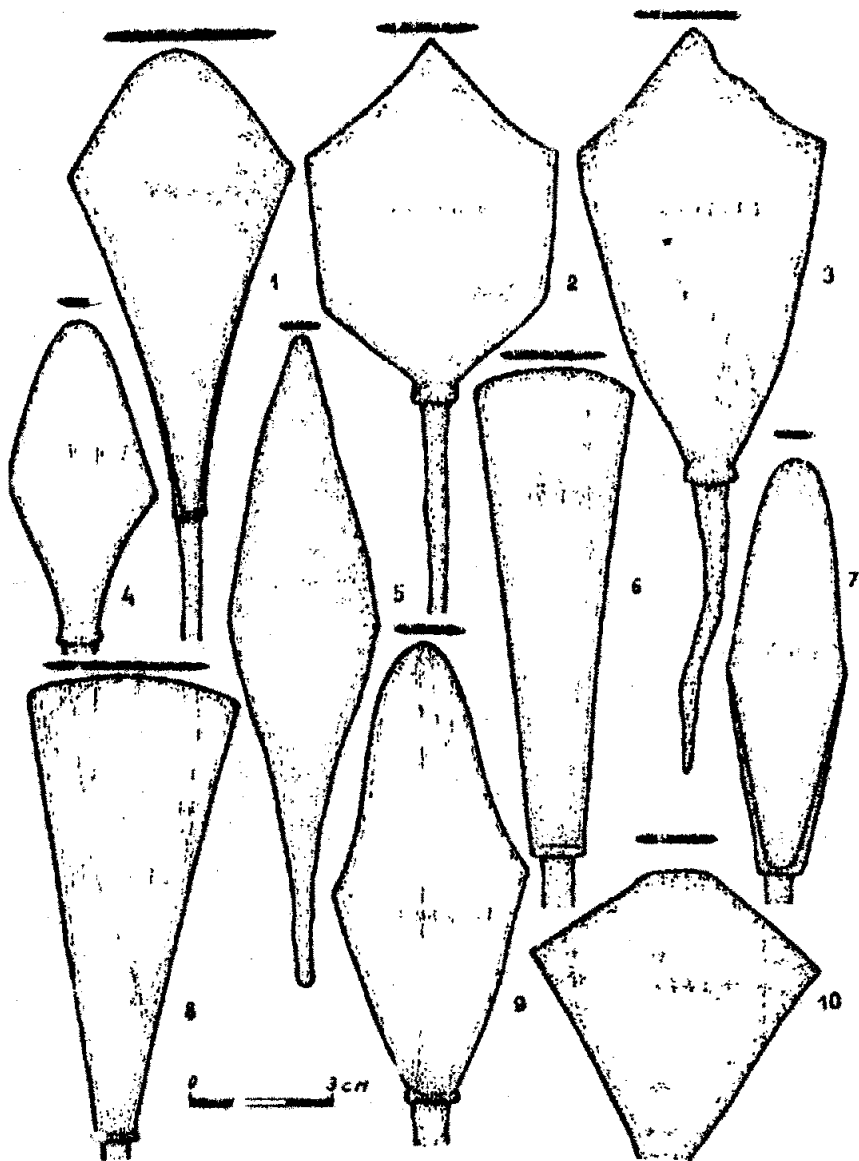


Рис.2, Наконечники стрел (третья группа)

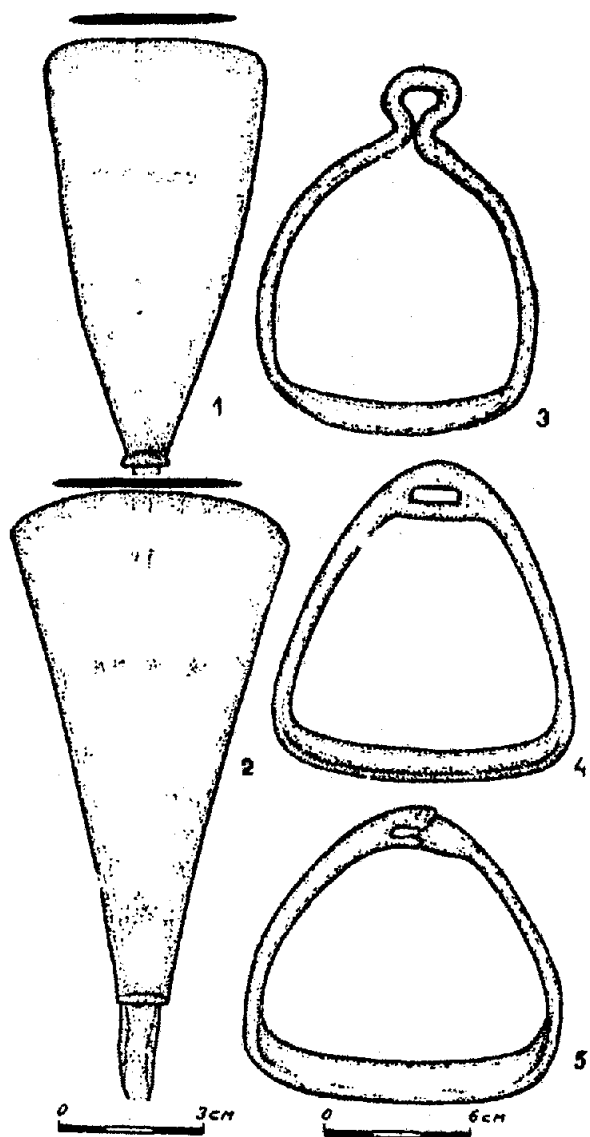


Рис.3. Наконечники стрел (1,2) и стремена (3,4,5)

ник с остроугольным острием, полулунными отверстиями в лопастях, поватями плечиками и упором при подходе к черешку. Двухлопастные наконечники в наборе ручного метательного оружия киргизского воина сравнительно редкое явление. В единичных экземплярах они известны в памятниках конца I тыс. н.э. /6, с.114/ (рис.1,5).

Остальные экземпляры наконечников стрел в Енисее в фондах Иркутского музея составляют группу п л о с к и х, распадающуюся на 6 типов.

П е р в ы й тип - асимметрично-ромбические - составляет 6 экземпляров (№ 7486-12, 7486-13, 7486-16, 1351-7). Длина пера - 6,5-10, ширина - 3-6, длина черешка - 3/8,7 см. Наконечники с остроугольным или тупоугольным пером, поватями плечиками, завершающиеся, в большинстве случаев, упором. Наконечники данного типа получают широкое распространение у киргизов с начала II тысячелетия н.э. /5, с.101/ (рис.2-1,3,5,10).

В т о р о й тип - удлиненно-шестиугольные - насчитывает 1 экземпляр (№ 7486-1). Длина пера - 7,5, ширина - 6,2, длина черешка - 7,2 см. Наконечник с тупоугольным острием, массивным пером, поватями плечиками и упором при подходе к черешку. Наконечники данного типа известны в памятниках конца I тыс. н.э. /7, с.104/ (рис.2,2).

Т р е т ь и й - томары - включает 2 экземпляра (№ 144-2, 1304-1В). Длина пера 8,8-9, ширина 4,6-5, длина черешка - 7 см. Наконечники с тупым острием, массивным пером, пологими плечиками. Подобные наконечники известны у киргизов с начала II тыс. н.э. /2, с.318/ (рис.1,9; 3,1).

Ч е т в е р т ы й тип - секторообразные - насчитывает 6 экземпляров (№ 74-1, 74-2, 1304-1Б, 1304-1В, 1304-19, 5931-3). Длина пера - 6,7-10,5, ширина пера - 3,2-5,8, длина черешка - 3,7-8 см. Наконечники с округлым острием, массивным пером, пологими плечиками, завершающимися упором при подходе к черешку. Подобные наконечники известны с иштыгского времени /8, с.47/ (рис.1,8,10,11; 2,6,8; 3-2).

П я т ы й тип - овально-крилатые - включает 2 экземпляра (№ 74-4, 1304-1Г). Длина пера - 8,6-9,6, ширина - 2,5-4, длина черешка - 4,4-8 см. Наконечники с округлым острием, выступающими крыльями, пологими плечиками, завершающимися упором при подходе к черешку. Подобный тип наконечников получает распространение у киргизов с начала II тыс. н.э. /9, с.58/ (рис.2-7,9).

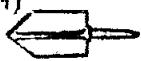









Группы	Типы	Количество	Размеры	Коллекция	Время
I Y	1) 	2	6·3,5·5,5	7486 1304	VI-X
	2) 	2	5,2·2·6,7	7486 1304	VI-X
	3) 	1	6,5·3,8·7,2	7486	IX-X
	4) 	1	6,7·1,5·4	1351	III-VIII
II —	1) 	4	5,5·3,2·6,2	7486	IX-X
III —	1) 	4	8·4,5·5	7486 1304 1351	XI-XIV
	2) 	2	7,5·5,2·7,2	7486	IX-X
	3) 	2	9·5·7	144 1304	XI-XI'
	4) 	6	8·5·6	74 1304 5931	XIII-XIV
	5) 	2	9·3·6	74 1304	XI-XII

Рис.4. Сводная таблица наконечников стрел

Хотя обстоятельства находки каждого экземпляра остаются неизвестными, вероятнее всего предположить, что большинство из них, судя по степени сохранности и патинизированности, представляют собой подъемный материал. Поскольку в случайном характере и репрезентативности выборки при формировании данной коллекции сомневаться не приходится, представляет интерес сравнение результатов анализа ее гр. шовного, типового и количественного состава с имеющимися сериями из раскопок и музейных собраний.

Представленные в виде сводной таблицы (рис.4) материалы коллекции киргизских стрел из Иркутского музея включают три группы наконечников, предназначенных для поражения незащищенного панцирем противника. Две из них относятся к числу самых распространённых групп наконечников, предназначенных для данной цели, получивших распространение во второй половине I тыс.н.э. - трехлопастные, и в первой половине II тыс.н.э. - плоские /Б, с.100/.

В составе группы трехлопастных наконечники трех типов, судя по массивным размерам, характерных преимущественно для последних веков I тыс.н.э. - вытянуто-прямоугольные, удлиненно-шестиугольные и томаи. К тому же времени относится и удлиненно-шестиугольный наконечник из группы двухлопастных. Лишь один экземпляр из 6 трехлопастных наконечников, относящийся к типу ярусных, датируется более ранним временем.

Из состава группы плоских наконечников большинство типов - асимметрично-ромбические, удлиненно-шестиугольные, томаи и овально-крылатые - получают распространение в конце I - начале II тысячелетия н.э., секторовидные характерны для монгольского и более позднего времени.

Среди материалов отдельных собирателей, насчитывающих по несколько экземпляров, 3 типа трехлопастных, 1 тип двухлопастных и 2 плоских представлены в коллекции Селиванова, 2 типа трехлопастных и 4 плоских - в коллекции В.А.Приклонского. Как можно видеть, результаты сборов на разных этапах формирования коллекции по составу находок соответствуют общим закономерностям эволюции киргизских наконечников стрел в эпоху средневековья /Б, с.105/. По всей вероятности, значительная часть находок относится ко времени расцвета оружейного производства у киргизов в конце I - первой половине II тыс.н.э. Можно предполагать, что в составе коллекции присутствуют наконечники более

последнего времени, но типологически они пока не отличимы от средневековых.

Большинство наконечников из числа случайных находок отличается массивными очертаниями и хорошей сохранностью. Судя по всему, коллекционеры привлекали крупные, хорошо сохранившиеся предметы. Этот отбор необходимо учитывать при составлении классификационных схем, построенных на анализе случайных находок.

Набор киргизских наконечников отряда в собрании Иркутского музея дополняется несколькими экземплярами стремян. Одно из них (№ 7486-2) восьмеркообразной формы, с округлой петлей, высоким проемом и пластинчатой подножкой. Подобный тип стремян получил широкое распространение во второй половине I тыс. н.э./10, рис.3/ (рис.3-3). Два других (№№ 7486-4, 144-1) с уплощенной прорезной дужкой, с отверстием для путлища, широким проемом и пластинчатой подножкой. У второго экземпляра дужка в месте крепления путлища повреждена. Такие стремени появляются в начале II тыс. н.э. и получают повсеместное распространение в монгольское время /7, с.47/ (рис.3-4,5).

Остается добавить, что в рамках данной коллекции два первых экземпляра присутствуют в материалах Селиванова, совместно с двулопастными, трехлопастными и плоскими наконечниками отряда 6 типов, отражая сборный характер коллекции, а последний — в сборах Боголюбского, совместно с массивным плоским наконечником.

Присутствие в составе материалов отдельных исследователей предметов различного назначения, взаимно дополняющих обоснованность датировок каждой категории, является фактором, усиливающим уверенность в отнесении находок ко времени расцвета Кыргызского каганата и последующим векам включения Минусинской котловины в орбиту монгольского влияния.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Колл.74-1881 г., Стендер, Минусинский округ, колл.144-1882 г., И.С.Боголюбский, Минусинский округ; колл.1304 - 1890 г., В.А.Приклонский, с.Тесинское, Сабинское, Таштык; колл. 1351 - 1891 г., Г.Н.Потанин, Минусинский округ; колл. 5931 - 1904 г., М.Талльгрэн, с.Табат; колл.7486 - 1920 г., Селиванов, Минусинская котловина.

2. Худяков Ю.С. Опыт типологической классификации наконечников стрел енисейских кыргызов IX-XII вв. н.э. - В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. - Новосибирск: Наука, 1975, с.311-318.
3. Левашова В.П. Два могильника кыргызов-хакасов. - МИА, 1952, № 24, с.121-136.
4. Худяков Ю.С. О вооружении таштыкского воина. - В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск: Наука, 1978, рис.22, с.164-169.
5. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. - Новосибирск: Наука, 1980, с.88-109.
6. Начаева Л.Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты, ТКАЭЭ, т.П. - М.;Л., 1966, с.114.
7. Ковычев Е.В. Лук и стрелы восточнозбайкальских племен I тысячелетия н.э.; В кн.: Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск: Наука, 1981, с.104.
8. Худяков Ю.С. Находки монгольского времени у с.Белый Яр. - В кн.: История, археология и этнография Сибири. - Томск: Изд-во ТГУ, 1979, с.47.
9. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. - МЭ, 1929, т.IV, вып.2, с.58.
10. Евтхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). - Абакан: Хакоблгосиздат, 1948, рис.20.

В.Н.Владимиров, П.И.Шульга
 (Алтайский государственный университет)
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО СКИФСКОЙ ЭПОХЕ ГОРНОГО АЛТАЯ

Постоянно поддерживающийся интерес исследователей к скифской проблематике делает актуальной скорейшую публикацию всех новых археологических материалов, датирующихся скифским временем. Целью настоящей статьи является введение в научный оборот результатов раскопок памятников эпохи раннего железа.

проведенных Горно-Алтайской археологической экспедицией Алтайского университета в 1980 г. в Онгудайском районе Горно-Алтайской автономной области.

Курганная группа Белый Бом 2 расположена на второй левобережной надпойменной террасе р. Чуи в 3 км от с. Белый Бом /1, с. 172/. Большая часть курганов вытянута цепочками с севера на юг с небольшими отклонениями. Два вскрытых кургана относятся к скифской эпохе.

К у р г а н 28 на поверхности выделялся слабым всхолмлением из ровных камней. Диаметр кургана 10 м, высота насыпи 0,2 м. В центре прослеживалась западина - след ограбления. Под насыпью было найдено несколько скоплений костей животных, преимущественно лошади. В заполнении могильной ямы обнаружены следы деревянного перекрытия. Погребение находилось на глубине 2,25 м от дневной поверхности. Захоронение парное (рис. 1, 3). Скелеты лежат на спине с подогнутыми ногами, головой на юго-юго-восток. Погребение ограблено, однако грабители заделали лишь западный конец. По дну могилы разбросаны обрывки золотой фольги. Инвентарь погребения: два кувшинообразных сосуда, один из которых украшен наклепным орнаментом (рис. 2, 12, 13), бронзовый кинжал длиной 22,5 см (рис. 2, 9).

К у р г а н 61 на поверхности выделялся всхолмлением из ровных камней. Диаметр кургана 8 м, высота насыпи - 0,25 м. Погребение совершено на глубине 1,6 м от дневной поверхности. Захороненный лежал в каменном ящике, сложенном из 4 плит (рис. 1, 1). Ящик ориентирован по линии северо-запад-юго-восток, сверху перекрыт плитами. Погребение было ограблено, кости находились в беспорядке. Кости лежал на материке - был ориентирован, судя по всему, головой на юго-восток. Инвентарь: развал неорнаментированного сосуда очень плохой сохранности, остатки неопределимого бронзового предмета, спиралевидная пронизка (рис. 2, 3), бронзовый предмет гантелевидной формы с проушиной в одном конце (рис. 2, 5), две сердцевидные бусины (рис. 2, 6) и нашивная бляшка из золотой фольги (рис. 2, 7).

Курганная группа Семисарт II расположена на правобережной надпойменной террасе р. Семисарт, правого притока р. Каерлык, в 4,5 км к юго-юго-востоку от с. Ело /2, с. 197/.

К у р г а н I на поверхности прослеживался в виде кольца из ровных камней с провалом в центре. Диаметр кургана 6 м,

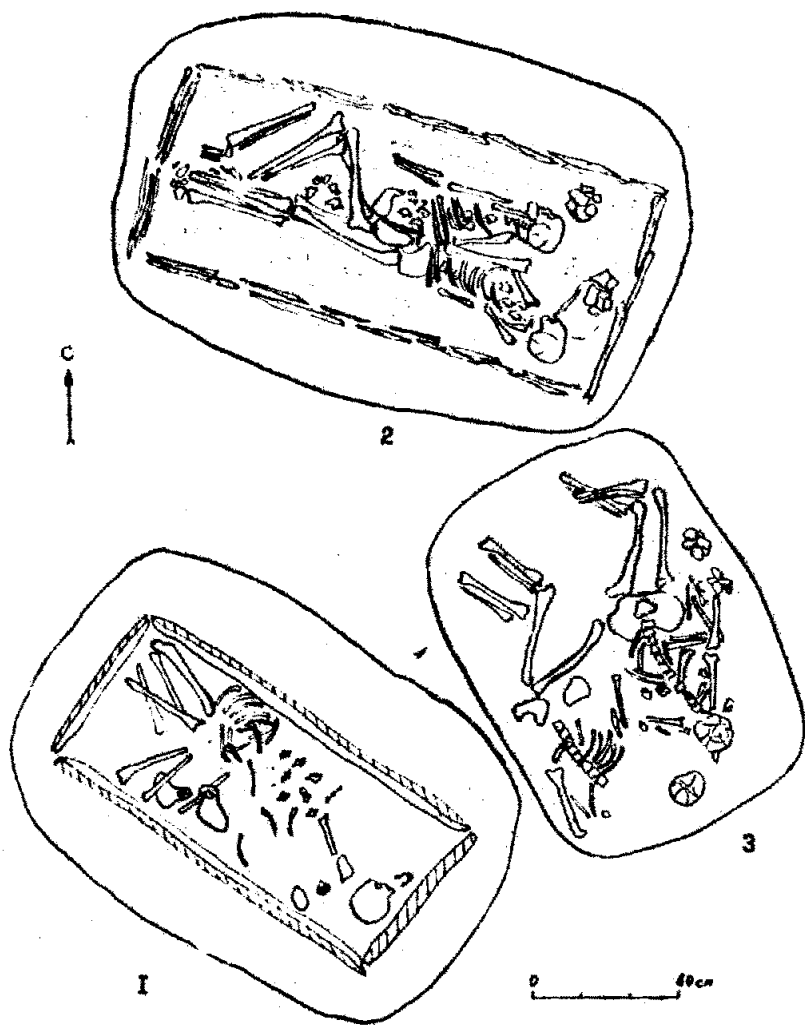


Рис. I. Планы погребений из могильников Белый Бом II (I, 3) и Семьсарт II (2)

высота насыпи - 0,35 м. При зачистке камней обнаружены многочисленные кости животных и фрагменты неорнаментированной керамики. Глубина могильной ямы 2,5 м от дневной поверхности. Захоронение парное, совершено в срубе. Костяки лежали на боку, головой на восток-кго-восток. Один из них вытянут с камнем-подушкой в головах, другой находился в скорченном положении (рис.1-2). Инвентарь: два одинаковых неорнаментированных кувшина (рис.2-II), три костяных наконечника стрел (рис.2-I-3), миниатюрный бронзовый чекан на деревянной рукоятке с круглым в сечении бойком и обухом (рис.2-II). К рукоятке был прикреплен бронзовый крючок с петелькой в верхней части (рис.2-4). У пояса одного из погребенных было обнаружено несколько человеческих зубов со следами бронзы, подобные находки известны в Кош-Агачском районе (рис.3-53). Существуют многочисленние аналогии ведам из описанных выше курганов, что позволяет датировать их более или менее уверенно.

Прежде всего обратимся к сосуду, орнаментированному двумя налепными валиками с насечками и располагающимся ниже налепным спиральным орнаментом. Подобный орнамент имеется у двух сосудов из Большого Катандинского кургана, датируемого У-IV вв. до н.э. /1, с.335/ и в могильнике Кош-Су I/5, рис.6,8/. Налепные валики и спирали по тулову характерны для Тувы и Монголии У-III вв. до н.э. /5, рис.70,3; 7, рис.14,6; 8, рис.6; 9, рис.2/. Обычай украшать шейки сосудов двумя налепными валиками в Центральном Алтае не зафиксирован, не типичен он также для само-усуньской и большебереченской керамики.

Кинжал из кургана 28 представляет собой модель, изготовленную из бронзового двухлезвийного черенкового ножа в ромбическом в сечении лезвием. Перекрестье и навершие изготовлены из дерева и закреплялись деревянными же кольшками. Лезвие ножа, хорошо прокованное, видимо, затачивалось. Очевидно, двухлезвийный нож был изготовлен для практических целей, лишь впоследствии ему была придана форма кинжала. Близкие по форме бронзовые ножи известны в бронзовом веке /10, с.9; II, рис.9,1; 12, с.48/ в памятниках же скифского времени на Алтае не обнаружены. Появление прямых перекрестий в Горном Алтае сносят к IV-III вв. до н.э. /3, с.44; 13, с.175/. Приблизительно к этому времени можно отнести изготовление имитации, на что указывает архаичность формы ножа.

Инвентарь из кургана 61 фрагментарный. Датирующей вещью является спиральная пронизка, имеющая аналогии в Туве в погребении У-IV вв. до н.э. /6, рис.39,9/. Учитывая конструктивную близость

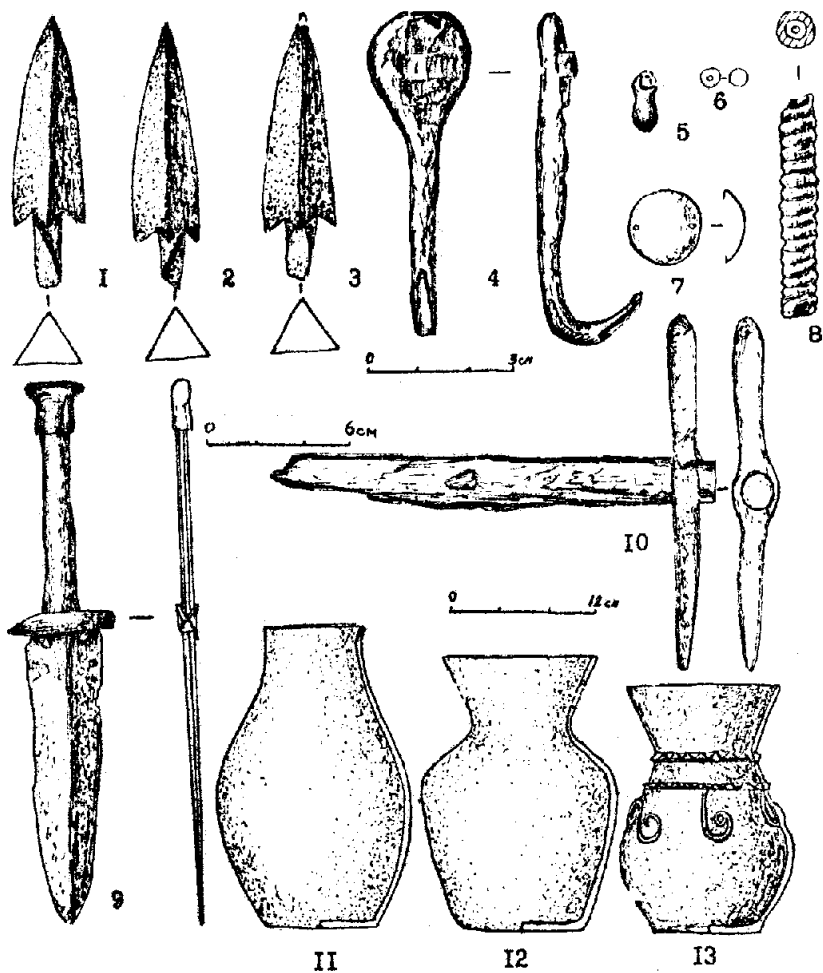


Рис. 2. Предметы вооружения (1-4, 9, 10), украшения (5-8) и керамики (11-13) из могильников Белый Бом II и Семисарт II

погребения кара-кобинского типа, курган может быть датирован III вв. до н.э. Курган I из курганной цепочки Семисарт 2 также носится к У-III вв. до н.э. Вотивные проушные чеканы на Алтае туют в УI-III вв. до н.э. /14, с.64/, а в соседней Туве в УI-IV вв. н.э. /7, с.50/. Копчанные кроки на Алтае встречаются в У в. н.э. /14, с.68/, они имели универсальное значение и могли использоваться для ношения мечей /15, с.294; 16, с.30/, зеркала 7, с.87/, применялись в качестве застежек /18, с.90; 19, с.95/. Сто бронзовые кроки встречаются в погребениях в соседстве с канями. Сосуды и костяные трехгранные черешковые наконечники рел не позволяют более точно датировать курган I.

Рассмотренный инвентарь в основном типичен для пазырыкской культуры У-III вв. до н.э., но всем трем курганам присуща одна особенность - отсутствие конских подхоронений в погребениях воинов, настоящему времени в Горном Алтае вскрыто значительное число добных погребений, что привало к постановке вопроса о выделении кара-кобинской культуры или культурной группы У-III вв. до н.э. 0, с.42-52; 21, с.64-65/, соседствующей с севера и с запада с зырыкскими племенами /20, с.46; 21, с.64-65/. К этому типу погребений относится курган 6I, а курганы I и 28, по-видимому, - результат взаимодействия населения, оставившего погребения пазырыкского и кара-кобинского типов. Погребения кара-кобинского типа также вскрыты восточнее могильника Белый Бом 2, близ пос.Акса /22, с.202/. Они служат связующим звеном между аналогичными погребениями по р.Урсул и в Кош-Агацком районе. В то же время распространение погребений пазырыкского типа не ограничивалось севером р.Урсул, типично пазырыкские цепочки курганов с кольцами с западной стороны известны до пос.Чемал.

Картографирование курганов скифского времени показывает, что располагаются они, как правило, на местах, удобных для зимнего выпаса скота. Территория Чарышского, Алтайского и Майминского районов, характеризующаяся низкогорным рельефом, высоким снежным покровом зимой, который затруднял или делал невозможной тележку скота, служила естественной границей расселения скотоводов южного Алтая. Группы скотоводов могли проживать там временно, что было связано с климатическими колебаниями, или их отселениями к другим племенам. Это подтверждается очень незначительным количеством курганов в данном поясе. Горные хребты и тайга, отделяющие Горно-Алтайскую автономную область с северо-востока, стока и юго-востока, обусловили компактное расселение скотово-

дов на этой территории в скифское время. Не случаен тот факт, что погребения пазырыкского и кара-кобинского типов не обнаружены в Хакасии, Кемеровской области, ни даже в степях Алтайского края. За этой границей племена пазырыкцев длительное время обитали лишь на территории Восточного Казахстана/ 23, с.133; 4, с.39-60/, где ландшафт и природно-климатические условия близки Горному Алтаю. Смешение местных этнических групп, при относительной замкнутости населения в горах Алтая, обусловило большое сходство между ними как в погребальном обряде, так и в наборе сопроводительного инвентаря, существенно отличая пазырыкцев от смежных культур.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. В л а д и м и р о в В.Н., Г л о б а Г.Д. Раскопки у с.Белый Бом. - В кн.: Археологические открытия 1980 года. - М.: Наука, 1981, с.172.
2. В л а д и м и р о в В.Н., Цы б С.В. Исследования в Горном Алтае. - В кн.: Археологические открытия 1979 года. - М.: Наука, 1980, с.197.
3. К у б а р е в В.Д. Кинжалы из Горного Алтая. - В кн.: Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск: Наука, 1981, с.44-53.
4. Г у д е н к о С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. - М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1960, с.335.
5. С о р о к и н С.С. Цепочка курганов времен ранних кочевников на правом берегу Кок-Су (Южный Алтай). - В кн.: Археологический сборник Государственного Эрмитажа. - Л.: Аврора, 1974, вып.16, рис.6,8.
6. Г р а ч А.Д. Древние кочевники в Центре Азии. - М.: Наука, 1980, рис.70,3; рис.39,9.
7. М а н н а й-о о л М.Х. Тува в скифское время. - М.: Наука, 1970, рис.14,6; с.50.
8. Ц э в э н д о р ж Д. Чандманьская культура. - В кн.: Археология и этнография Монголии. - Новосибирск: Наука, 1978, рис.5.
9. В о л к о в В.В. Улангомский могильник. - В кн.: Археология и этнография Монголии. - Новосибирск: Наука, 1978, рис.2.
10. Г р и ш и н Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи неолита и бронзы. САИ, вып.33-12. - М.: Наука, 1971, с.9.

11. И в а н о в Г.Е. К археологической карте верховьев рек Касмалы и Барнаулки. - В кн.: Археология и этнография Алтая, - Барнаул: изд. АГУ, 1982, рис. 9, I.

12. Х а л и к о в А.Х. Приказанская культура. САИ, вып. VI-24. - М.: Наука, 1980, с. 48.

13. С у р а з а к о в А.С. О вооружении ранних кочевников Горного Алтая. - В кн.: Вопросы истории Горного Алтая. - Горно-Алтайск: изд. ГАНИИД, 1980, вып. I, с. 175.

14. К у б а р е в В.Д. Древние изваяния Алтая. - Новосибирск: Наука, 1979, с. 64-68.

15. К и с е л е в С.В. Древняя история Южной Сибири. - М.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 294.

16. С м и р н о в К.Ф. Сарматы на Илеке. - М.: Наука, 1975, с. 30.

17. С о р о к и н С.С. Материалы к археологии Алтая. - Ученые записки ГАНИИД, 1965, вып. 8, с. 87.

18. К у л е м з и н А.М. Арчекассские курганы. - В кн.: Археология Южной Сибири. - Кемерово: изд. Кемеров. ун-та, 1979, с. 90.

19. К у б а р е в В.Д., К о ч е е в В.А. Курганы урочища Фураты. - В кн.: Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. - Горно-Алтайск: изд. ГАНИИД, 1983, с. 96.

20. С у р а з а к о в А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызыл-Телань (К вопросу о выделении кара-кобинской культуры). - В кн.: Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. - Горно-Алтайск: изд. ГАНИИД, 1983, с. 42-62.

21. М о г и л ь н и к о в В.А. Курганы Кара-Коба 2. - В кн.: Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. - Горно-Алтайск: изд. ГАНИИД, 1983, с. 64-65.

22. К у л е м з и н А.М. Работа Аиташского отряда алтайской экспедиции. - В кн.: Археологические открытия 1969 года. - М.: Наука, 1970, с. 202.

23. Ч е р н и к о в С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников. - В кн.: Первобытная археология Сибири. - Л.: Наука, 1976, с. 133.

24. С о р о к и н С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Вухтармы. - В кн.: Археологический сборник Государственно-го Эрматажа. - Л.: Аврора, 1966, вып. 8, с. 39-60.

18. П о т а п о в Л.П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая. - В кн.: Фольклор и этнография. - Л.: Наука, 1977, с.171.

19. Т о к а р е в С.А. Пережитки родового культа у алтайцев. - Труды института этнографии, 1947, т.1, с.150-151.

20. С е м е н о в Ю.А. Религиозный перелом на Алтае. - Сибирские огни, 1926, № 4, с.393-394.

21. ГААК, ф.164, о.1, д.97, л.5.

22. Ш е р с т о в а Л.И. О значении исторических преданий для реконструкции этнической истории алтайцев. - В кн.: Археология и этнография Алтая. - Барнаул: изд.АГУ, с.166-170.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АО	- Археологические открытия
БИОН	- Бурятский институт общественных наук
КСИА	- Краткие сообщения института археологии
КСИИМК	- Краткие сообщения института истории материальной культуры
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
МОИП	- Московское общество испытателей природы
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
НИИЯЛИ	- Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

РЕФЕРАТЫ

УДК 902.6

Проблемы и перспективы развития классификации в археологии каменного века. Х о л и ж к и н Д.П., Х о л о ш к и н а В.А. - В кн.: Археология и этнография Южной Сибири. - Барнаул: изд. АГУ, 1984, с. 3 - 20.

Рассматриваются современные представления об основных археологических типологических классификациях, о проблемах выделения археологических культур, о методике выявления пространственно-временных связей палеолитических индустрий. Предлагается методика выделения археологических культур в палеолите.

Библиогр. 63.

УДК 902.6

К вопросу о датировке палеолитических местонахождений у с.Одницовка. К у н г у р о в А.Л. - В кн.: Археология и этнография Южной Сибири. - Барнаул: изд. АГУ, 1984, с. 20-25.

Анализируется каменный материал с местонахождений Одницовка I, II, III, IV, рассматриваются стратиграфические особенности памятников. На основе геологических данных и радиоуглеродных датировок определяется место коллекций, собранных у с.Одницовка, в палеолите Сибири.

Библиогр. 5, илл. 3.

УДК 902.6

О результатах изучения каменной индустрии поселения Павловка I. К и р я ш и н Д.Ф., К у н г у р о в А.Л. - В кн.: Археология и этнография Южной Сибири. - Барнаул: изд. АГУ, 1984, с. 25-40.

Дается типология каменных орудий эпохи мезолита с поселения Павловка I, посредством трасологических определений восстанавливается картина хозяйственной деятельности древнего населения де-

состепного Алтая. Анализируется каменный и керамический материал эпохи раннего металла.

Библиогр. 8, илл. 7

УДК 902.6

Поселение Новочекино 3 - памятник эпохи поздней бронзы на севере Барабинской лесостепи. М о л о д и н В.И., Ч е м я к и н а М.А. - Р кн.: Археология и этнография Южной Сибири. - Барнаул: изд. АГУ, 1984, с. 40-62.

Публикуются материалы нового памятника эпохи бронзы на Барабинской лесостепи. Основной комплекс поселения относится к эпохе поздней бронзы. Дается описание находок, подробная типология керамики, которая отражает контакты таежного и лесостепного населения.

Библиогр. 27, илл. II

УДК 902.6

Могильник эпохи поздней бронзы у деревни Иштан на Оби. М а т ю щ е н к о В.И. - В кн.: Археология и этнография Южной Сибири. - Барнаул: изд. АГУ, 1984, с. 63-69.

Впервые публикуются оригинальные археологические материалы эпохи поздней бронзы. Памятник близок к ирменской культуре, на что указывает погребальный обряд и инвентарь могильника, являющегося самым северным из ирменских погребальных комплексов.

Библиогр. 2, илл. 2

УДК 902.6

Погребение гуинского времени на р. Кам. С а в е л ь е в Н.А., Х у д я к о в Д.С. - В кн.: Археология и этнография Южной Сибири. - Барнаул: изд. АГУ, 1984, с. 69-78.

Публикуются материалы погребения гуннского времени со своеобразным сопроводительным инвентарем. Ряд находок из погребения имеет аналогии в памятниках раннего железного века гуннского времени в Южной Сибири и Монголии.

Библиогр. 14, илл. 4

УДК 902.6

Древнекавказские курганы с остатками сооружений на столбах. К и з л а с о в И.Р. - В кн.: Археология и этнография Южной Сибири. - Барнаул: изд. АГУ, 1984, с. 78-88.

Публикуются оригинальные археологические материалы тектитской культуры. Рассматриваются материалы курганов со своеобразными деталями погребальных сооружений - остатками деревянных столбов. Эти курганы связаны с погребальным культом, частью которого является обряд пощенок.

Библиогр. 12, илл. 4

УДК 902.6

Киргизские наконечники стрел из Иркутского музея. Х у д я к о в В.С. - В кн.: Археология и этнография Южной Сибири. - Барнаул: изд. АГУ, 1984, с. 88-97.

Дается типология киргизских железных наконечников стрел, выносятся их сравнительная хронология. Большинство из них датируется концом первого - началом второго тыс. н.э.

Библиогр. 9, илл. 4

УДК 902.6

Новые материалы по скифской эпохе Горного Алтая. В л а д и м и р о в В.Н., Ш у л ь г а П.М. - В кн.: Археология и этнография Южной Сибири. - Барнаул: изд. АГУ, 1984, с. 97-104.

Дается публикация некоторых новых материалов из курганных могильников Центрального Алтая (Онгудайский район Горно-Алтай-

-ской автономной области), датирующихся скифской эпохой. Выясняется датировка и культурная принадлежность памятников. Делается попытка проследить эволюцию погребального обряда в Горном Алтае во второй половине I тыс. до н.э.

Библиогр. 24 , илл. 2

УДК 902.6

Распределение дискретных краниологических признаков в некоторых торкоявских популяциях Сибири. В а г а ш ё в А.Н. - В кн.: Археология и этнография Южной Сибири. - Барнаул: изд. АГУ, 1984, с. 105-115.

На основе исследований ряда антропологических признаков применительно к некоторым народам Сибири рассматривается популяционная близость отдельных групп населения. В качестве источников используется краниологический материал XIX-XX веков. Выявленная степень близости между популяциями согласуется с историко-этнографическими данными.

Библиогр. 13, илл. 2

УДК 902.7

Численность и расселение южных алтайцев в XVIII-XIX веках. В л а д и м и р о в В.Н. - В кн.: Археология и этнография Южной Сибири. - Барнаул: изд. АГУ, 1984, с. 115-126.

Рассматриваются вопросы численности и расселения алтайцев в 1756-1861 гг. Численность алтайцев неуклонно росла, что было следствием их вхождения в состав России. Показано, что алтайскими долинам первоначально были отведены определенные территории.

Библиогр. 30

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В.П. Х о л о ш к и н, В.А. Х о л о ш к и н а Проблемы и перспективы развития классификации в археологии каменного века	3 с.
А.А. К у н г у р о в. К вопросу о датировке палеолитических местонахождений у с.Одинцовка	20
Д.Э. К и р я ш и н, Н.Ю. К у н г у р о в а. О результатах изучения каменной индустрии поселения Павловка I.....	25
В.И. М о л о д и н, М.А. Ч е м я к и н а. Поселение Новочекино-3 - памятник эпохи поздней бронзы на севере Барабинской лесостепи	40
В.И. М а т в е е н к о. Могильник эпохи поздней бронзы у деревни Иштан на Оби	63
Н.А. С а в е л ь е в, Д.С. Х у д я к о в. Погребение гулянского времени на р.Кан	69
Л.Р. К ы л а с о в. Древнекавказские курганы с остатками сооружений на столбах	78
Д.С. Х у д я к о в. Кыргызские наконечники стрел из Иркутского музея	88
В.Н. В л а д м и р о в, П.И. Ш у л ь г а. Новые материалы по скифской эпохе Горного Алтая	97
А.Н. В а г а ш ь в. Распределение дискретных крадиологических признаков в некоторых тарколычных популяциях Сибири	105
В.Н. В л а д м и р о в. Численность и расселение диких алтайцев в XVIII-XIX веках.....	115
А.В. К о н о в а л о в. Кош-агацские казахи и таленгиты	127
В.Я. В у т а м а е в. Об этническом имени хакасов в эпоху позднего средневековья	134
Д.Г. С а в и н о в. Некоторые древние элементы в материальной культуре таленгитов	140
И.И. Ш е р с т о в а. Традиционный пантеон алтайцев в XIX- начале XX вв.	145
Список сокращений.....	158
Рефераты	156

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ
Межвузовский сборник

Томсклан Минвуза РСФСР 1984, п. 288

Редактор Л.И. Гавина
Корректоры Э.К. Васильева,
М.Г. Климентьева

Подписано в печать 05.07.84. АГ № 00927
Формат 60 x 84 1/16. Бумага для множительных аппаратов.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 10,0
Заказ 260 . Тираж 500 экз. Цена I р.50 к.

Редакционно-издательский отдел Алтайского госуниверситета,
Лаборатория множительной техники АГУ.
656099, Барнаул, ул. Дмитрова, 66